НАШИ ЛИЦА

Связанные РОДСТВОМ

Время эмигрантов

В этом выпуске мы расскажем об ингушах, которые по тем или иным причинам живут не в Ингушетии. Захотелось посмотреть на погруженных в иную реальность, в условия других стран, убедиться, что в любой среде они конкурентоспособны в профессиональном, социальном, общественном плане. Увидеть, насколько им помогает (или мешает?) их воспитание в ингушских традициях, их ментальность. Убедиться, что ингушское зарубежье дорожит российскими ингушами. Понять, почему и за что те, кто живет рядом с могилами пращуров, ценят соплеменников, давно уехавших на чужбину. Это то самое кровное родство, которое ощущаешь на уровне интуиции, кожей.

Во время подготовки материалов этого выпуска я поняла, насколько актуальную тему мы затронули. Как важно сегодня ингушам сохранить идентичность! В российских реалиях это удается с большим трудом. Но ведь история народа такова, что у ингушей накопился большой опыт выживания. Они найдут выход, если не хотят быть запертыми – ни в тюрьме, ни внутри страны. И ингушское зарубежье становится гарантом сохранения в том числе и генофонда нации.

4
Со времен Тамерлана

ПАРИЖ
34

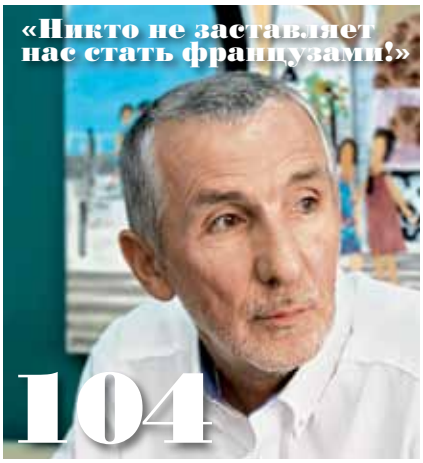

48
Чувство Родины я детям передам!

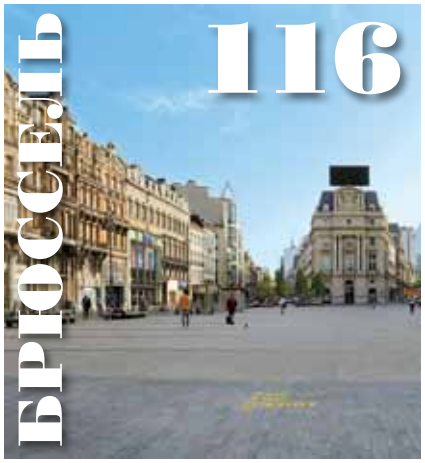

68
Без оглядки на географию

78
Золотая чаша благородства

86
ПРОБЕГ с препятствиями

90
Бурка под ногами

«Никто не заставляет нас стать французами!»
104

БРЮССЕЛЬ
116

126
НЕ БОЙТЕСЬ жизнь переменить!

БАРСЕЛОНА
136

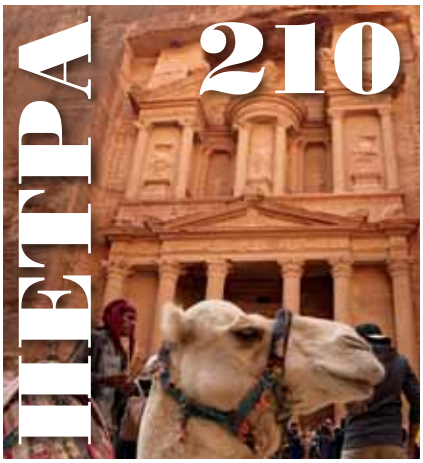

НАШИ ЛИЦА

ИЗДАТЕЛЬ
ООО»Коммуникационное агентство
«ПАРТНЕР ПЛЮС», г. Москва
Тел.:+7(495)724-99-61
www.right-partner.ru
e.sevryukova@mail.ru

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Елена СЕВРЮКОВА

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
Ксения РЫЖОВА

АВТОР
Елена СЕВРЮКОВА

АРТ-ДИРЕКТОР
Павел КИРИЕВСКИЙ

ВЕРСТКА
Павел КИРИЕВСКИЙ
Максим ЕФИМЦЕВ

ЦВЕТОКОРРЕКТОР
Мария НАУМЕНКО

КОРРЕКТОР
Татьяна ГОВОРКОВА

ФОТО
Ксения РЫЖОВА
и из архивов участников проекта

ХУДОЖНИК
Екатерина МАРТИНОВИЧ

Творческий коллектив выражает искреннюю признательность и персональную благодарность за помощь в создании проекта депутату ГД ФС РФ Алихану ХАРСИЕВУ

Выражаем особую благодарность за участие в создании проекта Батыру БОГАТЫРЕВУ и Марем ЯЛХОРОЕВОЙ

© Севрюкова Е., проект, 2019

Использование материалов возможно только с письменного разрешения коммуникационного агентства «ПАРТНЕР ПЛЮС».

Все права защищены

Отпечатано
Заказ №
Тираж экземпляров

Со времен Тамер

лана

«ЛУЧШЕ ОСТАВАТЬСЯ РАБОМ В СВОЕМ ДОМЕ, ЧЕМ СТРЕМИТЬСЯ БЫТЬ КНЯЗЕМ В ЧУЖОМ» – ГЛАСИТ ИНГУШСКАЯ ПОГОВОРКА. ОНА РОДИЛАСЬ НЕ СЛУЧАЙНО. ИСТОРИЯ ИНГУШЕЙ ПОЛНА СТРАДАНИЙ, ОНИ БЫЛИ ГОНИМЫ НЕОДНОКРАТНО И ПОРОЙ ЛЮТО. И ВОТ ИТОГ!

Только каждый второй ингуш живет на родной земле. Этот вывод можно сделать по данным из открытых источников: в мире насчитывается около 700 тысяч ингушей, но только 375 тысяч живут в Ингушетии. Вне родины они рассредоточились в основном по Европе, осели в Турции и Казахстане. Ингуши также живут в Сирии, Иордании и Ираке (в XIX веке все эти территории входили в состав Османской империи).

Нет точной статистики о численности ингушей, проживающих в европейских странах, но, по некоторым данным, одними из самых популярных стран для эмиграции стали Бельгия и Франция. А самая многочисленная зарубежная диаспора проживает в Турции – 85 тысяч человек.

Эмиграция никогда не была простым шагом. Это всегда драма. Французы говорят: «Уйти – это значит немного умереть». Опыт такой перемены в жизни всегда странный и непредсказуемый. Эмиграция – борьба за себя и за близких. Опыт эмигранта очень часто пугающе неприятен: мелькают люди и ситуации, а на чужом языке трудно правильно выразить мысли… Тем не менее ингуши всегда имели мужество и совесть быть благодарными тем странам, которые дали им гражданство.

Сколько всего было волн ингушской эмиграции, доподлинно не известно. Кавказ штормило во все времена. В этом регионе переплетались интересы многих государств. Он являлся мостом, соединяющим Европу и Азию, Черное и Каспийское моря. Через Поволжье и Астрахань открывались торговые пути в Ирак– как по Каспийскому морю, так и вдоль его западного Кавказского побе-

режья. Стратегическое значение данного региона таково, что не родился еще полководец, который отказался бы от обладания Кавказом.

Историки напомнят, что еще во времена Тамерлана, который разорил Северный Кавказ в конце XIV века, ингуши вынуждены были искать убежище на чужбине. Уцелевшие покинули свои равнинные территории и ушли в горы. Но уходили отнюдь не для того, чтобы отсидеться. В горах создавались очаги сопротивления. Горцы регулярно устраивали дерзкие вылазки на равнину, чем несказанно изводили Тамерлана. Тот, взбешенный, двинул в горы свои отряды.

Есть мнение, что действия «Тимура Хромого» затронули горные селения современных Назрановского, Сунженского, Ачхой-Мартановского и Шатойского районов Ингушетии и Чечни. Как бы там ни было, а накал боев в горной части Северного Кавказа был столь велик, что отряды Тимура в пылу атак забирались в такие места, откуда ни конному, ни пешему потом невозможно было спуститься. Можно было лишь оттолкнуться и скользить вниз на свой страх и риск.

Сначала татаро-монгольское нашествие, а позднее натиск тамерлановских войск заставили ингушей отступить в горы и научиться выживать в нечеловеческих условиях. Но даже тогда они остались непокоренными. К небу взметнулись их боевые башни, ныне уникальные памятники архитектуры. Строившие их уповали на милость Всевышнего, а он помогал им воплощать дерзкие замыслы. И по сей день ингушские башенные комплексы удивляют и

покоряют оригинальностью замысла и смелостью его исполнения.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

В начале XV века ингуши вернулись в долины, начав обживать равнины у рек Сунжа, Назранка, Камбилеевка, Ачалуки. Но во второй половине XVI века в результате похода кабардинского князя Темрюка (декабрь 1562 года), поддержанного ногайскими мурзами и русским царем Иваном IV Грозным, они вновь вынуждены были уйти в горы.

В XVII–XVIII веках западные районы Северного Кавказа были зависимы от крымской знати. Князья и ханы находились в беспрестанном процессе выяснения отношений и границ владений, при этом постоянные распри делали жизнь простых людей невыносимой: за интересы собственников дрались те, кого считали холопами. Свободолюбивые горцы, не вставая под знамена ни одного лагеря, руководствуясь принципом «чума на оба ваших дома», снова уходили в горы.

Новое возвращение ингушей на равнину началось в XVII веке. По свидетельству грузинского географа Вахушти Багратиони, уже к XVII веку в Тарской долине известно крупное ингушское селение Ангушт.

XIX век – тяжелое время для Кавказа: почти 50 лет здесь шли военные действия. Российская империя была намерена присоединить горные районы. На местное население шло поступательное и неумолимое наступление. Кавказская линия должна была постепенно продвигаться на юг. Леса, где могли скрываться отряды недовольных, вырубались, непокорные аулы уничтожались. Для обеспечения мира и порядка из детей кавказской знати брали заложников. Их отправляли на воспитание в Россию.

Во многом это было связано с тем, что командовал на Кавказе герой войны 1812 года генерал Алексей Ермолов – человек с диктаторскими замашками и огромными полномочиями.

Одновременно с этим Турция стала пытаться усилить свое влияние на Северном Кавказе. Как же хотелось правителям видеть горцев-магометан подданными Османской империи!

С конца Кавказской войны началась одна из самых массовых волн эмиграции вайнахов. Официальной датой их переселения в Турцию принято считать 1862 год. Тогда было утверждено Постановление Кавказского Комитета о переселении горцев. Однако наиболее массовым оно стало спустя несколько лет.

Горские народы оказались в тисках. Россия пыталась подмять Кавказ под себя, выдавливая коренное население, которое царское правительство считало «политически неблагонадежным». И тут же на место уехавших переселяли казаков и крестьян, оставшихся без наделов после реформ 1861 года.

Турция, еще в 1856 году заключившая с царским правительством соглашение о порядке переселения и приема нескольких кавказских племен, гарантировала эмигрантам безопасность, свободу личности, неприкосновенность имущества. Помимо этого, им предоставлялась земля и гарантировалось освобождение от налогов.

Среди уезжавших были и ингуши. В XIX веке произошло историческое для них событие – добровольное вхождение в подданство Российской империи. Уезжали, прежде всего, те, кому такой порядок был против воли.

А те, кто оставался, служили отчизне верой и правдой, не жалея себя. Во второй половине XIX века на Кавказе проживало 15–17 тысяч ингушей. Но брали не числом, а умением! Из представителей одного из самых малочисленных народов вышло шесть генералов царской армии. В Конвое Его Императорского Величества служило около сорока представителей ингушского народа. Беспрецедентный результат? Скорее, легендарная история!

СКВОЗЬ ГОРНИЛО РЕВОЛЮЦИИ

Эмиграция революционных лет стала очередной массовой волной отъезда ингушей с исторической родины. Хотя изначально после событий революционного 1917 года они строили совершенно иные планы.

После Февральской революции известный ингушский политик и общественник Вассан-Гирей Джабагиев вынес на обсуждение вопрос об автономном самоуправлении Кавказа в рамках Российской империи.

1 мая 1917 года во Владикавказе прошел I Горский съезд, на котором был создан Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. В ноябре того же года было образовано Горское правительство. Вассан-Гирей Джабагиев вошел в его состав как представитель ингушей.

А потом в России грянул Октябрь 1917 года. С февраля 1919 года по март 1920-го равнинная Ингушетия противостояла армии Деникина. Большеви-

ки пришли к власти, и ингуши активно их поддержали, услышав в лозунге «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим, власть – народу!» самый главный для себя постулат – о земле. Кроме того, они поверили в обещания большевиков справедливо решить национальный вопрос. Тысячи ингушей погибли в гражданскую войну. Многие ингуши присягнули на верность новой, рабоче-крестьянской власти.

Антон Деникин писал об ингушском сопротивлении так: «Ингуши являются виновниками в том, что революция на Кавказе победила. Если бы революция на Кавказе была подавлена, этот упрямый народ ушел бы в горы, леса, где создаются отряды, и силы гвардии России тают с каждым днем от их нападений. В 1919 году, когда верные мне части намеревались пройти через земли ингушей, мы получили решительный отказ».

Однако, когда стало очевидно, что Советская власть будет установлена на Кавказе, из Ингушетии пошла еще одна мощная волна эмиграции. Уезжали представители интеллигенции, не принявшие революцию. Они были людьми дальновидными и быстро поняли, чем обернется для простых людей обещанная «коммунистическая сказка».

А ДАЛЬШЕ – 1944-Й...

Этот год похоронил всякую надежду на то, что жизнь будет легкой и предсказуемой.

С 23 февраля по 9 марта 1944 года более 90 тысяч ингушей (а по неофициальным данным – более 130 тысяч) были изгнаны из родных домов. В неотапливаемых вагонах-теплушках их отправили в Среднюю Азию и Казахстан. В пути они были больше месяца. Каждый четвертый не доехал до места высылки.

По данным из открытых источников, 50 тысяч 660 ингушских детей, женщин и мужчин всех возрастов были уничтожены сталинским террором во время транспортировки с Северного Кавказа в Северный Казахстан и Среднюю Азию. Они умерли из-за холода, голода, эпидемий... Немалая часть стали жертвами насилия военных, комендантов и конвоиров. Условия проживания на чужбине в первые годы эмиграции были просто нечеловеческими. Но старики умирали из-за тоски по родине...

Исследователи приводят страшные цифры безвозвратных демографических потерь ингушей в депортации – 37,8%; если в 1944 году их было 134 тыся-

чи 178 человек, то в 1953-м – 83 тысячи 518 человек. «Сталинский геноцид» – именно такое определение кажется уместным, когда разговор заходит о масштабах этой национальной трагедии и ее последствиях.

Ингушей, как и чеченцев, обвинили в «массовом сотрудничестве» с фашистами, хотя совершенно очевидно, что ничего подобного не было. Вспомним хотя бы тот факт, что под Малгобеком немцы были разгромлены и отброшены. В 1941–1942 годах более 40 тысяч вайнахов ушли на фронт (причем 70% – добровольцами) и героически сражались с немецкими захватчиками. Среди защитников Брестской крепости – а именно они уже в первые дни войны породили великое сомнение в победе гитлеровской Германии – преобладали ингуши и чеченцы. В 1943 году был сформирован 255-й добровольческий отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк. И его бойцы показали себя героями.

Тем не менее операция «Чечевица», цель которой – полная «зачистка» Северного Кавказа от «неблагонадежных» ингушей и чеченцев, проводилась, когда линия фронта была уже далеко на западе, а во фронтовых штабах подписывали наградные документы, в том числе и на ингушей. И эти документы легли под сукно.

В 1956 году с депортированных был снят статус спецпереселенцев, и ингуши массово устремились на родину, хотя даже просто упоминание о них было там еще под запретом. Но несколько десятков тысяч семей остались в Казахстане. У каждой из них были свои причины не возвращаться. Многих отпугнули рассказы родни и земляков о том, что на родине их никто не ждал и пришлось начинать всё сначала. Выбор между землей предков и приютившей чужбиной для всех был тяжелым.

На конец прошлого века в Казахстане осталось около 20 тысяч ингушей. Это самая многочисленная диаспора ингушей в бывших советских республиках. Долгое время, вплоть до развала Союза, они даже не имели права массово собираться. Только после того, как Казахстан стал самостоятельным государством, ингуши одними из первых начали открывать культурные центры. И сегодня Ассоциация развития культуры ингушского и чеченского народов «Вайнах» входит в Ассамблею народа Казахстана. Ее представители ведут активную общественную жизнь, сплачи-

вая соотечественников вокруг вечных национальных ценностей.

ЦЕНА СУВЕРЕНИТЕТА

Казалось бы, перестройка и новый, постсоветский этап развития России должны были дать ингушам самое вожделенное – суверенитет, осознание того, что они, наконец, возродили свою республику. Но этого не случилось.

31 октября 1992 года на территории Пригородного района Республики Северная Осетия РФ вспыхнул вооруженный конфликт между ингушами и осетинами. Тогда погибли 583 человека, 939 человек были ранены, 261 человек пропал без вести. В заложниках оказались 1093 человека.

Предпосылки бойни создавали советские вожди, причем на протяжении нескольких десятилетий. Так, во время депортации большая часть территории, где проживали ингуши, была передана Северной Осетии. Когда ингуши начали возвращаться и была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, части Малгобекского района и весь Пригородный район остались в составе Северной Осетии. Ингушей там не жаловали. В 1982 году даже вышло постановление Совмина СССР (№ 183) «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР». Однако применялось оно фактически только в отношении ингушского населения.

Итогом вооруженного конфликта стал новый отток ингушей из родных мест. По некоторым данным, до 60 тысяч ингушей вынуждены были покинуть свои дома в Пригородном районе Северной Осетии. Часть аннексированных в 1944 году земель до сих пор остается в составе Северной Осетии, хотя принятый Верховным Советом СССР 26 апреля 1991 года закон «О реабилитации репрессированных народов» предусматривает в том числе и территориальную реабилитацию. До сих пор проблема возвращения Пригородного района ингушам властями упорно не признается, бюрократическая машина тут работает безотказно! Есть закон, есть факт признания насильственного изгнания коренных народов из этих мест, есть решение о возвращении. Бумаги в порядке, а возврата земель как не было, так и нет!

По моим ощущениям, девяностые годы окончательно похоронили надежды ингушей и на возвращение спокойной жизни, и на создание республики в исторических границах. Две чеченские

«Политика, основанная на сохранении иерархического неравенства народов, суть которой заключается в предоставлении одним из них привилегии за счет других и создании тем самым заинтересованной в статус-кво элиты. В территориальных конфликтах центр вынужден будет защищать одну из сторон, заботясь не об удовлетворении интересов народов и справедливом решении споров, а об усилении своих позиций... В рамках такой политики центр заинтересован не в прекращении межэтнических конфликтов, а в их поддержании».

Из доклада «Обоснование национальной политики на Северном Кавказе», 1995 г.

кампании (1994-1996 и 1999-2000 годов) навсегда изменили кавказскую реальность.

Не стану отрицать, что в Ингушетии были и те, кто ушел воевать против федералов. Но основная часть населения в тот период, взявшись за руки, преграждала путь колоннам танков, которые двигались на Грозный, и принимала беженцев из соседней Чечни. Женщины, дети, старики бежали от войны прежде всего к соседям-ингушам. Более 300 тысяч человек выехали тогда за пределы Чеченской республики. И ингуши активно подключились к решению их проблем. Как замечали журналисты, «Ингушетия и ингуши в течение ряда лет принимали активное участие в социальных, гуманитарных, правозащитных и политических проблемах чеченского народа на официальном и неофициальном уровнях и внутри страны, и за ее пределами. Например, впервые на трибунах Европарламента, Бундестага, ООН о нарушениях прав чеченского народа говорили ингушские правозащитники, чему есть множество документальных подтверждений».

И как же горько было им два десятилетия спустя получить новость о подписанном в сентябре 2018 года соглашении об установлении границы между Чечней и Ингушетией! Они-то оказались рядом с братским народом в один из самых горьких моментов современной истории, а те их просто... предали?

«ПЫТКА ТЕРРОРОМ»

Тот факт, что ингушская солидарность с чеченцами стала одной из причин их жесткого прессинга со стороны федеральной власти, сегодня, похоже, является уже просто констатацией факта. Марьям Яндиева в своей книге «Депортация ингушей. Причины, обстоятельства, последствия» называет происходящее с начала нынешнего века в Ингушетии третьим этапом государственного этноцида. И этот этап прекрасно маскируется под борьбу с терроризмом. Изложу некоторые фрагменты книги.

В 2001 году Виктор Казанцев, тогдашний полпред Президента в Южном федеральном округе, наметил самые главные направления сегодняшнего катастрофического развития ситуации в Ингушетии. Единственное, что неверно определил, так это дату завершения ингушской казни. Она пролонгирована в бесконечность, и тотальный «контртеррор» как

физическое уничтожение одних и выдавливание в изгнание за пределы Кавказа других ингушей происходит в режиме бессрочного нон-стопа. Политические проблемы, трансформированные в этнические, дали возможность осуществления «контртеррора без конца», вернее до: 1) нового спаривания Ингушетии и Чечни; 2) полного «…отказа от претензий на Пригородный район Республики Северная Осетия-Алания…» (из письма Казанцева). Достигаются эти задачи методами внесудебных казней, насильственных задержаний, похищений, физических пыток, моральных унижений ингушей на всей территории Республики Ингушетия, а также в зоне Пригородного района Северной Осетии.

«Этноцид с целью вытеснения ингушей (уже вернувшихся) и запугивания имеющих цель возвращения в места своего прежнего проживания в Пригородном районе и в г. Владикавказе осуществляют (безусловно, при полной поддержке федеральной власти) официальные полицейские структуры МВД и ФСБ Северной Осетии и так называемый осетинский Ку-Клукс-Клан. Правоохранительные органы Республики Ингушетия также участвуют в незаконных арестах, пытках, убийствах своих же ингушей и являются непосредственными соучастниками преступлений в общегражданской войне “всех против всех”, политическое руководство которой осуществляет федеральный центр», – уверена автор.

В обращении депутата Парламента Ингушетии Баматгирея Манкиева от 5 декабря 2005 года к следующему после Казанцева полномочному представителю президента в ЮФО Дмитрию Козаку отмечается:

«…Воюют на стороне осетин против ингушского народа Министерство обороны Российской Федерации, МВД Российской Федерации, ФСБ Российской Федерации, Прокуратура Российской Федерации и другие структуры федерального центра… правоохранительные органы МВД и ФСБ как Республики Ингушетия, так и Осетии похищают и убивают граждан ингушской национальности без суда и следствия…

…Мы, ингуши, на своей территории являемся беженцами, людьми без места проживания и прописки, а в наших домах проживают осетины российские и осетины-иностранцы. Нам, ингушам, паспорта обменяли в Осетии без права

прописки. Осетинам, которые проживают в Республике Грузия, Россия выдает российские паспорта и гражданство...»

И реакция властей последовала незамедлительно! Возбудилась прокуратура Ингушетии. Но как?! Депутата Манкиева за данное обращение затаскали по судам и привлекли к административной ответственности. Не правда ли, сам по себе весьма показательный факт!

Марьям Яндиева приводит данные о том, что в 2002-2008 годах в Ингушетии убиты, похищены, задержаны и замучены в пыточных подвалах МВД и ФСБ республики, в СИЗО г. Владикавказа, в 6-м отделе Северной Осетии, СИЗО УФСБ г. Владикавказа, в Представительстве Генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе в г. Владикавказе более 1000 человек ингушской национальности.

«Ситуация системного террора в Ингушетии начала 21-го века вполне подверстывается под чекистский "императив" Ф. Дзержинского, сформулированный им еще в 1918 году: "Они понимают борьбу с контрреволюцией (на современном языке – с так называемым "терроризмом") в смысле нормальной политики и поэтому кричат о гарантиях, судах, о следствии и т.д. Мы не имеем ничего общего с военно-революционными трибуналами, мы представляем организованный террор"», – пишет Яндиева.

Журналисты неоднократно рассказывали о диких историях задержания, пыток, убийств «неугодных» режиму граждан. На Северном Кавказе силовики успешно апробировали методику борьбы с «террористическими группами», в которые могут попасть, по сути, все, кого власть посчитает неблагонадежными.

«На квазисудебных разбирательствах ингушам припечатывают террористические статьи, что называется, конвейерным способом», – пишет Марьям Яндиева. Так оно и есть, вспомним хотя бы дело так называемого «орджоникидзевского джамаата». Его рассматривал Северо-Кавказский окружной военный суд. Девятерых жителей Ингушетии обвиняли в контртеррористической деятельности. Восемь из них заявили, что подписывали документы под пытками: их избивали, душили, пытали током.

И таких примеров – масса. Зелимхан Читигов, один из тех, кто пострадал

«...Я был задержан 12 мая 2005 года в РИ и вывезен во Владикавказ. Там в РУБОПе меня били током, арматурами, унижали, угрожали расправой над родными. Причиной этому послужила месть правоохранительных органов, потому что несколько моих близких родственников, действительно, являлись боевиками, и в отместку за это они решили отыграться на мне. Я ни в чём не сознался, потому что не в чем было. На меня дать показания заставили некоего Матвеева, который сказал, что я помог ему в перевозке оружия. Впоследствии он на очной ставке сказал правду, что он со мной не знаком, и, тем не менее, меня судят, объединив в группу с 6 людьми, мне вообще незнакомыми. Кроме ложных показаний, нет иных доказательств моей вины...»

Из письма Аюпа Лолахоева верховному комиссару ООН по правам человека Луизе Арбуз. Опубликовано: А. Политковская «У следователя Криворотова не работа, а пытка» («Новая газета» 2006, N28)»

от полицейского беспредела, рассказал, что происходило в коридорах полиции ингушского МВД. Он четыре дня провел под пытками. Милиционеры пытались сделать его фигурантом дела: если не террористом, то хотя бы вором.

Зелимхан выжил и рассказал обо всём журналистам. Власти вынуждены были дать делу ход. Так стало очевидно, что этот ад парню устроили люди в погонах, а прикрывали их господа без погон, без совести и чести, но имевшие власть. Это вообще их принцип – иметь всех!

Благодаря Зелимхану в Ингушетии судили двух милицейских начальников – Назира Гулиева и Илеза Нальгиева. Это был во многом показательный процесс, и Нальгиев все-таки получил восемь лет колонии строгого режима, а вот Гулиев был полностью оправдан. Однако то, о чём говорили только ингуши между собой, оказалось в открытом доступе. Шокирующие свидетельства внутренней механики пыточной системы были обнародованы.

7 октября 2010 года на выезде из села Верхние Ачалуки, недалеко от автозаправочной станции, были похищены Илез Даурбеков и Алисхан Кузьгов. Через три дня ФСБ объявило их террористами, которых без суда и следствия убили в лесном массиве вблизи села Сурхахи.

Эти ребята поплатились жизнями после того, как заявили о своем праве участвовать в строительстве коттеджей в их родном селе. Их конкурентом, как утверждают многие, был брат главы республики Евкурова.

Трупы Даурбекова и Кузьгова выдали родным для похорон. «Их тела были сильно обожжены, а на теле Даурбекова остались куски проволоки, которой, возможно, было обвязано всё тело», – сообщили правозащитники.

ПРАВО НА БЕСПРАВИЕ

«Вожделенная Декларация прав человека для ингушей – это лишь каталог иллюзий. Нет никакого объяснения вопиющему факту – полное отсутствие какого-либо упоминания о ситуации с правами человека в Ингушетии в Докладе уполномоченного по правам человека при Президенте России В. Лукина. Нет ни похищений, нет внесудебных расправ, пыток, истязаний, ложных обвинений и т.д. – всего того, чем была переполнена истерзанная Ингушетия не только в 2006 году. (Доклад хронологически охватывает ситуацию с права-

ми человека во всех регионах РФ именно в этом году.) Столь плачевный итог правозащитной деятельности, оплачиваемой Администрацией Президента страны, видимо, закономерен. Напрашивается тревожный вывод: правозащита невольно явилась соучастницей государственной политики нынешнего этноцида на СК, и в Ингушетии в частности», – такой вывод делает Марьям Яндиева.

И он не теряет актуальности. Однако тогда жертвами режима становились, в первую очередь, молодые мужчины (от 20 до 40 лет). Их старались истребить физически, уничтожить генофонд нации. Сейчас приоритеты сменились. Душат общественников, в том числе старейшин, которые открыто высказались о грабительском характере соглашения о пересмотре территориальных границ. Оно было заключено в сентябре прошлого года между главами Ингушетии и Чечни – Евкуровым и Кадыровым. В РИ вновь самая популярная статья – неповиновение представителям власти. Ничего не меняется в ингушском государственном устройстве. Страшно и тотально далеко оно от интересов простого человека.

Я абсолютно согласна с теми, кто считает, что подобного рода преступления помимо военно-политических преследуют и другую цель: усилить атмосферу страха, подавить всякую активность, сделать людей покорными и готовыми принять любые решения власти.

Признаки присутствия полицейского режима ингуши видят повсеместно, даже если ни в одном районе республики не введен режим КТО – контртеррористической операции. К примеру, все знают, что Ингушетия граничит с Грузией на протяжении 87 километров. Региональное погрануправление ФСБ по ЮФО на этом участке отстроило с десяток погранукреплений. Почему именно здесь решено усилить систему контроля, превратив ее в тотальную, – большой вопрос, однако многотысячная группировка войск сосредоточена на границе с союзником НАТО (Грузией) только на ингушско-чеченском фрагменте.

«Пограничная армада» перекрыла ингушам доступ к их исконным территориям. И это еще одна печальная история для ингушей. Древнейшие памятники ингушской архитектуры становятся прахом в том числе и из-за за-

прета приближаться к ним в интересах безопасности. Иногда кажется, что у этих интересов мнимые цели. Однако они разрушают истинные ценности одного из самых малочисленных народов.

В такой обстановке также невозможно выстраивать взвешенную социально-экономическую политику и, тем более, говорить об инвестиционной привлекательности региона для инвесторов. А эти два направления взаимосвязаны.

Заслуженный работник культуры Ингушетии, общественник, полиглот и публицист Рамазан Цуров так высказался о причинах эмиграции соотечественников: «Если раньше переселения целых народов были вызваны серьезными природно-климатическими катаклизмами, например – истощением плодородных земель, либо необходимостью завоевания новых жизненно-сырьевых пространств, а также культурной экспансией правящих режимов, то сейчас эмиграция приобрела устойчивый экономический и политический характер».

Высокий уровень безработицы (а в одном из Докладов российского представительства Программы развития ООН «Регионы России: цели, проблемы, достижения» ее уровень в республике характеризуется как рекордный) и бедности, самый низкий уровень трудовой занятости молодежи (5,8 %) и насквозь пропитанная коррупцией система административного и экономического устройства – вот реалии, которые дают все основания называть Ингушетию депрессивным регионом.

«Тотальная система “откатов”, подкупов, подлогов, преступных сделок в современной жизни воспринимается как естественная и необратимая социально-экономическая норма. На подобном фоне закономерно идентифицировались разрушительные процессы, ведущие к деградации общества и народа в целом. Можно сказать, что на ингушском и Северокавказском плацдарме апробируются новые политтехнологии, теория и практика политических провокаций и способы использования нестрелковых (наряду со стрелковыми) видов оружия: денег, СМИ, замалчивания и устрашения, устройства нестабильных кризисных ситуаций, развития чувства апатии и социально-депрессивного психоза у больших групп населения...» – так характеризовали

журналисты из «Нового времени» еще в 2005 году ситуацию в РИ («Новое время», 2005, N 49).

ОТСТУПАТЬ, НЕ ОСТУПИВШИСЬ...

Неудивительно, что многие старики-ингуши, пережившие сталинскую депортацию, сравнивают с ней не в пользу сегодняшнего дня положение своего народа. Всё чаще речь заходит о замаскированной депортации, о причинах которой сказано выше.

Кто-то из журналистов однажды метко подметил: «выражение “нет пророка в своем отечестве” выдумано специально для Ингушетии». Одаренные, творческие люди с яркой гражданской позицией тут не найдут себе места. Власть не позволит им выделиться, им стоит научиться жить так, как принято: унифицированно и приземленно.

И тем не менее... Ингушетия сегодня – самая маленькая республика Северного Кавказа. Но встречи с ее представителями укрепили в мысли о том, что ингуш неповторим в своей индивидуальности, прежде всего – как хранитель истории.

Вспоминаю откровения французского историка Копен-Альбанселли, который считал, что невозможно покорить страну силой оружия. «Есть раны, гораздо более чувствительные, чем те, которые проливают народную кровь: это – раны, наносимые душе народной. Душа народа заключается в его традициях, в его вековых преданиях; эти традиции являются истинными источниками народной жизни... Поэтому, когда хотят убить душу народа, а следовательно, убить и самый народ, стоит только разомкнуть живущее поколение с прошлым, т.е. изгладить из памяти народа его предания и заветы, внушить ему презрение и ненависть к его старине, подобно тому, как достаточно подрубить у дерева корни, дающие ему для питания растительный сок, чтобы умертвить его», – писал он.

«Источники народной жизни» бережно хранят в ингушских семьях, о которых рассказано и в этом выпуске. Да, эти люди многие годы живут за пределами республики. Но ингушский дух в их домах сохранен, они знают историю своих предков, они хранят семейные реликвии, давно увезенные дедами с родины. И есть уверенность, что их дети и внуки будут больше всего на свете гордиться своей национальностью.

Ингушское ЗАРУБЕЖЬЕ

Этот термин первый раз я увидела у Марьям Яндиевой в ее книге «Ингушские смыслы в художественно-интеллектуальном наследии XX века» (Магас, 2007, Издательство «Сердало»). Во время подготовки этого выпуска журнала у меня появилась отличная возможность познакомиться ближе и с материалами по данной теме, и с самими представителями эмиграции разных волн.

Вдали от родины ингуши вели и ведут активный политический и общественный образ жизни. К примеру, так или иначе они участвовали в разработке следующих важных документов:

Открытое письмо в ООН по поводу совершаемых в СССР депортациях и актах геноцида (1 августа 1946 г.);

«Конвенция геноцида», принятая Ассамблеей ООН (декабрь 1948 года);

Резолюция Конференции представителей народов Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа, Калмыкии, Туркестана, Украины, осуждающая национальную политику Кремля (4 марта 1951 г.), и др.

Во все времена представители ингушской эмиграции были в центре политической и общественной жизни. Их имена были на слуху всегда. Они вписали немало героических страниц в историю Второй мировой войны как повстанцы.

Но чем ближе я знакомилась с историями семей эмигрантов, тем яснее становилось, насколько преданы родной Ингушетии эти люди. Они не потеряли главного – духовного родства с соотечественниками.

События в России 1917 года спровоцировали одну из самых массовых волн эмиграции. Были вынуждены уехать с родины Вассан-Гирей Джабагиев, Созерко Мальсагов, Муртаза Куриев, Ибрагим Гелисханов, Магомед Котиев, Ахмет Ужахов и др. Упомина-

ния и рассказы о них я нашла в книгах Марем Ялхароевой «Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции» и у Марьям Яндиевой в издании «Ингушские смыслы в художественно-интеллектуальном наследии XX века». Огромное спасибо этим замечательным исследователям, публицистам за то, что они сделали широко известными имена замечательных ингушских общественников. Упоминание о многих из них долгое время было на родине под запретом. В силу небезграничности формата бумажной версии журнала я расскажу только о некоторых из них.

Магомед Котиев

Представитель первой волны ингушской политэмиграции.

Родился 25.10.1886 года в селе Барсуки. Рос и воспитывался в семье прапорщика милиции, словесного переводчика, начальника горского участка Терской области Чори Котиева (род Баркинхоевых).

Чори Котиев – легендарная личность, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов и имел правительственные награды. Звание прапорщика милиции получил за доблестное несение службы.

Чори был блестяще образован, в совершенстве владел французским, грузинским языками. Его сын, Магомед, не просто унаследовал склонность к изучению языков, но и прекрасно воспользовался этой способностью. Он владел 14 языками, в том числе пятью европейскими, а также армянским, грузинским, несколькими тюркскими. Был музыкально одарен, играл на скрипке.

Окончил в Гори Учительскую духовную семинарию и стал педагогом. В 1907–1915 годах учительствовал в Ингушетии (Джейрахе), Дагестане, Армении и при этом постоянно хлопотал об открытии новых начальных образовательных учреждений для ингушей. Дело в том, что до 1910 года в Ингушетии существовала только одна двухклассная горская школа. Она была в Назрани. Настойчивость и последовательные доводы Магомеда помогли

убедить чиновников от образования в целесообразности открытия еще шести школ в Ингушетии.

Сохранилась его личная переписка, а также дневники, которые дают яркое представление о том, в каких условиях он работал и насколько был предан педагогическому делу.

«В 1907 году 1 ноября в Джейраховском обществе ко мне обратились жители, ингуши, с просьбой взять на себя труд по обучению их мальчиков русскому языку. При здании сельского правления имелась свободная комната, были устроены самими жителями скамьи и нары для ночлега. Я охотно согласился, пошел навстречу их желанию. Мальчиков собралось 25 человек в возрасте 9-15 лет. Месяц, для пробы, учил бесплатно, а затем положена умеренная плата - по рублю с мальчика; 10 человек, по бедности были вовсе освобождены от платы; поступало их и больше, но слишком маленькое помещение не позволяло принять лишних...

...Результаты были поразительны: за четыре месяца мальчики читали и писали... Каждое слово, посредством пяти грамотных мальчиков, переводи-

лось на ингушский язык. Немало положил труда и старшина общества Таусултан Цицкиев; хорошо грамотный по-русски, он часто просиживал на занятиях и делал указания.

Весною было выучено несколько коротеньких стихотворений, что вызывало неподдельный восторг маленьких дикарей.

Приходили некоторые за десять верст; вообще мальчики учились охотно.

Вечером писали и готовили уроки к следующему дню, приходили некоторые взрослые ингуши с целью учиться, но приходилось отказывать им, так как стесняли малышей. Вечером, иногда, под звуки русской балалайки учащиеся танцевали лезгинку.

На переменах учились гимнастике и пешему строю; последним занимались очень охотно...

Радостно становилось на душе, когда, бывало, войдешь в комнату, набитую бритыми головками, старательно заучивающими слова...

В четверг, после обеда, мальчики обыкновенно шли домой и возвращались в пятницу вечером с запасом провизии на целую неделю.

На пятый месяц занятия были прерваны, так как никто не поддержал нас, и за труд я ничего не получил; пришлось взяться за свое письмоводство, по обязанности сельского писаря.

Из изложенного видно, что введение всеобщего образования населением встретится радушно, хотя опасаются новых налогов.

Так как многие горские жители Джераховского и Мецхальского обществ выселились на хутор Длинная Долина, то постройка школы в этом хуторе будет удобнее всего», – писал Магомед Котиев.

Казалось бы, педагогический талант нашего героя должен был обеспечить ему и народную любовь, и предсказуемый карьерный рост. Но в 1915 году на войне погибает его брат – Зубаир. В 1905-1915 годах он служил в 48-м драгунском Украинском Ее Императорского Величества Великой княжны Ксении Александровны гусарском полку и участвовал в сражениях Первой мировой войны. Воевал так, как умеют это делать ингуши, – бесстрашно и страстно, не жалея себя. За храбрость ему был жалован орден Святой Анны. Досрочно получил звание ротмистра (майора). И свой последний бой принял тоже на передовой.

Магомед Котиев меняет школу на казарму: поступает в Высшее офицерское (годичное) училище в Тбилиси. После его окончания уходит на фронт.

В архивах сохранилось прошение Нани Котиевой, матери Магомеда и Зубаира, которое потрясло меня. Она просила определить сына в тот же полк, где сражался и погиб ее старший сын... Великая женщина! Насколько мужественной и преданной интересам народа надо быть, чтобы решиться на такой поступок! И Магомед уходит на фронт, где останется до последнего дня, до окончания боевых действий.

Впрочем, вернуться в педагогику он не смог и после службы. Октябрьскую революцию Магомед Котиев не принял. Осенью 1920 года он покинул Ингушетию. Конечной целью эмиграции стала Турция.

Здесь он был известен под именем Мехмет Кетей. Пять лет отдал военной службе, участвовал в турецко-греческой войне (1919–1922 годы). И снова отличился: был награжден самым высшим военным орденом Турции – «Истиклал Медальон».

Окончил военно-топографический институт и более 30 лет прослужил в межевом топографическом отделе. Помимо основной работы успевал и переводить. В 1946 году в Стамбуле был опубликован его перевод произведения «Измаил-Бей» Михаила Лермонтова.

Магомед Котиев был инициатором издания журнала «Новый Кавказ» на турецком языке. В своих статьях, посвященных самой актуальной для ингушей теме – депортации, он открыто говорил об изуверствах сталинского режима и геноциде против своего народа.

В 1952 году в Стамбуле прошло учредительное собрание Северокавказского культурного общества. Его инициатором был Магомед. В том же году состоялась международная конференция, посвященная восьмой годовщине

со дня депортации народов Северного Кавказа и Крыма. Котиев выступил на ней с обстоятельным докладом. В нём он привел исторические факты имперских притязаний на Кавказ, рассказал о роли горцев, их доблести в ходе военных сражений России как в Азии, так и в Европе.

Магомед Котиев никогда не скрывал своей позиции ни по поводу диктатуры пролетариата, ни по отношению к сталинизму, коммунистической пропаганде и имперским амбициям теперь уже СССР... Он был уверен, что, как и любое насилие, насаждение мнимых ценностей не сломит волю людей к свободе. История показала, насколько он был прав.

По мусульманским традициям у Магомеда было несколько жен, в том числе и одна в Ингушетии. Здесь же жили его сын и две дочери. С ними он регулярно переписывался. В Турции Котиев трижды женился, но детей в этих браках не было.

Его близкие и друзья утверждали, что до последних дней у него оставалась надежда вернуться на родину...

Вассан-Гирей Джабагиев

Любое из нижеперечисленных определений применимо, если говорить о масштабах и значении его деятельности: энциклопедист, выдающийся общественный и политический деятель, ученый, публицист, просветитель, религиовед, переводчик, блестящий дипломат и оратор, а также великолепный организатор. Это всё о нём – о необыкновенно одаренной личности!

Родился Вассан-Гирей Джабагиев 3 мая 1882 года в селе Насыр-Корт Назрановского района Чечено-Ингушетии в семье полного Георгиевского кавалера, полковника Элджи Джабагиева.

Без сомнения, именно отец стал для сына примером настоящего героя. О его стойкости и мужестве ходили легенды. Одна из его дочерей вспоминала, как тяжело больной Элджи встречал гостя, который всю жизнь пытался с ним соперничать. Этот день стал последним в жизни главы семьи, но он принял гостя на пороге дома, в национальной одежде, с большим достоинством. Его железный характер и стальная решимость стали примером для сына.

Но не меньшее значение придавалось и образованию. С раннего детства Вассан-Гирей изучал русский и польский языки. Позже обучался в реальном училище во Владикавказе и Дерптском политехническом институте, на сельскохозяйственном факультете. Продолжил образование он уже в Германии, поступил в Йенский университет имени Фридриха Шиллера (один из самых престижных вузов Европы) и успешно окончил его в 1908 году.

По возвращении на родину Вассан-Гирей становится востребованным специалистом по сельскому хозяйству. В то время в правительстве обсуждалась готовящаяся аграрная реформа. Чуть позже она будет названа столыпинской – по имени Петра Столыпина, тогдашнего председателя Совета министров. Вассан-Гирей вузовскую теорию успешно применял на практике: он занимал должность главного агронома Донской, Кубанской и Терской областей. Служил в

Российском департаменте земледелия в Санкт-Петербурге. В 1913 году становится титулярным советником, а накануне революции занимает пост вице-президента департамента. С 1904 года Джабагиев еще и увлечен журналистикой. Он регулярно публикуется, в том числе в газете «С.-Петербургскія В□домости».

В 1915 году издается его работа «Свободная земельная собственность и техника сельского хозяйства в Европе». Труд высоко оценивают эксперты как в России, так и за рубежом. Но рассуждения молодого публициста выходят далеко за рамки близкой ему аграрной темы. В периодической печати он чаще поднимает проблемы экономического характера, дает суждения по вопросам внутренней и внешней политики России.

Февральскую революцию 1917 года Джабагиев встретил с воодушевлением. Тяга к общественной активности в корне изменила его жизнь. Он переехал из Петрограда на Кавказ. Вошел в состав Центрального комитета «Союза горцев Северного Кавказа». Цель объединения он видел в создании конфедерации кавказских народов. И эта идея нашла отражение в Декларации о независимости народов Северного Кавказа. Как утверждали его современники, идеологические постулаты документа были ему близки.

В 1918 году Вассан-Гирей писал: «Наша цель – сохранить наш маленький народ в надвигающейся братоубийственной бойне. История знает немало примеров, когда такие народы бесследно исчезали в ходе революций. Мы должны быть готовы признать любую законную власть, которая утвердится в центре и даст возможность независимого развития горских народов». В тот момент он верил, что большевики могут стать союзниками ингушей. Тем более что они обещали решить главную для них проблему – земельную.

Сто лет назад Кавказ бурлил! Но смелые ожидания горцев растоптала армия Деникина, вошедшая на Северный Кавказ. На репрессии и террор белогвардейцев местные отреагировали традиционно – сплоченным сопротивлением.

Джабагиев, не желая присоединяться ни к одной из враждующих сторон, вместе с братом Магомедом покидает Ингушетию и переезжает в Грузию, где в этот период находилось Горское правительство.

В июле 1920 года он представлял делегацию Северного Кавказа на Парижской мирной конференции. В тот момент приходит новость о том, что большевики вошли в Грузию. Магомед и Вассан-Гирей объявляются преступниками. Им заочно подписывают смертный приговор. Однако братья не прекращают политическую деятельность.

Горское правительство переезжает в Тифлис, где Вассан-Гирея избрали председателем Парламента Горской республики. Он возглавил дипломатическую службу.

К ближневосточным соседям – Азербайджану, Грузии – дипломат обращался с предложением поддержать Горскую республику. В тот момент он ясно видел цель – добиться создания независимого Северо-Кавказского государства и его признания на международной арене.

В 1922 году в Стамбуле он организовал Комитет независимости Кавказа, объединивший в политическую организацию представителей Северного Кавказа, Азербайджана и Грузии. Джабагиев является и активным участником Прометеевского движения, которое объединяло представителей всех «порабощенных народов Северного Кавказа».

В 20-х годах он перебирается с семьей в Польшу, на родину супруги Селены Байрашевской (польской татарки). Здесь Вассан-Гирей, сплотив вокруг себя вайнахов, продолжает заниматься публицистикой. На тот момент там проживала многочисленная группа ингушской диаспоры. Польские редакции таких изданий, как Gazeta Polska, Sprawy Obce, Kurjer Warszawski, Polska Zbrojna, привлекают его как эксперта для оценки ситуации в СССР и на Кавказе. Он, помимо родного ингушского, в совершенстве владел русским, чеченским, турецким, а также англий-

ским, французским, польским и немецким языками.

Брат Магомед в тот же период оседает с семьей во Франции. Он умер в 1937 году.

Начало Второй мировой войны наш герой встречает в Польше. После оккупации страны получает от правительства направление в Турцию – уполномоченным Телеграфного агентства Польши. Здесь он позже примет гражданство. С момента выезда из России у него на руках был только нансеновский паспорт – документ, выданный Лигой Наций для беженцев без гражданства.

В Турции он по линии Красного Креста организует помощь пленным вайнахам, позже посещает концлагеря в Польше и Германии, где в числе пленных были и ингуши. С помощью всяческих ухищрений он пытался вытащить их из фашистского ада, договариваясь о переводе в госпиталь либо добиваясь послаблений.

Одна из трех его дочерей – Дженнет – осталась в Польше. Она активно участвовала в польском Сопротивлении, имела правительственные награды Польши. Дженнет дважды приезжала на Кавказ: в 1988 и 1992 годах. В мае 1992 года она приехала в Грозный на презентацию премии имени отца, где скоропостижно скончалась. Ее похоронили в родовом селе Насыр-Корт, рядом с могилой легендарного Элджи.

...После войны Вассан-Гирей остался в Турции. Он умер 18 октября 1961 года на 80-м году жизни.

В СССР его имя оставалось в списке преступников (в чём только не обвиняли Джабагиева, в том числе и в шпионаже в пользу Турции!) вплоть до начала 90-х годов прошлого века. Только потом его труды вновь стали доступны.

«Настанет время, когда вы вспомните обо мне», – сказал он на одном из митингов.

Так оно и произошло. Идеи свободы и демократического сосуществования всех народов Кавказа, за которые выступал Вассан-Гирей вместе с единомышленниками, оказались актуальными и сегодня.

Созерко Мальсагов

Родился 15 июня 1895 года в селе Альтиево Назрановского района, в семье военного. Это обстоятельство, по сути, предопределило ответ на вопрос, кем станет юноша. Он поступил в Воронежский кадетский корпус, служил в Ингушском полку, в так называемой Дикой дивизии, в чине ротмистра.

Октябрьскую революцию не принял. Перешел на сторону белогвардейской армии. Его внучка, основатель и руководитель ингушского «Мемориала», исследователь, правозащитник Марьям Яндиева рассказывала моим коллегам о том, что после переворота 1917 года Созерко командовал эскадроном и кавалерийской бригадой при выступлении Корнилова и первым ингушским кавалерийским полком в Добровольческой армии Деникина.

После того как «белая гвардия» потерпела поражение, он всё же решил остаться в России. А после объявления амнистии участникам белого движения еще и добровольно сдался чекистам Владикавказа. Для Мальсагова это было трудное, но осознанное

решение: он был кадровым офицером и о таких понятиях, как честь и совесть, судил не по книгам. Он был уверен, что поступает именно так, как учили его семья и воинское братство. Но, видимо, не представлял, с кем имеет дело.

В 1924 году представители советской власти признали его террористом и шпионом и отправили на Соловки. Приговор ЧК был стандартным: «По приказу административной комиссии народного комиссара внутренних дел по высылке гражданин Мальсагов признан виновным в преступлениях против основ государства, предусмотренных статьями 64 и 66 Уголовного кодекса РСФСР. Статья 64 – "Организация террористических актов сотрудничество с иностранцами", статья 66 – "Шпионаж в пользу мировой буржуазии"».

С января 1924 года по май 1925-го Созерко Артаганович был заключенным печально знаменитых Соловков. А дальше произошло чудо. Вернее, Мальсагов и группа заключенных – Бессонов, Мальбродский, Сазонов, Приблудин – сотворили его. 15 мая 1925 года они совершили побег.

Когда их отправили на Кемский берег, они разоружили и связали конвоира, захватили его винтовку и устремились к финской границе. До нее было три сотни километров.

Созерко шел с молельным ковриком, а Юрий Бессонов – с Новым заветом. На внутренней стороне обложки он делал пометки карандашом. Больше месяца беглецы скрывались, пока Господь искал для них путь к свободе. У них не было ни компаса, ни карт, ни провизии. Шли через леса и болота, обходя населенные пункты. Спешили, слыша звуки погони…

18 июня 1925 года они пересекли финскую границу, где были задержаны местными правоохранителями и отправлены в тюрьму. Как вспоминали беглецы, финские застенки показались им раем…

Созерко напишет о побеге книгу «Адский остров», которая будет издана в 1926 году в Лондоне на английском языке. На родине ее прочтут и переведут только в конце 80-х годов. В 1992 году ее напечатали в одном из московских издательств. В ней нет ничего личного, только описание жутких подробностей чудесного спасения горстки храбрецов из гулаговского ада.

С конца 1920-х и по 1939 год Созерко Мальсагов служил в польской кавалерии (во Львове, Белостоке и Хелмне). Во Вторую мировую войну воевал в Поморье, командуя эскадроном. Был ранен, попал в плен, но и тут ему удалось бежать.

Ушел в подполье, к участникам Сопротивления. Участвовал в их операциях в Польше и Германии.

В 1946 году уехал в Англию. К тому моменту у него был статус ветерана Польши. Так правительство оценило его мужество и доблесть, проявленные в подполье. Его имя внесено в изданную «Антологию польских борцов за свободу».

После войны работал в Исламском культурном центре и был членом межнационального Комитета по проведению процесса против коммунистического геноцида.

Всё это время он был оторван от семьи. Со своей будущей женой Леби Измайловой, 19-летней купеческой дочкой, он познакомился в 1917 году. Сделал предложение, которое она приняла, но, по понятным причинам, долгой и счастливой семейной жизни не получилось. В браке родились две дочери – Раиса и Мадина.

Она ждала Созерко всю жизнь, отвечая отказом женихам. И стол накрывала на четверых, веря, что однажды муж вернется… Это, действительно, был союз, заключенный на небесах, любовь с первого взгляда.

Лишь в 1960-е годы Созерко Мальсагов смог списаться с семьей, но встретиться им так и не удалось. Он умер в феврале 1976 года.

Именно Масальгов, задолго до Александра Солженицына, открыл правду об ужасах тоталитаризма, описал советский строй таким, каким он был: страшным, бездушным, невыносимым. Созерко писал как свидетель, прошедший ад и чудом оставшийся живым.

Магомед Джабагиев

Второй сын легендарного Элджи Джабагиева родился 23 августа 1876 года в Насыр-Корте. Выпускник Владикавказского реального училища и Рижского политехнического института. В 1912-1917 годах молодой дипломированный специалист был коллежским советником, занимал должность главного агронома Донской, Кубанской и Терской областей.

После февральской революции Магомед увлекся политикой. Занимал пост комиссара Временного исполнительного комитета Ингушетии, с братом Вассан-Гиреем был избран в Центральный комитет Союза объединенных горцев Кавказа. Годом позже был избран председателем Ингушского Национального Совета. С момента начала гражданской войны организовал ингушское сопротивление. К 1921 году Магомед Джабагиев окончательно разочаровался в революции. Через Турцию эмигрировал во Францию, где жил сначала в Марселе, потом в Париже.

Еще во время учебы во Владикавказском реальном училище Магомед Джабагиев начал собирать ингушский фольклор. Его первой работой можно считать сборник «Галгайские (ингушские) народные произведения». Они собраны и обработаны в 1889–1897 годах. В 1908 году была издана его «Ингуше-чеченская азбука». Он же – автор ингушского алфавита на латинском языке. По сути, он сам его изобрел, заучивая фольклор родного народа. «Это были первые народные песни, записанные на родном языке самым ранним по созданию ингушским алфавитом. В силу этого они имеют колоссальную культурную и научную ценность. Благодаря трем первооткрывателям: Магомед Джабагиев, Фома Горепекин – составители первого ингушского алфавита и Заурбек Мальсагов (создал грамматику ингушского языка), ингушская литература получила дальнейшее развитие», – такую оценку дают исследователи его трудам.

Кроме занятий наукой, Магомед активно занимался просветительской деятельностью. Участвовал в работе «Общества просвещения ингушского народа», которое объединило интеллигенцию Владикавказа. В нём состояли также Иналук Мальсагов, Бекмурза Мальсагов, Касым Долгиев.

В 1935 году во Франции была издана его книга на французском языке «Ингушские народные тексты». Перевод и комментарии к ней сделал профессор Жорж Дюмезиль (1898–1986) – авторитетный французский ученый, лингвист, филолог. В Европе его ценят как кавказоведа, исследователя религии, мифологии, эпоса. Он был членом Французской академии наук по совершенствованию французского языка.

Позже с французского языка книгу перевела Х. Дзейтова, а И. Дахкильгов провел аналитическое исследование.

В книгу Магомеда Джабагиева вошли 18 песен, которые служили Дюмезилю иллюстративным материалом. Он основательно подошел к их изучению. Не только перевел, но и сделал подстрочные и художественные переводы, сопроводил каждый текст лексико-грамматическими комментариями.

Сохранились воспоминания Дюмезиля о знакомстве с Магомедом Джабагиевым. Их представил друг другу вес-

ной 1934 года Джемалдин Албогачиев (журналист, представитель первой послереволюционной волны эмиграции, автор резонансной в то время статьи «Из истории возникновения Горской республики»). С ним ученый изучал ингушский язык.

Дюмезиль отмечает, что Магомед жил в тяжелейших условиях, однако оставался верен своей высокой цели: «Этот стареющий человек хранил незабвенно то, что было всегда главной целью его жизни: служить своему народу… При встрече он сказал мне, что его мечта – сосредоточить в эмиграции всё свое свободное время на использование всей информации, сосредоточенной в его памяти (ингушские песни, фольклор, пословицы…), которые он помнит с детства и собирал, выбрать из них всё ценное в плане интеллекта и морали и передать их ингушской молодежи».

Магомед оставил Дюмезилю лишь толику своей коллекции. О судьбе второй части мало достоверных сведений. Однако в 2017 году письма из семейного архива Жоржа Дюмезиля (датируются 1934–1935 годами) были переданы в Ингушский краеведческий музей в Назрани. Здесь хранится кинжал Магомеда Джабагиева. Его передал известный общественный деятель Ингушетии, депутат Госдумы Алихан Харсиев.

По оценке историков, письма предоставили дополнительную информацию для изучения эпохи, в которой он жил. В частности, особый интерес представляет эмигрантский период. Но они же дают возможность составить представление о самом авторе. С первых же строк очевидно, что перед нами – образованный, интеллигентный, воспитанный человек. Он, действительно, был незауряден во всем. Привожу его письмо, которое есть в открытом доступе. Оно написано в 1934 году.

«Глубокоуважаемый господин Дюмезиль !

Всё то, что я давал Вам написанное на Ингушском языке, как то, собранные и обработанные мною ингушские народные произведения (в числе их имеются и мои личные), а также составленный мною Ингушско-Русский словарь, не отдавать в печать, пока они не будут просмотрены и исправлены ошибки мною лично.

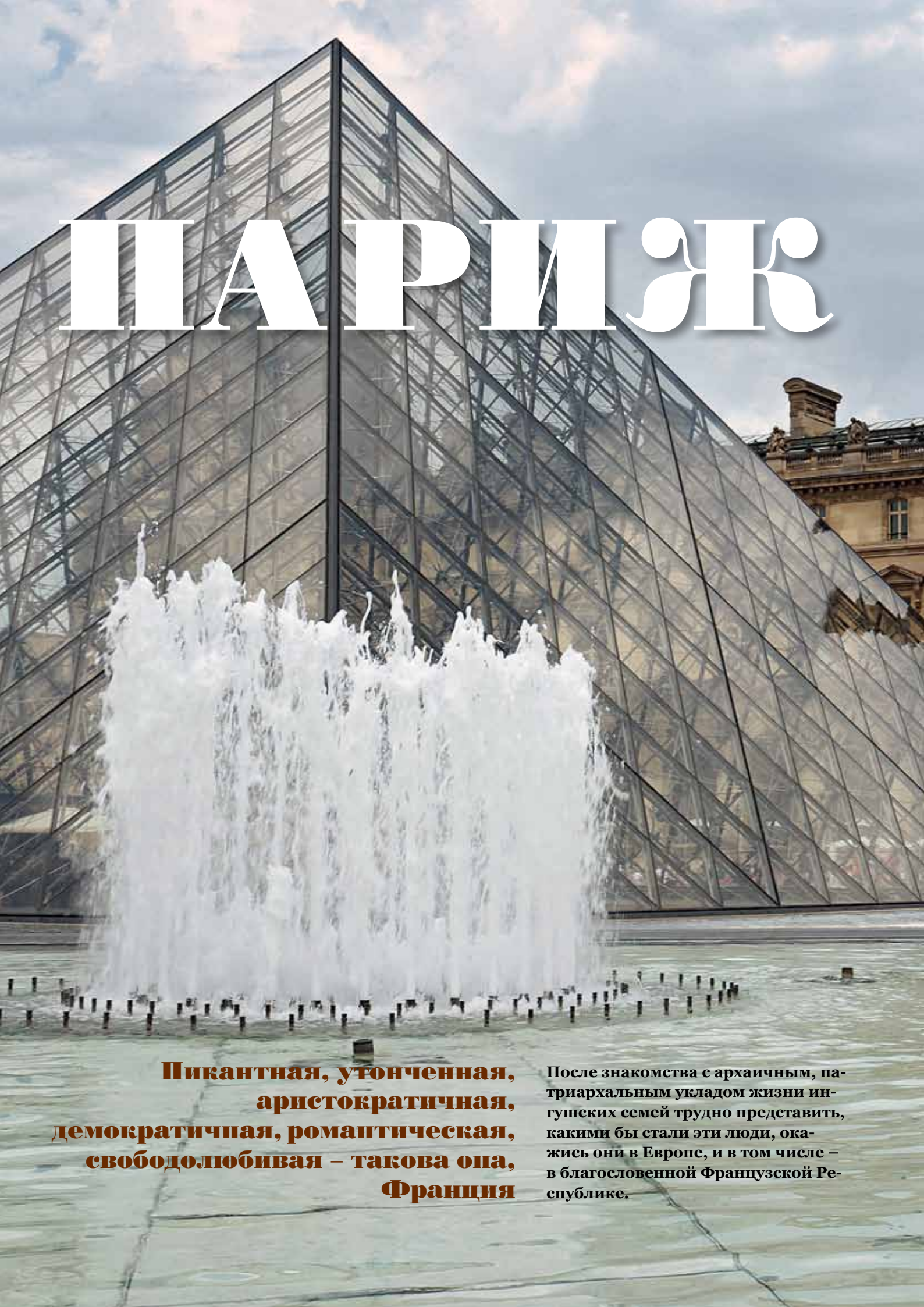
Уважающий Вас и готовый к услугам, М. Джабагиев».

…Остается надежда, что и другая часть архивов замечательного ингушского фольклориста будет найдена и открыта для читателей, пусть даже спустя десятки лет. Такие личности, как он, интересны во все времена.

Магомед умер в 1937 году в Париже. У него было три дочери: Фатима, Зара и Зарема. Старшая дочь Фатима живет на юге Франции, преподает в университете. Замужем за французом арабского происхождения, имеет двух сыновей и трех дочерей. Зара тоже проживает во Франции. Зарема переехала в США, где и похоронена. В одном из писем Марьям Яндиевой она так написала об отце: «Отца своего я назвала бы, прежде всего, горцем – ингушом до мозга костей». Так и есть! Разносторонне образованный человек, блестящий лингвист и этнограф, уникальный собиратель ингушского фольклора прожил по кавказским меркам короткую жизнь. Однако всегда и везде думал о родине и поступал, как требовали ее интересы.

Об этом и думала я, стоя у его могилы на кладбище: «Дала гешт долда цох!» (Да пребудет с тобой милость Господа!)

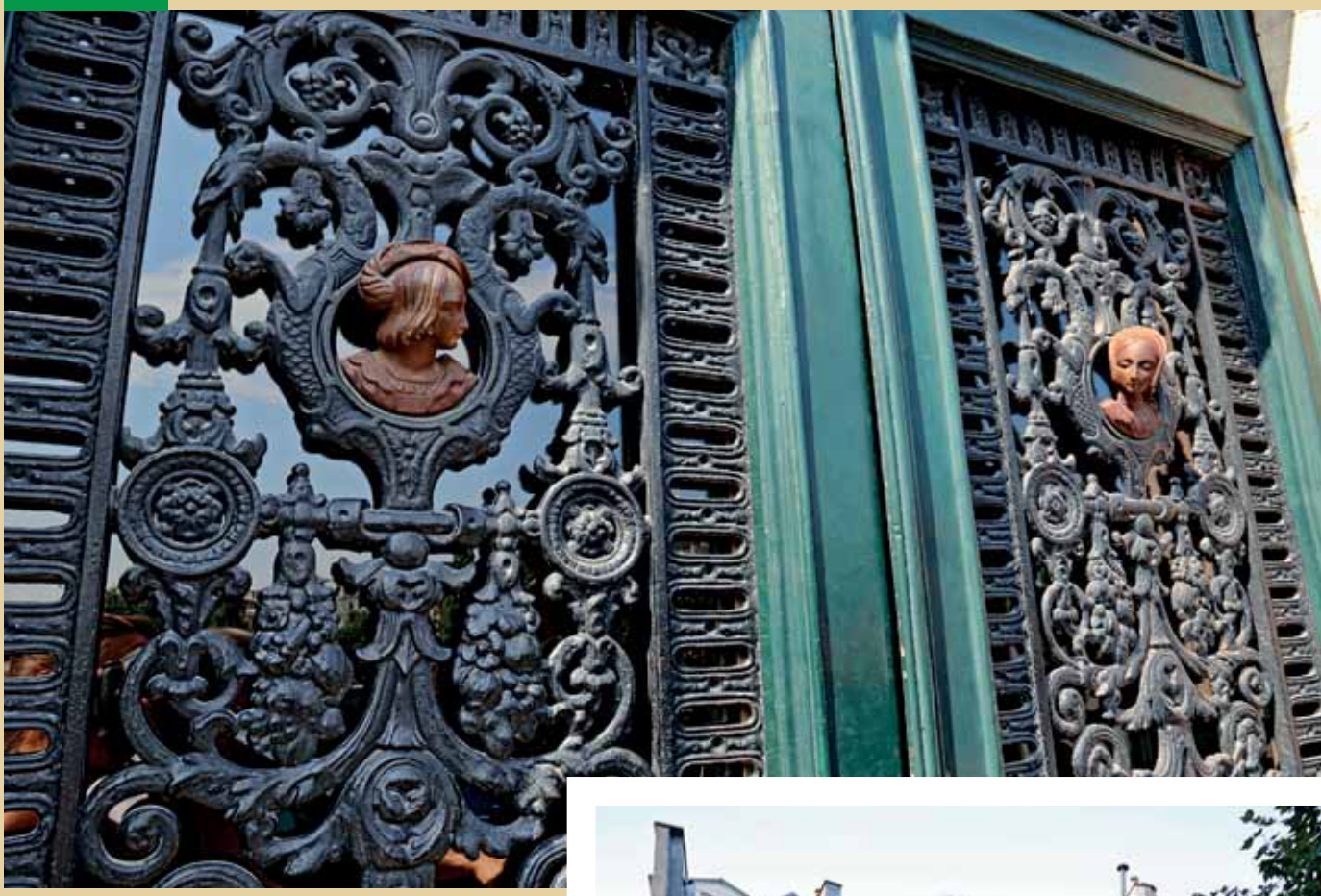

ПАРИЖ

Пикантная, утонченная, аристократичная, демократичная, романтическая, свободолюбивая – такова она, Франция

После знакомства с архаичным, патриархальным укладом жизни ингушских семей трудно представить, какими бы стали эти люди, окажись они в Европе, и в том числе – в благословенной Французской Республике.

Le Tambour

METRO

Но за последние два десятилетия из России эмигрировали несколько десятков тысяч ингушей. Из них порядка трех тысяч ныне проживают в различных городах «пятой республики». Они работают в самых разных сферах. Оказавшись в благоуханных объятиях Иль-де-Франсе, Лазурного берега Ниццы или лавандового царства Прованса, сумели интегрироваться в окружающую действительность без ущерба для собственной самобытности. Снимают жилье, кому повезет – покупают дома, но обязательно хранят в них привезенные с родины реликвии – книги, фотографии, архивы...

Они могут в совершенстве владеть французским, жить здесь не первый десяток лет, но всегда будут помнить об Ингушетии. Кажется невероятным, но это данность: трудно найти ингуша, который не мечтал бы увидеть Париж, а живя во Франции, не думал бы о родине – крохотной республике в самом центре Северного Кавказа.

QVI DEDIT ANTE DVAS
TRIPLICEM HABIT ILLE
CORONAM
MACHINA QVÆ BIS SEX
TAM JVSTE DIVIDIT HORAS
JVSTITIAM SERVARE MONET
LEGES QVE TVERI

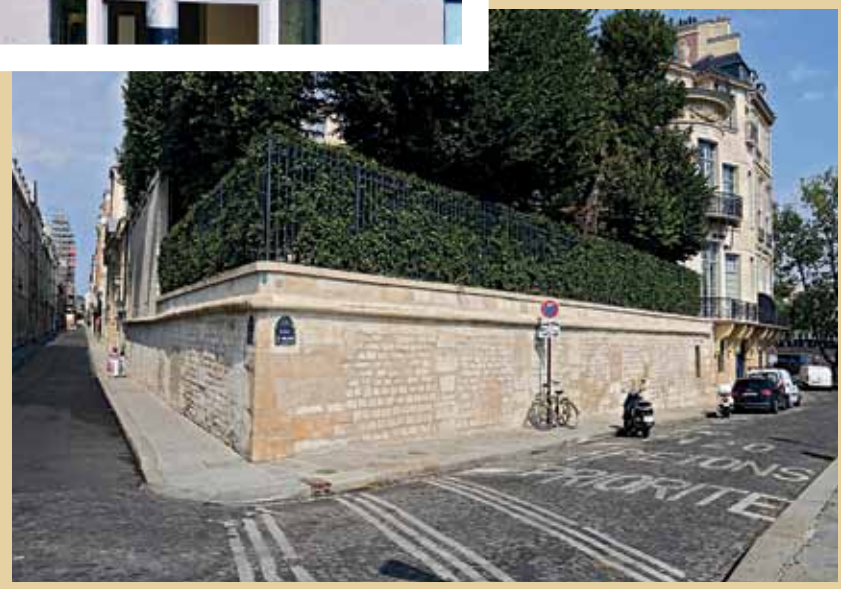

Франция дарит невероятное количество впечатлений. Кто не хотел хоть раз побывать там и насладиться ослепительными природными ландшафтами, неповторимыми памятниками архитектуры, французскими замками? Их крепостные стены и ажурные арки, мощные донжоны и затейливые виньетки, мрачные подземелья и прекрасные гобелены, винные погреба и средневековые скульптуры трудно забыть, настолько они хороши!

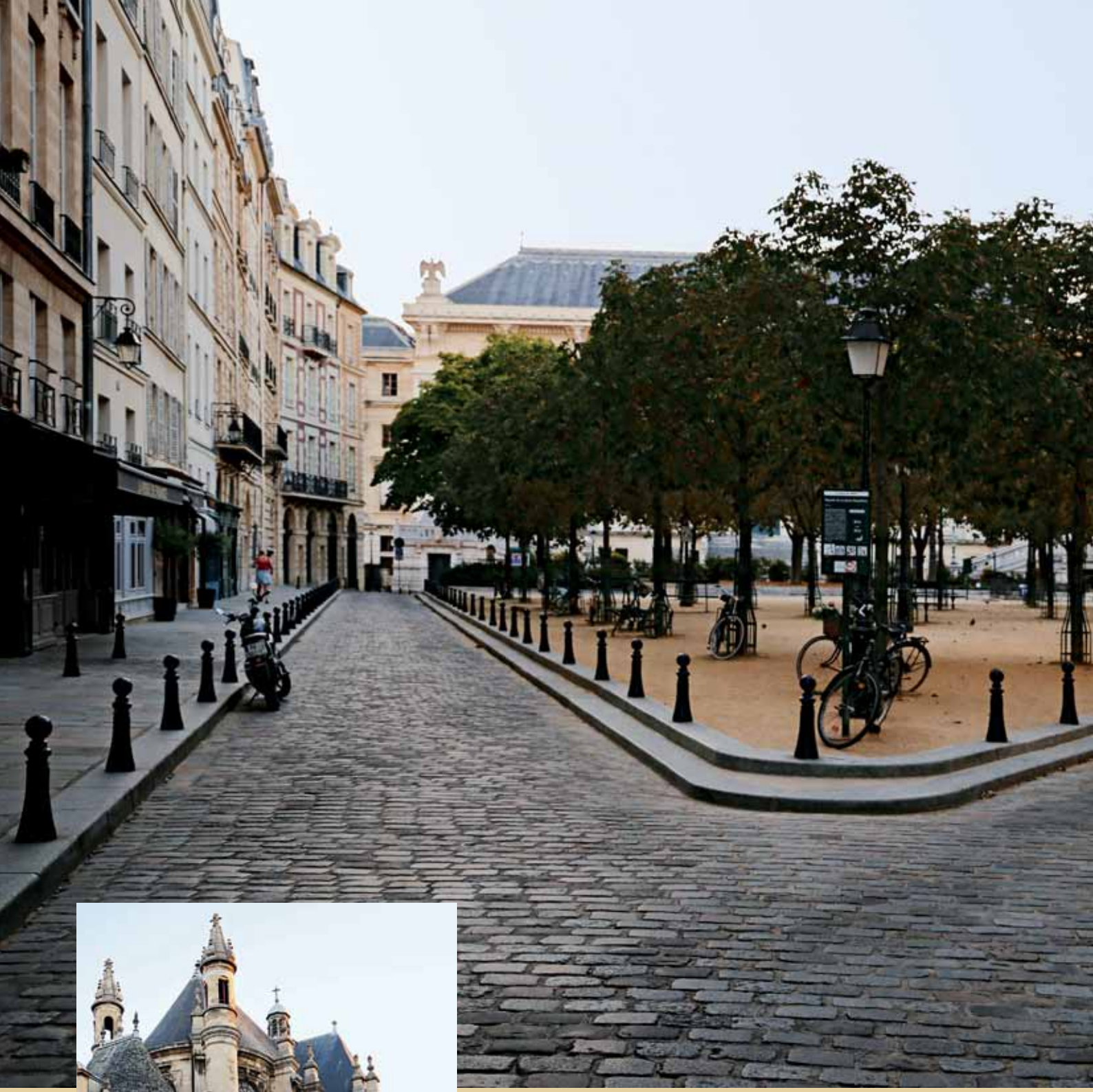

BASTILLE
STALINGRAD
Faubourg
Saint ANTOINE
GARE DE LYON
AUSTERLITZ
PORTE DE BERCY
PÉRIPHÉRIQUE
parc Bercy

В Ингушетии подобные чувства испытываешь от вида башенных комплексов, сожалея только о том, что многие из них пребывают в плачевном состоянии. Время показало, что «французские ингуши» со своим укладом, традициями, обычаями и воспитанием прекрасно вписываются в страну влюбленных. И те, кто бывал на днях ингушской культуры (а они не раз проходили в Париже), не забудут лица и восторженные крики французов, которые стоя аплодировали ингушам, танцующим лезгинку.

и Чувство Родины я детям передам!

ЧЕЛОВЕК, ВСЕЙ ДУШОЙ ПРЕДАННЫЙ ИНТЕРЕСАМ СВОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ, ПАТРИОТ, ОБЛАДАЮЩИЙ НЕЗАУРЯДНОЙ ЭНЕРГИЕЙ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬЮ РУКОВОДИТЕЛЬ ФРАНКО-ИНГУШСКОЙ АССОЦИАЦИИ «ЦЕНТР ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ И РАЗВИТИЮ» ВО ФРАНЦИИ – ЭТО ВСЁ ХАРАКТЕРИСТИКИ **ИСЫ БОКОВА**

Еще в Москве, обдумывая формат поездки по Европе, знала, что обязательно постараюсь в первую очередь найти именно его. О нём уважительно говорили и те, кто живет во Франции, и граждане Ингушетии.

И вот первый пункт нашей командировки – Париж. Отель Holiday Inn Paris Notre Dame в центре города, где остановилась наша творческая группа. Напротив меня – обаятельный мужчина с благородной сединой, отличный рассказчик, эрудированный собеседник. И его жена, которая оказалась не только не менее интересным человеком, но и – бонус от Всевышнего! – прямым потомком Вассан-Гирея и Магомеда Джабагиевых.

Из небольшого старинного городка Мец, от которого до Парижа часа четыре езды, на встречу с нами они приехали на своем автомобиле. Показательный штрих: по изнывающей от жары Франции в этой изматывающей многочасовой поездке они везли для нас полный багажник соков и минеральной воды отличного качества, чтобы нам было легче и приятнее в эти дни в Париже...

Иса и Зейнеп Боковы вспоминали события из своей жизни так объемно, будто было это только вчера.

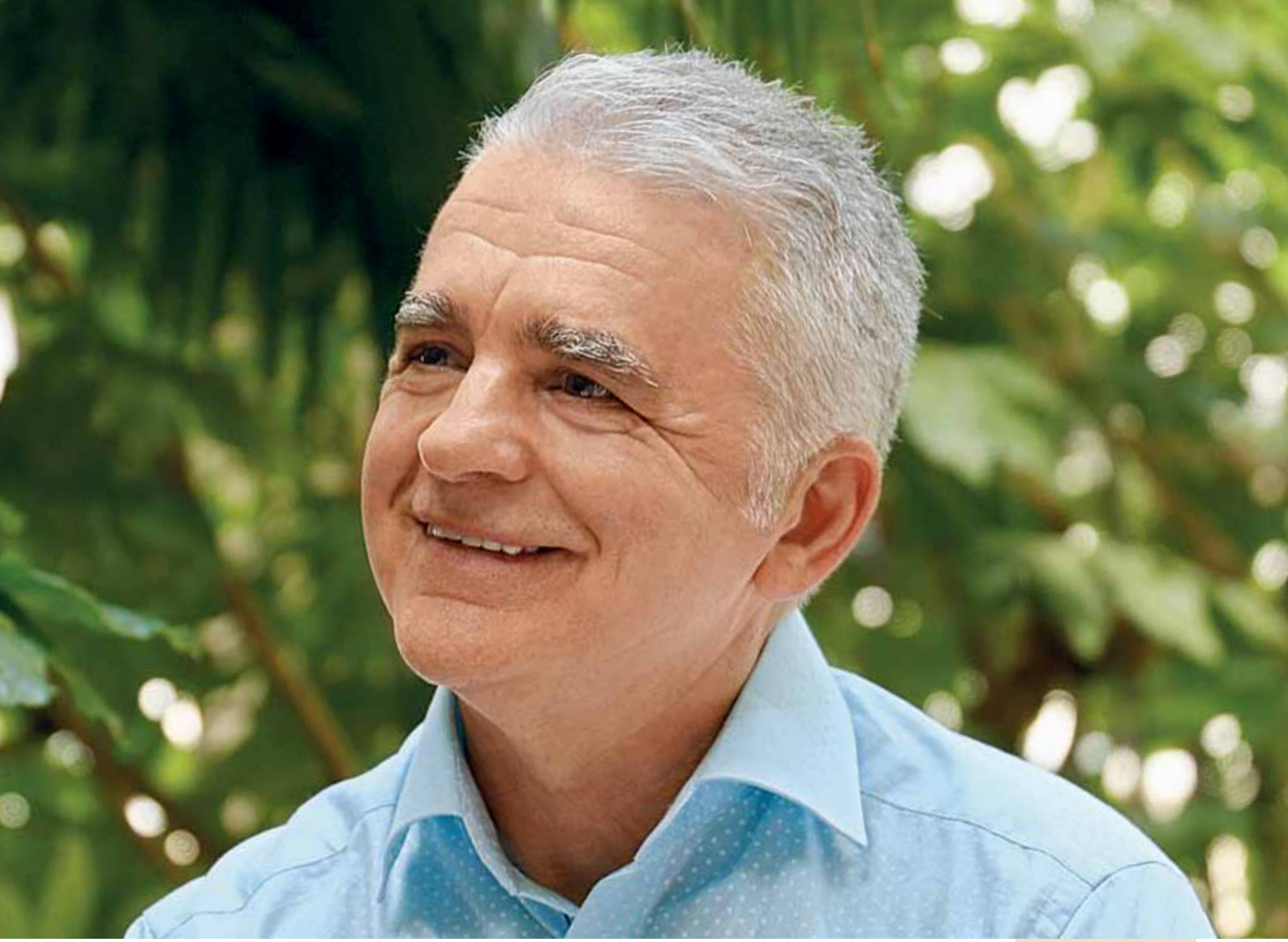
СОВХОЗ – ДЕЛО ДОБРОВОЛЬНОЕ

Почти сразу выяснилось, что известный ингушский писатель Ахмед Боков – старший брат отца Исы. Сам Иса родился в многодетной ингушской семье: три брата, четыре сестры. Жили трудом, родители всеми силами стремились дать детям хорошее образование, и у них это получилось.

Иса закончил Всероссийский пищевой институт в Москве по специальности «технология хлебопекарного производства» и Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. В Малгобеке был на комсомольской, партийной и хозяйственной работе.

В 30 лет он женился. С супругой Зейнеп Джабагиевой его познакомил муж ее подруги Исмаил, с которым вместе работали в горкоме комсомола. Родители выбор сына одобрили.

– Как поженились, уехали в Ярославль. С 1988 года не жили в Ингушетии. Это было время горбачевской перестройки, шла партийная ротация кадров по горизонтали. Сказали – надо ехать осваивать Нечерноземье, и отправили секретарем парткома совхоза в Ярославскую область. По прибытии в область меня представили в райкоме партии и сказали, что надо пройти «обкатку» и конкурсный отбор для работы председателем колхоза в деревне Закобякино. Будет колхозное собрание, на котором надо будет изложить программу. Я выступил, конечно, программу изложил. А жена у меня – врач-окулист. Все были рады: и врач свой будет, и новый председатель. Вечером, после собрания, я вернулся в Ярославль и поделился своими впечатлениями в отделе кадровой политики обкома КПСС. А там уже обо

мне получили отзывы. Я высказал свое желание работать ближе к районному центру, чтобы иметь возможность трудоустроить супругу врачом в районной больнице. К тому времени в Даниловском районе, в крупном пригородном совхозе, работники выразили недоверие очередному директору совхоза. Бюро обкома партии рекомендовало меня директором совхоза «Даниловский»...

За два года Иса Боков поднял совхоз. Взялся за работу, засучив рукава. «Предприимчивый человек, склонный к новаторству и риску» – так охарактеризовала его местная районная газета. В статье этой, вполне комплиментарной, между строк сквозит искреннее недоумение автора: как этот молодой незнакомец из дальних краев, с виду мягкий, застенчиво улыбающийся, сумел перевернуть привычный ход вещей в совхозе, вывести его в передовые по многим показателям?..

А он сумел-таки. Еще и время наступило такое, перестроечное, всё было впервые и вновь – кооперативы, хозрасчет, старт рыночной экономики. Он оказался в этом бурном потоке перемен как рыба в воде, на лету схватывал последние веяния и сам творил, выдумывал, пробовал. В «Даниловском» появились два растениеводческих кооператива, внедрялись новейшие формы организации труда и его оплаты. И люди поверили в молодого директора, дела пошли в гору.

Иса сделал еще один нестандартный ход. В газете «Московская правда» опубликовали его предложение: он приглашал предпринимателей стать инвесторами аграриев. Не просил денег, а предлагал партнерство – помощь в развитии инфраструктуры предприятия в обмен на продовольственный достаток.

Статья имела сильный эффект: совхоз оказался на слуху, к нему потянулись потенциальные инвесторы из Москвы, да и просто те, кто хотел помочь в необычном начинании. «А мне по-

нравился этот парень, Боков. Он молодой, не испорчен старой системой, мыслит иначе, понимает важность деловых взаимовыгодных связей», – признался руководитель одного из крупных промышленных партнеров совхоза из Москвы.

Еще один очень показательный момент. Из окон дома Исы был виден православный храм, вернее – его останки: сожженные и сброшенные купола, разруха. За годы советской власти чего там только не было: и водокачка, и конюшня... Иса начал искать спонсоров для реставрации. И нашел! Хлынул поток паломников, гостей и туристов из разных областей.

– У нас была однокомнатная квартира без удобств, и жена уходила ночевать к соседям, – рассказывает он. – А в комнате на раскладушках спали гости. Весь зал превратился в раскладушечную.

Через два года его выдвинули вторым секретарем райкома. Многие потом жалели: такого хорошего директора совхоз потерял!

Но востребованность Исы обернулась для его супруги другой стороной медали: близких подруг в центре России у нее не было, мужа рядом – тоже, он всё время занят. И глава семейства стал подумывать о возвращении на Кавказ.

И всё же очень горько осознавать, что наследникам великих фамилий пришлось уехать из Ингушетии и из страны...

НАКАЗАНИЕ НЕВИНОВНЫХ, НАГРАЖДЕНИЕ НЕПРИЧАСТНЫХ

В начале 1991 года они вернулись домой, в Малгобек. Исе было предложено работать в обкоме партии тогдашней ЧИАССР. Уже тогда было ясно, что спокойствие в республике весьма шаткое. Тем не менее они полгода оставались в Грозном. Этот город для Боковых – знаковое место: в документах их детей (двое сыновей и дочь) в графе «место рождения» значится Грозный.

Пришлось вернуться в Ярославскую область, где Иса становится руководителем торговой палаты. Но и тут вмешались обстоятельства. Ису назначили управляющим в развалившийся банк. Он вообще по жизни очень часто брался за безнадежные проекты и превращал их перспективные. Но как только это происходило, находились другие руководители, с удовольствием пожинавшие плоды его успехов.

В 1995 году Исе поручили возглавить филиал банка при заводе «ДревМаш». К тому времени банк из-за невозврата кредитов крупными предприятиями обанкротился. А вкладчикам необходимо было выплачивать их денежные вклады, ведь ветераны предприятия, пенсионеры вложили туда свои кровные, в том числе и «гробовые». Перед Исой стояла задача разрешить ситуацию с наименьшими потерями, без судебных процессов и вернуть вклады населению. Он даже свои средства тогда вложил, чтобы отдать деньги старикам. Удержал банк, но работать постоянно ему не дали, прислали нового управляющего. Дело в том, что каждые полгода необходимо было продлевать свою лицензию на ведение банковского дела в финансовом ведомстве управления ЦБ. Исе сказали: «Извини, но ты же с Кавказа, из Чечено-Ингушетии, как мы можем доверить тебе банк?» В трудное время доверяли, а как стало легче – сразу нет...

– И с ним так постоянно: любую ситуацию может разрулить, знает, с чего начать, как этот клубок раскатать, но лавры получают другие. Самое удивительное, что он спокойно к этому относится, – улыбается Зейнеп.

После работы в банке Ису избрали заместителем главы Даниловского района по экономике.

...В первую чеченскую войну они потеряли в Грозном всё. Как и их родня. Все, одновременно, остались и без домов, и без средств. Зейнеп переживала всё это, будучи беременной. И это отразилось на малышке – Элиза роди-

лась с сильным апноэ (непроизвольная остановка дыхания). Она теряла сознание от малейшего крика или боли, у нее был очень низкий порог чувствительности.

В 1997 году Иса принял нестандартное (как всегда!) решение оставить административную работу в районе и уйти в науку. Вопреки всему он поступил в аспирантуру Академии госслужбы при Президенте РФ, погрузился в исследовательскую работу, аналитику, написал диссертацию и защитил ее, получив ученую степень кандидата экономических наук. Его специализацией стало управление регионами, местное самоуправление: Иса имел большой и, что немаловажно, успешный практический опыт в данной сфере. Эффективный практик мог бы активно делиться своим опытом.

В 2000 году Иса приехал в Ингушетию. Он хотел быть ближе к родителям, которые вступили в преклонный возраст. Для себя не просил ни постов, ни руководящих должностей.

– Хотел заняться аналитической работой, – вспоминает он. – Тогда возглавлял республику Руслан Аушев, но до него, я думаю, не довели информацию обо мне и о работах, которые я привез. Всё бурлило. Всё сводилось к тому, что «не мути нам воду, не сбивай, не мешай спокойно жить». Сказали, что работы для меня нет. Я тогда пошел в университет, где был готов работать ассистентом или преподавателем. Но и тут – отказ. Так и вернулись опять в Ярославль.

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

Тот факт, что блестяще образованным ингушам, имеющим богатый опыт работы, не нашли применения в республике, если честно, не удивляет. И всё же очень горько осознавать, что наследникам великих фамилий пришлось уехать из Ингушетии и из страны…

Зейнеп – прямой потомок Джабагиевых. Родилась во Владикавказе, в семье Алихана и Марем Джабагиевых. Они входили в ближний круг представителей уважаемой на Кавказе фамилии.

– Помню, девчонкой была, еду к родственникам и уступила старику место. Он благодарит и спрашивает, как в Ингушетии положено: «Ты чья?» – «Я – Джабагиева», – отвечаю. И вот как очень уважаемый старик отреагировал на мою фамилию: «Как! Мне сама Джабагиева уступила место!» Фамилия для ингуша – великая честь и ответственность. Во все времена так было, даже тогда, когда фамилия Джабагиев была запретной, – говорит Зейнеп.

В доме ее деда висели портреты Вассан-Гирея и Магомеда Джабагиевых. Но их пришлось закрыть портретами других членов семьи, так как в дом частенько наведывались чекисты с обысками. И так было до самой высылки.

– Снять их дед считал предательством, – говорит Зейнеп. – Его приглашали в КГБ, настойчиво предлагали возобновить общение с эмигрировавшими родственниками, начать переписку с ними. Но дед всегда говорил, что он не знает ничего, не признает их и

Поговорив в отеле, мы в первый же день знакомства поехали на парижское кладбище, где похоронен Магомед Джабагиев

т.д. Он уходил от этой темы, чтобы не навредить им. И когда ему и отцу предлагали вступить в партию, они всегда отвечали, что не считают себя достойными этого. Они понимали, что всё делается, чтобы выйти на Вассан-Гирея и Магомеда, поскольку авторитет их на Кавказе был высок.

Моя собеседница, увидев в выпуске «НАШИХ ЛИЦ» «Граница», который мы привезли для них, репортаж из поселка Южный Северной Осетии, рассказывает, что одним из основателей этого поселка в Пригородном районе был дедушка по матери ее отца – Сипсо Куштов. Когда в Ляжги, что недалеко от Джейраха, поняли, что пришло время расселяться, было решено искать и осваивать новые территории. Сипсо вблизи Буро (ныне Владикавказ) нашел поселок. Как гласит легенда, он привез два мешка золота и выкупил приглянувшееся место у бывших хозяев, с лихвой расплатившись с ними. Там он посадил огромный яблоневый сад (впоследствии здесь разместился пионерский лагерь). Привез туда братьев. Места хватило всем. До сих пор дом Сипсо Куштова есть. И просторный подвал, где он хранил яблоки, тоже сохранился. Сипсо работал с грузинами. Он выращивал яблони, а осенью полностью сдавал сад грузинам. Те приезжали на лошадях с ящиками, соломой, укладывали фрукты и забирали их. В том саду вырос отец Зейнеп и его сводный брат – русский мальчик, которого нашли в четырехлетнем возрасте и усыновили.

Во время революции у деда всё отобрали, сад национализировали. Но дома оставили. В 1944 году всех ингушей выслали в Казахстан, на их место заселились осетины.

После того как ингушам разрешили вернуться, Куштовы рвались в свои дома, пытались их выкупить. Им не дали этого сделать. В итоге один охранником устроился в пионерлагерь, другой – завхозом... Любой ценой они возвращались жить на свою землю.

После 1992 года их дома опять отобрали. Сейчас там нет ингушей, их туда не пускают. Появляться ингушам на их исконной земле просто опасно.

РОДНЫЕ МОГИЛЫ

Во Франции мне очень хотелось соприкоснуться с этой частью семейной истории Боковых. Поэтому, поговорив в отеле, мы в первый же день знакомства поехали на парижское кладбище, где похоронен Магомед Джабагиев.

По пути Зейнеп вспоминала и великого предка, и то, как искали его могилу.

– Мы словно идем по спирали. Новый круг эмиграции – наше поколение. Магомеду Джабагиеву было 24 года, когда родился первый племянник – мой дедушка. А Джабагиевы Магомед и Вассан-Гирей – родные дяди по отцу. Это была его гордость, он всё время рассказывал детям, внукам о них. Из трех братьев дедушка был самый продвинутый в плане стремления к образованию, расширению кругозора и т.д.

DJABAGUIEFF Mahomed
ДЖАБАГИЕВ Магомед
29.08.1877 - 22.02.1937
Président du conseil national de la
Région d'Ingouchie Russie 1918-1921
Illuminateur, publiciste, linguiste
Председатель Ингушского
Национального Совета 1918-1921
Просветитель, публицист, лингвист

CIMETIÈRE MUSULMAN DE BOBIGNY

Умер, когда ему было 62 года. Это была трагедия. Он был безотказный. Поехал помочь человеку купить дом. Присел и задремал, умер во сне. Когда его хоронили, это было настоящее горе для многих, столпотворение на похоронах, – рассказала она.

Найти могилу Магомеда Джабагиева в Париже Зейнеп поручил отец. Иса использовал свои связи в мэрии, административный ресурс, но всё было не так просто. Сначала их огорошили сообщением о том, что... нет таких!

– Тогда к поискам подключилась наша знакомая француженка: попросила дать точную дату рождения, фамилию, имя, отчество, пообещала помочь. И слово свое сдержала. Оказывается, произошло следующее. Во Франции имя пишется с маленькой буквы, а фамилия – с большой. Так вот, когда Магомеда Джабагиева хоронили, то работники кладбища имя указали с заглавной буквы, а фамилию – с прописной. Поэтому мы не могли найти его с начала 2000-х годов. А она проверила разные варианты и выяснила это. Так и нашли, – вспоминает Иса.

Нас часто приглашали в гости на выходные, знакомили с традициями и обычаями. На дни рождения нашим детям делали подарки, а однажды французская семья даже подарила машину

Не иначе как Всевышний помогал им сначала найти великого предка, а потом и осилить работу по приведению его могилы в порядок. В свой первый приезд на кладбище они ужаснулись тому, в каком состоянии было последнее пристанище Магомеда! Плита осела и разрушилась. Но самое страшное было в том, что администрация кладбища имеет право перезахоронить прах в общую могилу, если за ней нет ухода. Она намеревалась это сделать и с могилой Магомеда Джабагиева, но Боковы не дали. Они бросились собирать необходимые справки и документы, чтобы доказать факт родства и получить право начать реставрацию памятника.

Куда только ни стучались они, чтобы собрать деньги на восстановление! Официальная власть Ингушетии сначала открестилась, заметив, что это – дело тейпов. А те тоже не спешили.

– Единственный, кто прислал две тысячи рублей, – дочь Сосурко Мальсагова, Мадина. Прислала со своей пенсии. Мы были очень тронуты. Постепенно с помощью самых близких друзей, живущих в Ницце, Безансоне и Арлоне, собрали тысячу евро. Первое, что сделали, – за 750 евро выкупили землю под могилой. Потом нам сказали, что это исторический памятник и он должен остаться аутентичным – таким, каким был в 1937 году, – рассказал Иса.

Он дошел до главы республики Юнус-Бека Евкурова, чтобы решить эту проблему. Дело сдвинулось. Средства на установку нового надгробия были выделены. Возникла мысль использовать при восстановлении более дорогие и долговечные материалы, благо теперь возможности были. Но администрация кладбища и главный архитектор области отказали: никаких новшеств, всё должно быть так, как было! Так оно и есть теперь. И у ингушей осталась возможность поклониться замечательному гуманисту Магомеду Джабагиеву.

Смешанные чувства испытала и я, стоя возле его могилы. Рядом похоронены турецкая принцесса Селима и известный чеченец Тапа Чермоев. Этот сектор кладбища объявлен историческим, здесь покоятся эмигранты первой волны из северокавказских республик. Здесь не делят людей по национальностям, только по религии. Здесь уважают память о них. Ценят и тех, кто внес вклад в развитие Франции, и того, кто дорог своему народу.

Кладбище выглядит ухоженным. Здесь смотрят и за чистотой, и за порядком. Но как же трудно спокойно принять тот факт, что здесь остались навсегда те, кто до конца своих дней думал, ждал и надеялся на возвращение домой...

На работе в мэрии. Планерка.

Вручение дипломов в Университете (2016 г.)

НЕЛЬЗЯ ДЕТЯМ КРЫЛЬЯ ПОДРЕЗАТЬ

В 2001 году Боковы приехали во Францию с визой на три месяца. Вначале Иса приехал со вторым сыном – у Алихана была сильная травма ноги, сложный, неправильно сросшийся перелом. Они пытались лечиться в Москве, были в Ярославле, но поняли, что нужную помощь в России получить не смогут.

– В то время в России повсюду неофициально было негласное правило: выходцев из Чечни нигде не принимать. А у нас в паспорте везде место жительства – Чечня. Это всё сразу блокировало. Мы просто устали биться и искать справедливость. Обратились в Международный комитет Красного Креста. Как только они увидели посиневшую ногу девятилетнего хромающего мальчика, тут же подключились. Так сын оказался во французском госпитале. Почти шесть месяцев он находился на лечении и реабилитации. Расходы по всем статьям взяли на себя Красный Крест и французская страховая компания, куда мы стали отчислять взносы после трудоустройства Исы, – рассказала Зейнеп.

Иса первым уехал во Францию с сыном. Потом приехала Зейнеп, чтобы быть рядом с ребенком. Вскоре главе семьи предложили работу в концерне «Пежо». Язык учили все вместе, активно практикуя. Увидев послужной список Исы, ему предложили учиться здесь на управленца. Иса окончил двухгодичные курсы в университете Нанси, стал дипломированным специалистом по территориальному развитию и в 2005 году, пройдя конкурсный отбор, стал специалистом по профессиональной интеграции в мэрии. Имеет классный чин: муниципальный советник второго класса.

В 2016 году Иса закончил магистратуру в университете города Нанси по специальности «управление предприятиями». Сегодня он – автор многочисленных научных статей по кластерному развитию регионов, работает, кроме всего прочего, исследователем-докторантом в научном центре по деловому праву и менеджменту в Университете Париж Сорбонна.

– Как приняли французы людей с Кавказа? – спросила яИсу и его супругу.

Первым отвечать мне начал Иса:

– По отношению к нам не было никакого предубеждения, абсолютно никакого. В начале нашего пребывания нас часто приглашали в гости на выходные, знакомили с традициями и обычаями. На дни рождения нашим детям делали подарки, а однажды французская семья даже подарила машину, чтобы на работу ездить. Мы чувствовали, что нам искренне хотят помочь, чтобы мы быстрее интегрировались, адаптировались.

– Наша дочь Элиза очень скромная, – продолжила Зейнеп. – Мы хотели отдать ее в консерваторию (так во Франции называется музыкальная школа –

Авт.) в Меце. Одна из наших новых знакомых – француженка Жаклин – пошла к директору школы и попросила посмотреть нашу дочь. Она представила ее как свою подопечную. Это нас очень тронуло. Она же оплатила обучение Элизы в консерватории, помогла найти ей музыкальный инструмент (альт) для занятий. Кстати, сейчас Элиза, как победитель конкурса среди студентов, едет на полугодичную стажировку в сеульский университет в Южной Корее.

Аналогичная история была и с сыновьями Боковых. Именно французы помогли им оплатить билеты в Америку, где ребята проходили летом трехмесячный стаж (нечто похожее на производственную практику или стажировку, без которой переход на следующий курс университета невозможен), который им предложили. Сама семья не имела такой возможности.

– Наши французские знакомые сказали: «Нельзя детям подрезать крылья» – и купили им билеты в Америку. Попусту французы деньги не бросают, но если видят, что это реально может помочь, то не жадничают... «Ваши дети на трех языках говорят, нашли стаж (преддипломную практику), что у наших зачастую не получается. Вы растите полезных обществу людей, которые будут работать и зарабатывать, мы будем пенсии получать благодаря им. Вы продолжаете цикл нашей страны. Мы благодарны вам, что вы не бездельничаете, не сидите на пособиях, ваши дети трудятся, вы трудитесь, платите налоги, которые идут и нам в том числе» – вот такая здесь логика, – рассказала Зейнеп.

И он пошел дальше. Организовал дни Ингушетии в Университете Сорбонна. Получилось!

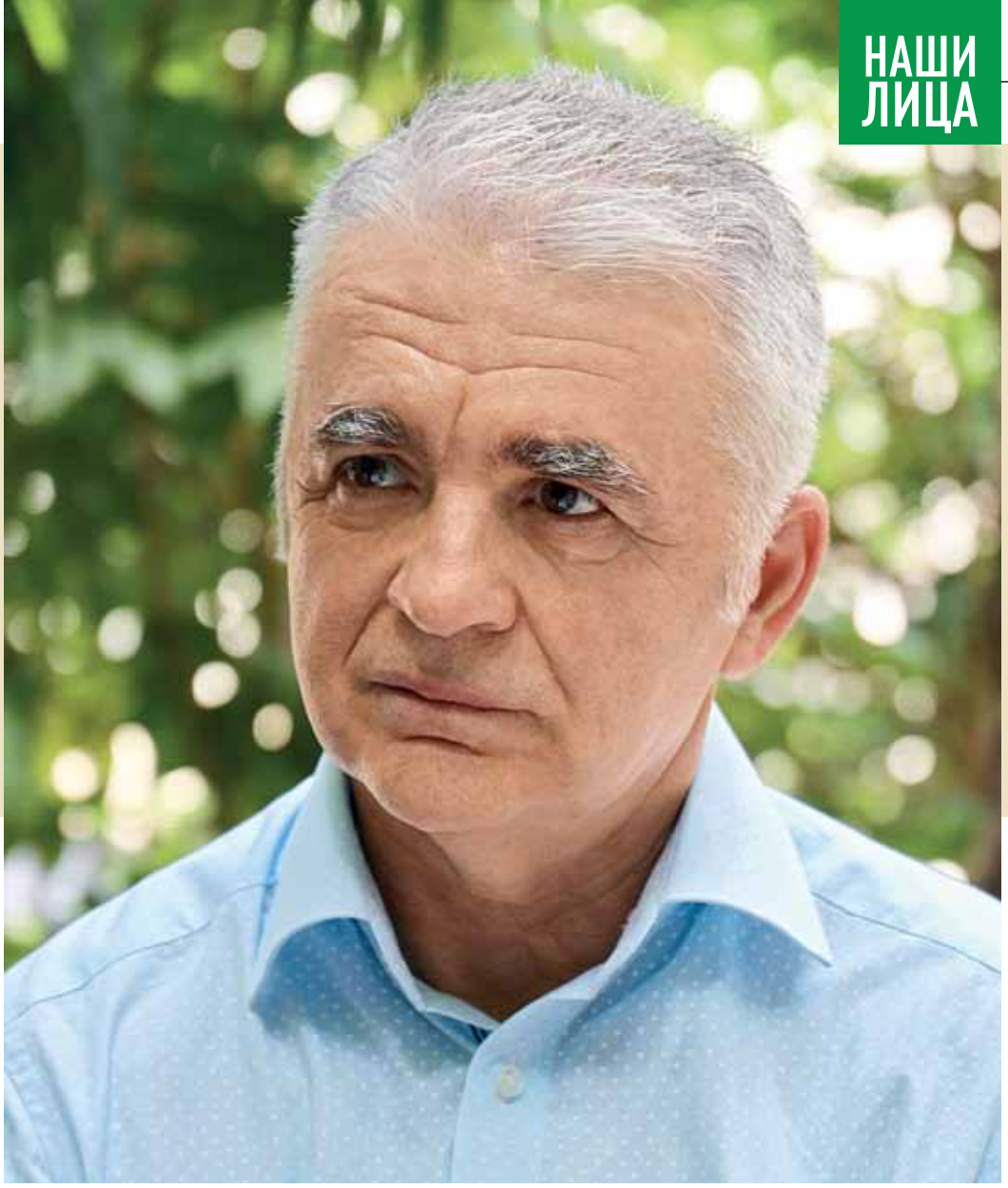
В их семье – культ образования. И так было всегда. Отец Зейнеп любил повторять: «Ручка изменит мир, знания, образование». Он был уверен, что только образование поднимет ингушей.

Сама Зейнеп во Франции продолжает работать по специальности, она врач-офтальмолог. Французы, узнав уровень ее образования, ни в коем случае не захотели ей предлагать неквалифицированную работу. Работает в клинике, которая обслуживает и тюрьму. С большим интересом я слушала ее наблюдения и замечания о системе здравоохранения во Франции, о взаимоотношениях коллег, врачей и пациентов.

ЧТОБЫ ЗНАЛИ

Сохранить память о предках – долг каждого, убеждены мои собеседники. Форматы и варианты в данном случае условны, важно другое: не потерять и не забыть вдали от исторической родины о своих корнях. Этот постулат, несомненно, принимал во внимание Иса, обдумывая идею создания Франко-Ингушского исследовательского центра. Во время работы в мэрии у него был первый опыт проведения массовых мероприятий с целью показать успешный опыт интеграции ингушской диаспоры во Франции.

– В 2013 году мы организовали и провели первый европейский межрегиональный форум молодежи и студентов в регионе Лоррен, – вспоминает он. – Собрали ребят, похвалили их за хорошую учебу, работу, успехи в спорте, творчестве (отметили наградами нашего объединения) и дали напутствие: в любой ситуации вести себя правильно, изучать ингушскую культуру и язык, с достоинством, помня, что они – представители ингушского народа. Для них это стало событием, а для нас – открытием новых проектов интеграции. Мы поняли, что подрастает достойная смена, о которой обязательно надо рассказывать не только на уровне диаспоры, Франко-Ингушского центра по сотрудничеству и развитию во Франции. Но одновременно нам важно было показать нашим детям достойных представителей нации – ученых, артистов, врачей, педагогов, спортсменов и т.п. Чтобы у них гордость была за свой народ и отличный пример перед глазами. Я считаю, что оставлять детям надо хорошую память,

духовное наследие. Материальное они могут проесть за год, а моральные ценности будут с ними всегда, – уверен Иса.

И он пошел дальше. Организовал дни Ингушетии в Университете Сорбонна. Получилось! Возникла идея провести дни Ингушетии в Российском центре науки и культуры во Франции. Пробился к Евкурову (Иса бывает в республике регулярно, несколько раз в год навещает мать). Тому идея понравилась, дал поручения подчиненным. Но они восприняли поездку во Францию как очень личное, были предложены совсем не те люди, которых хотелось видеть на сцене и на экспозициях.

– Я говорю: «Нет, мне эти не нужны. Надо молодых, талантливых людей привозить – художников, музыкантов, артистов». У нас есть экспертный совет, куда входят также французские специалисты. Мы выслушали их рекомендации, ведь нам предстояло выступить перед французской публикой, представителями дипломатических представительств и ЮНЕСКО. И мы утвердили свою программу. Нашли участников достойных... Потом, правда, нашлись люди, которые быстренько себе все заслуги по организации и проведению мероприятия приписали. Надо понимать, что это коллективный труд всех неравнодушных соотечественников из Франции, Бельгии и Норвегии, но только мы одни знаем, чего стоило всех собрать, сколько ушло времени, сил и средств, чтобы всё это сделать и достойно выступить. Чего только стоит организовать презентационный стол на 150 человек, где были разнообразные национальные блюда: чапильгаш, сладости, галушки... Так или иначе, презентацию сделали. До сих пор говорят, что лучше нас никто не делал, – рассказывают Иса и Зейнеп.

Зейнеп вспоминает, чего стоило мужу осуществить задуманное, не дать чиновникам превратить мероприятие в междусобойчик. Она уверена, что, будь как следует налажена совместная работа с республикой, удалось бы сделать еще больше. К примеру, организовать презентацию на уровне Совета Европы и в штаб-квартире ЮНЕСКО. Но пока это на стадии изучения.

После того как Иса в сентябре 2018 года выступил с обращением по поводу Соглашения о новом территориально-административном устройстве между Чечней и Ингушетией, официальные власти (уже бывшие) стали «зарубать» его проекты. А он ведь ничего криминального не сказал, только напомнил о том, что данное соглашение подписано без проведения референдума, без широкого обсуждения и учета мнения ингушского народа, и в первую очередь – жителей этих территорий.

– Мы категорически не согласны с такими действиями власти и против передачи ингушских территорий соседним субъектам Федерации, потому что это уже было в нашей истории. Я считаю, что такие серьезные вопросы нужно решать по адату и шариату, власти их обязаны обсуждать напрямую с представителями тейпов и с народом. Эти земли принадлежат различным фамилиям, они их унаследовали от своих предков, которые на протяжении веков ценой колоссальных жертв сохранили эти земли для будущих поколений. Поэтому, когда затронуты наши «святыни», каждый из нас, независимо от места нахождения, будет в такие минуты со своим народом, – говорит Иса.

Иса и его супруга лично участвовали в переговорах с потомками Жоржа Дюмезиля о передаче ингушам писем от Магомеда Джабагиева

– Вот так все проекты закрылись из-за моей позиции, – сокрушается он. – Первого апреля должна была пройти культурная презентация Ингушетии перед студенчеством, профессорами в Париже. Уже были люди приглашены, профессора, преподаватели и студенты, день был назначен. Всё было готово. А из республики нам не дали даже танцоров. Единственное, что мы просили: пришлите нам двух мальчиков, двух девочек, хоть какую-то культурную программу. Потому что людям кроме выступлений и докладов нужны и концертные номера. Но ни одно министерство не хотело нам помочь, все ссылались на отсутствие средств. Мы, прямо сказать, опозорились, и теперь нам предстоит заново это доверие завоевывать. В республику сегодня пришли новые люди, мы начали налаживать наше сотрудничество с ними. Время покажет.

Я уверена – всё получится, трудности временны. Авторитет моих собеседников высок, обязательно будут новые проекты, новые встречи на высшем уровне. Именно такие, какие они умеют делать.

Кстати, Иса и его супруга лично участвовали в переговорах с потомками Жоржа Дюмезиля о передаче ингушам писем от Магомеда Джабагиева. Они сумели убедить их поделиться личной перепиской, что во Франции в принципе не принято. Теперь письма хранятся в краеведческом музее в Назрани. И в научную библиотеку Ингушского государственного университета передана книга, которую Дюмезиль и Джабагиев выпустили в 1935 году во Франции.

Остается неизвестной судьба книги Магомеда Джабагиева «Кисты ингуши». Но поиски продолжаются, и как знать – возможно, и мы сможем к ней прикоснуться. У ингушей есть свои люди во Франции, причем очень активные.

СЧАСТЬЕ ЛЮБИТ ТИШИНУ

Мы были вместе с Боковыми два очень насыщенных дня, чувствовали себя, благодаря им, очень комфортно и спокойно. Ежеминутно ощущали то самое, неподражаемое и непревзойденное ингушское гостеприимство. Они заботились о нас, как о близких людях, хотя прежде знакомы мы были только заочно.

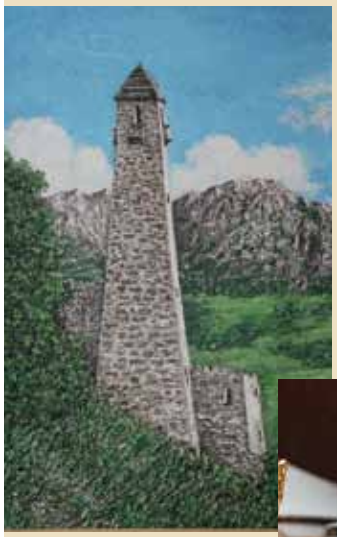

Успели, благодаря им, мы очень много. Помимо кладбища, посетили самый впечатляющий исламский храм в Европе – Великую парижскую мечеть, Grande Mosquée de Paris. Вместе с ними, на их автомобиле, приехали в Мец, старинный город, где они живут. Его делили между собой немцы и французы. Он переходил из рук в руки, пока в XIV веке французы окончательно не подчинили его себе. Жителям всё это время приходилось учить то немецкий язык, то французский…Обо всём этом радушные хозяева рассказывают за столом. Ингушское застолье под скромным предлогом «попить чаю»: ломящийся стол с собственноручно приготовленными блюдами, за которым собрались старший сын, его молодая жена-красавица и дочь-студентка. Они ухаживали за нами, как принято в ингушских домах. А потом нас повезли в Саверн – в гости к замечательной, без преувеличения, семье Долгиевых.

Особое впечатление – от дома Боковых, ставшего для них родным.

Во Франции банки предоставляют кредиты для приобретения собственного жилья только тем, кто работает. Иса работал всегда, все 18 лет жизни во Франции. И дом у них с супругой третий

В гостях у Исы Бокова

На улочках старинного Меца

Старший сын, когда учился в лицее и затем в университете, после учебы ехал в пиццерию, развозил пиццу. Первые деньги на учебу он заработал сам

год как есть. Очень интересный, с историей. Однако это жилье они не получили бы, если бы не имели две тысячи дохода в месяц. По французским законам одну треть ты должен платить государству, на две трети живешь. Если баланс не соблюдается, то такой возможности не предоставят. Они платят за аренду 960 евро в месяц. Через 15 лет дом будет в их собственности.

Сейчас, когда у детей есть работа, платить стало легче. Младшая дочь, будучи студенткой, подрабатывает в маркетинговом отделе торгового центра. Заработок идет в общую семейную кассу. Старший сын, когда учился в лицее и затем в университете, после учебы ехал в пиццерию, развозил пиццу. Первые деньги на учебу он заработал сам.

Дом 1890 года постройки расположен в старинной, исторической части Меца и находится под охраной государства. В нём ничего менять нельзя: ни цвет фасада, ни парадную дверь, ни даже ручку на двери и цвет этой самой ручки.

Здесь жил довольно известный человек, который дружил с «принцем обаяния» Жаном Маре. Когда хозяин умер, наследников не нашлось, всё было в доме так, как будто люди просто вышли. Но с годами он принял очень запущенный вид. Никто не хотел рыться в этих руинах и горах брошенных старых

вещей. Никто, кроме ингушей, у которых в крови умение обустраивать пространство возле себя. Это предложение увидел старший сын Ибрагим. И они всей семьей засучили рукава.

Боковы к дому-памятнику относятся с большим почтением. Вещи, которые были свалены в коробках и кладовках, не выбросили. Решили, что «они больше нашего имеют право здесь находиться и жить». Отмыли, почистили, отреставрировали и нашли место старинным креслам, межкомнатным дверям, посуде, чашкам, бокалам, костюмам, рамкам для картин и фото, оставшимся от прежнего хозяина....

А потом стали поддерживать этот стиль, кое-что покупать на блошиных рынках. Мне очень понравился вид из окна в большой комнате в гостиной: небольшой квадратный дворик, как колодец. Соседние дома смотрят окна в окна. На веревках сушится белье – это напомнило грузинские дворы. Мило, очаровательно, аккуратно. Греют душу цветы на окнах и неспешные закаты. Из таких домов не хочется спешить уйти. Тут понимаешь, почему счастье любит тишину.

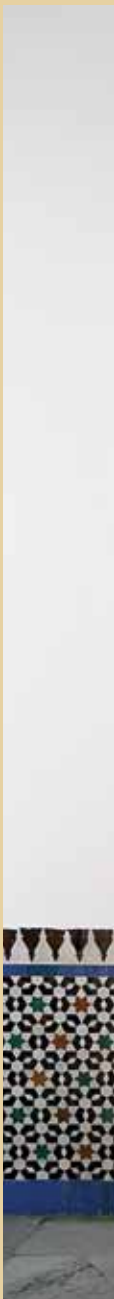
А позже Иса и Зейнеп довезли нас до Страсбурга, откуда у нас были билеты на экспресс до Парижа. Проводили до самого вокзала, хотя их ждал неблизкий путь домой.

Эти два дня подарили нам массу впечатлений, широкую палитру эмоций. Несомненно, у каждой ингушской семьи, оказавшейся за пределами России, был свой, особенный путь. Но такие люди, как Иса и Зейнеп, помогают им не терять связь со своей исторической родиной. Помогают оставаться ингушами даже десятилетия спустя после разлуки с родным краем.

Великая парижская мечеть

Grande Mosquée de Paris

Без оглядки на географию

ИСЕ И ЗЕЙНЕП БОКОВЫМ МЫ ОБЯЗАНЫ ВСТРЕЧЕЙ С ЕЩЕ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ ИНГУШСКОЙ СЕМЬЕЙ. НЕДАЛЕКО ОТ СТРАСБУРГА, В ГОРОДКЕ САВЕРН, ЖИВУТ **СУЛЕЙМАН И ФАТИМА ДОЛГИЕВЫ** И ИХ ПЯТЕРО ДЕТЕЙ – ЧЕТЫРЕ ДОЧЕРИ И СЫН

К сожалению, у нас были очень жесткие временные рамки, и на то, чтобы познакомиться с ними ближе, времени, конечно, недоставало. Но его хватило, чтобы познакомиться и влюбиться в эту, казалось бы, очень обычную ингушскую семью.

История эмиграции Долгиевых во многом типична. Когда стали рождаться дети, Сулейман четко осознал, что нет у него, как у главы семьи, ни перспектив, ни возможностей дать им хорошее образование, обеспечить безбедное будущее в родной Ингушетии. И он уехал в Москву, где, выбиваясь из сил, пытался где только возможно честно заработать на достойную жизнь семье. Но мечты о достатке рушила реальность: стоимость аренды жилья в столице оставалась немилосердной, да и размеры других платежей зашкаливали.

CHALLENGE
ROMAIN LEMMEL
2019

И тогда они решили уехать из России. Кстати, я после рождения внука тоже очень остро осознала почти полное отсутствие в родной стране даже основополагающих перспектив для молодежи. Увы, но это так... Вот и Долгиевы перебрались во Францию. Как оказалось, здесь мечты о подобающем образе жизни реализовать легче.

Они живут не во дворце и не в роскошных апартаментах, но по тому, как просто и комфортно обустроено всё в их квартире, понятно, что здесь не только наличествует всё самое необходимое для домочадцев, но и атмосфера – самая душевная.

В комнатах детей – опрятно и без излишеств: письменный стол, книжный шкаф, кровати и оргтехника. Украшениями стали награды детей: медали и дипломы, публикации в СМИ – свидетельства их достижений в учебе и спорте. Трое детей увлечены дзюдо, причем каждый добился в этом виде спорта значительного успеха.

CHALLENGE
ROMAIN LEMMEL
2019

Ислам – дзюдоист, обладатель черного пояса, успешно выступает за спортивный клуб города Саверн «JudoClubSaverne – NeWaza – JJB» на различных региональных и национальных турнирах по дзюдо и по бразильскому джиу-джитсу во Франции. Им может гордиться и вся Франция, и, конечно же, Ингушетия. Он уже имеет статус судьи, что не только почетно, но и неплохо оплачивается. Парень имеет возможность выезжать на международные турниры и помогать семье. Спорт успешно совмещает с учебой. В Страсбургском университете Ислам выбрал специализацию «инженерное дело».

Его старшая сестра, 19-летняя Амина, также имеет черный пояс по дзюдо и награды, полученные на турнирах различного уровня во Франции. В компании сильнейших и вторая сестра –

Ислана. Она уже сдала нормативы на черный пояс.

Я смотрю на этих красивых девушек, очень женственных и романтичных, и, если бы не знала, кто они по национальности, то ни за что бы не поверила, что такие могут за себя постоять. Но они –

«...Мы воспитаны в духе ингушских традиций и умеем конторлировать свои чувства, что неположенно то неположенно, мы даже не покажем что у нас есть какие то чувства»

ингушки, и это многое объясняет. Тем более что растут они в совершенно ингушском доме, пусть расположен он во французской провинции. Первое, что с гордостью показал их отец, – это книга о его предке. Сулейман говорит, что самая большая гордость их семьи – причастность к этому герою. Здесь память о предках хранят как святыню и строго соблюдают ингушскую аутентичность.

Я задала девочкам вопрос, есть ли у них «симпатии» (ведь возраст у обеих самый подходящий для первой влюбленности). И та и другая отрицательно покачали головой. Тогда я спросила, о каком избраннике мечтают, – и старшая призналась, что хотела бы познакомиться с ингушом, но воспитанным именно в Европе.

Я продолжила «пытку»:

– А если возникнет взаимное чувство с французом – не ингушом, но очень достойным человеком? Как быть?

– Мы воспитаны в духе ингушских традиций и умеем контролировать свои чувства. Что не положено – то не положено, мы даже не покажем, что у нас есть какие-то чувства...

Это, напомню, обычный ингушский дом. И география, территориальное расположение тут роли не играют. Сколько в мыслях и поступках его обитателей, в их простоте достоинства, чистоты, искренности, духовной гар-

монии и душевного равновесия! Общечеловеческие ценности и представления о долге, чести, порядочности для них никогда не утратят актуальности. Они были и остаются ингушами до мозга костей.

А во всём остальном родители поддерживают детей и дорожат их успехами. Да и сама обстановка – крайне непринужденная и легкая. В этом немалая заслуга хозяйки. Фатима накрыла стол так, будто намечается многочасовое застолье, а не обещанное рядовое чаепитие. Успела и немного рассказать о себе.

Она родилась и выросла в Магаданской области. Потом жила с родителями в Москве. Даже подруги-ингушки шутят над Фатимой: «Ты не ингушка, ты русская!» У нее и правда славянские черты лица. Добрая, открытая, необыкновенно привлекательная! Я выразила свое восхищение Сулейману: красавчик, сумел выбрать в жены лучшую! Он улыбнулся и признался, что искал, прежде всего, хорошую мать для своих будущих детей.

Они очень подходят друг другу и внешне, и по энергетике, и по взглядам на жизнь. Две совпавшие половинки. Будьте здоровы и благополучны, Сулейман и Фатима – счастливые родители замечательных детей!

Золотая чаша благородства

**Одни, как птицы, с легкостью летают,
Другим мечтою кажется полет,
Но человек так часто забывает,
Что каждый сам себе готовит взлет.**

Хамзат Беков

...Когда он появился на открытой веранде отеля Holiday Inn Paris Notre Dame в Париже, все, кто был поблизости, обратили на него внимание, проводили глазами. Легкий, стройный, с теплым взглядом, ослепительной улыбкой, в безупречно сидящем костюме лавандового оттенка... Я подумала: ах, какая же все-таки ингушская молодежь великолепная! – и когда потом выяснилось, что ему 46 лет, заподозрила, что здесь не обошлось без сверхъестественной силы... Хамзат Беков – врач, который занимается антивозрастной медициной, – ходячая реклама своих методов, вечной юности и обаяния. Более того, после встречи с ним я и сама словно помолодела, и зеркало подтвердило: точно! Может быть, это потому, что у него удивительная манера общения: он обходится с собеседником так, словно тот – самая большая ценность в его жизни...

Впрочем, его знают не только как доктора. Бестселлером во Франции стала его книга «Путь одного ингуша», многим известны его стихи и научные работы, которые недавно увидели свет. Медицина и литература часто идут рука об руку: Чехов, Булгаков, Вересаев... И Хамзат Беков.

**Воистину духом силен человек,
Когда проживает не зря свой век,
Когда не грустит от вчерашних потерь,
Не ждет чуда завтра, но счастлив теперь.**

Хамзат Беков

ОТ РОДОВЫХ БАШЕН ДО КРЫШ МОНМАРТРА

В его семье Францию любили поколениями. В детстве он крутил ручку настройки радиолы, чтобы поймать французскую волну и слушать волшебные голоса Эдит Пиаф, Джо Дассена, Мирей Матье, Мари Лафоре, Жиля Беко… Отец, влюбленный во французскую культуру, часто рассказывал о ней сыну, книгу Экзюпери «Маленький принц» подарил, когда мальчику было десять лет.

Султан Исраилович Беков, которого в народе знают как Бабули, – очень благородный, невероятно щедрый, достойный, мужественный человек. Хамзат родился в Назрани, но род Бековых берет начало из Таргима – колыбели ингушей. «Мы таргимовцы, как и Мальсаговы, как и Евлоевы, как и остальные эзди (в переводе с ингушского – достойные, высокодуховные. – Авт.) тейпы, – с гордостью рассказывает Хамзат. – Когда таргимовцы начали переселяться на равнину, наше поколение, род моих прадедов, переселилось в село Экажево. После депортации в 1957 году вернулись уже в Назрань. Много чего потеряли мои родители. Они относились к знатным семьям, некоторые жилищные комплексы, которые принадлежали их отцам, остались во Владикавказе, и они не смогли их вернуть».

Французская тема не отпускала его и в школьные годы. Очень хотел выучить язык, но не получалось – не было учителей. Читал классиков, погружаясь в Бальзака и Гюго, мысленно видел Нотр-Дам и Елисейские поля. Вот оттуда, из тех еще лет, у ингушского парня парижская грусть… Только учась в медицинском университете в Ростове, Хамзат смог записаться во французскую языковую группу. Не без труда – ведь групп для начинающих не было, а он не обладал даже азами знаний. Но интенсивные занятия и огромное желание привели к успеху. И еще учительница – Надежда Сергеевна Зелькова. Именно она рекомендовала учить язык непосредственно в стране его носителей.

Это был 1991 год, Хамзат потерял отца, тяжело переживал, но занятия не бросил. Услышал, что в Москве есть культурный центр в посольстве Франции, который помогает студентам поехать за границу, но для этого нужно иметь определенный уровень знания языка. К тому же, как оказалось, предложение действительно только для студентов московских вузов. Появилась новая цель – перевестись в Москву. Он сделал это и, взяв на пятом курсе академический отпуск, приехал в Ниццу на первую стажировку по языковой практике.

Вскоре он получил диплом университетского уровня в Каннах, что позволило пройти международный междисциплинарный конкурс, который организует культурный отдел посольства Франции. Было 900 кандидатов на четыре места. Он оказался в числе немногих победителей. В 1998 году, закончив институт с красным дипломом, приехал в Париж, где его ждал уже французский национальный конкурс. Снова успех, ординатура. С 1999 года он работает в Париже.

По Сене. Париж, 4 июля 2019 г. День рождения Лемы Нальгиевой.

Счастливчик? Да нет. Везет тому, кто везет, кто четко знает свою цель и идет к ней, невзирая ни на что. «Чтобы что-то обрести, нужно обязательно что-то потерять, – признается Хамзат. – Например, жизнь рядом с близкими. Вы знаете, какое у нас отношение к семье, к родным… А у нас ведь огромная семья: 11 детей – семь сестер, четверо братьев. Я десятый по счету. Конечно, было тяжело, пришлось от многого отказаться».

Цельсь в луну,
гласит одно поверье,
При промахе же
в звезды попадешь.
И не теряй к себе
свое доверье,
Иначе ты в сомненьях
проживешь.

Хамзат Беков

СТАРОСТЬ – ЭТО ПРОСТО УСТАЛОСТЬ

Жизнь его в медицине необыкновенно разнообразна и насыщенна. Проходил ординатуру во французских университетских клинических центрах, десять лет работал там. Одновременно преподавал, имел обширную практику: на полставки в отделении внутренних болезней, на полставки в поликлинике. Когда пошла волна эмигрантов из Чечни и Ингушетии, в его отделении оказались многие из соотечественников. У каждого своя тяжелая история, но неизменным в них было одно – горячая благодарность доктору за то, что именно он встретился на жизненном пути, и путь этот продлился.

Затем он три года занимался частной практикой, потом стал экспертом международной компании, помог 56 медицинским учреждениям Франции привести уровень ведения пациента под европейский стандарт, организовать экономику здоровья, показал, как вести пациентов с различными патологиями.

Несколько лет назад вернулся в частную медицину, теперь у него свой кабинет недалеко от Эйфелевой башни и международная клиентура – от Швейцарии до Ливана. Пациенты из разных стран мира приезжают к нему как к специалисту по противовозрастной медицине. Секретов в ней много, люди платят огромные деньги, чтобы попасть на его консультацию. Хамзат уверен, что если соблюдать всю программу противовозрастной медицины, время жизни человека может составить 150 лет!

За этим поражающим воображение заявлением – годы теоретических изысканий, множество научных работ. Он ведь в двух шагах от Нобелевской премии был! В работе «Теломеры и противовозрастная медицина» исследовал теорию старения, связанную с теломерами – концевыми участками хромосом. Когда теломеры сокращаются, мы начинаем стареть. Это одна из причин старения, возможно – основная. Его первая научная работа по механизмам старения вышла в научном журнале в 2005 году, в ней говорилось именно о теломерах. На дальнейшие исследования не хватило ни бюджета, ни поддержки коллег, ведь крупные открытия – результат серьезного коллективного труда, одного гениального озарения мало. А буквально через четыре года Элизабет Блэкберн из США получила Нобелевскую премию по физиологии и медицине именно за работу, связанную с теломерами…

Так как же все-таки удлинить эти хитрые теломеры и не дать себе стареть? Работают очень многие факторы – образ жизни, питание, экология. Но один из главных – интерес к жизни.

– Если есть страстное чувство к жизни, если человек занимается, например, творчеством, то и в 80 лет он не будет старым, – убеждает меня Хамзат. – Если взять моего 46-летнего ровесника, ингуша из села, и сравнить его теломеры с моими – мои будут намного длиннее. Потому что я соблюдаю 80 процентов всего, что я должен соблюдать, чтобы сохранить свою молодость.

Это всего лишь один из секретов юности, но очень важный. Не случайно же сам Хамзат и танцами занимался, и музыкой – как композитор, и литературой… А вот о литературе надо рассказать подробнее.

ПУТЬ ОДНОГО ИНГУША

«Путь одного ингуша» – название книги Хамзата Бекова, написанной им на французском языке и ставшей бестселлером во Франции в 2010 году. «Здесь я открыл свою душу, свои чувства, свои эмоции, – признается Хамзат. – Мне хотелось рассказать европейскому читателю о том, что на Кавказе есть чувствительные и одновременно сильные люди».

Открой окно и посмотри на небо –
Бог нам с тобою чудо даровал.
Садясь пред ним сегодня на колени,
Благодари за всё, что ты познал.

Хамзат Беков

Из 44 глав сорок сопровождаются стихотворными строками. Первая глава, основанная на символах, называется «Пятимат», она посвящена матери автора. Маму ведь зовут Фатима, или Пятимат. В книге рассказано, как отец украл маму. Это был очень красивый обычай, считает Хамзат. Это же не буквальное похищение человека, а просто старинный предсвадебный ритуал по согласию двух влюбленных. Например, если девушка узнает, что родители парня против нее, то ничего другого не остается, кроме кражи: чтобы показать, что она уважает его родителей и отказалась из уважения к ним.

– Сегодня я думаю, что запрет на похищение – это предательство исконных ингушских традиций, – говорит Хамзат. – Потому что ни один мужчина, ни один брат, ни один отец не оставит свою сестру или дочь «в плену», если она не согласна.

Вот и в книге представлены времена депортации, когда отец «крадет» маму. Итог – несостоявшаяся война между двумя родами, когда мать, во имя чести мужчины, соглашается остаться с отцом.

Есть в книге и тяжелые страницы, посвященные осетино-ингушским конфликтам, времени страданий и потерь. Впрочем, не будем заниматься спойлерами: не исключено, что когда-нибудь книга выйдет на ингушском и русском языках. Киноверсия тоже возможна.

– Мой отец говорил: «Не ходите с Кораном в церковь». Я не понимал, о чём это. А это о том, что не надо навязывать свою культуру чужим. Но он же говорил: «Подойди к тому, кто не похож на тебя, он научит тебя новому, а ты поделишься своим». И вот когда люди воспринимают новое, они растут, как растут дети, остаются молодыми душой и телом, – резюмирует Хамзат, и я не знаю, то ли литератор в нём так красиво сформулировал эту фразу, то ли доктор поставил точный диагноз. Впрочем, мы уже говорили, что медицина и литература зачастую оказываются сестрами...

ГРОЗДЬЯ ГНЕВА И ЛЮБВИ

Семейная реликвия рода Бековых – золотая чаша, из которой предки пили львиное молоко. Она передается из поколения в поколение и сейчас хранится в Москве, у Хамзата Бекова – дяди и тезки моего собеседника, любимого брата его отца. По преданию, когда какой-нибудь Беков делает нечто недостойное, отверстие на чаше увеличивается. Бековых с детства воспитывают на этом символе, говоря о чести рода и о том, что золотую чашу надо сохранить.

«Твой позор – это позор твоей семьи, позор твоей семьи – это позор твоего народа» – эти слова отца с малолетства памятны Хамзату, и он чувствует свою ответственность – ведь именно по знакомству лично с ним многие европейцы составляют свое представление о том, каковы они, ингуши. Сегодня его сердце переполняется болью от того, что происходит на его родине, и одновременно – гордостью за свой народ. Речь идет о печально известном соглашении относительно границ Ингушетии с Чечней.

Тейповая реликвия. Золотая чаша Бековых.

Как противны мне эти лизоблюды, ханжи,
В их речах противных столько мерзости, лжи!
Приглядись же в глаза тем, кто свято поет,
И увидишь нередко, чем их сердце живет.

Хамзат Беков

– Я ждал, что все публичные люди выйдут и выскажут свое мнение, когда произошли земельные события, – волнуясь, говорит Хамзат. – Мне сегодня больно смотреть, как борются ингушские активисты. Я очень хотел, но не мог приехать: у меня более ста пациентов в неделю приезжают со всего мира, прием нельзя не отложить. Но я записал видеообращение. Очень хотел приехать, стоять на том же митинге, поддерживать свой народ. Это ведь был демократичный, очень красиво сделанный шаг народа, это была не оппозиция, а был голос народа!

Мысленно он ставит себя на место правителя: как бы он в этой ситуации повел себя? Понятно, рассуждает Хамзат, он не решает, это приказ сверху, но ведь тогда случилось самое время показать, кто ты есть – сын своего народа или враг ему. И если бы Евкуров остался верен своей малой родине, ингуши, добродушный народ, всё бы простили ему, все прежние прегрешения...

– А сегодня всё сделанное им уже отразится на семи его поколениях. Если бы они согласовали с народом, можно было бы найти какой-то компромисс, сделали бы пограничную зону, – продолжает Хамзат. – Ингуши и чеченцы – это два братских народа. У меня есть близкие друзья чеченцы, ни один из них не чувствует себя хорошо в этой ситуации. Они говорят, что они с нами, что это политический трюк. Нам, говорят они, эти метры, эти километры не нужны. Народу это не нужно. Можно было найти компромисс...

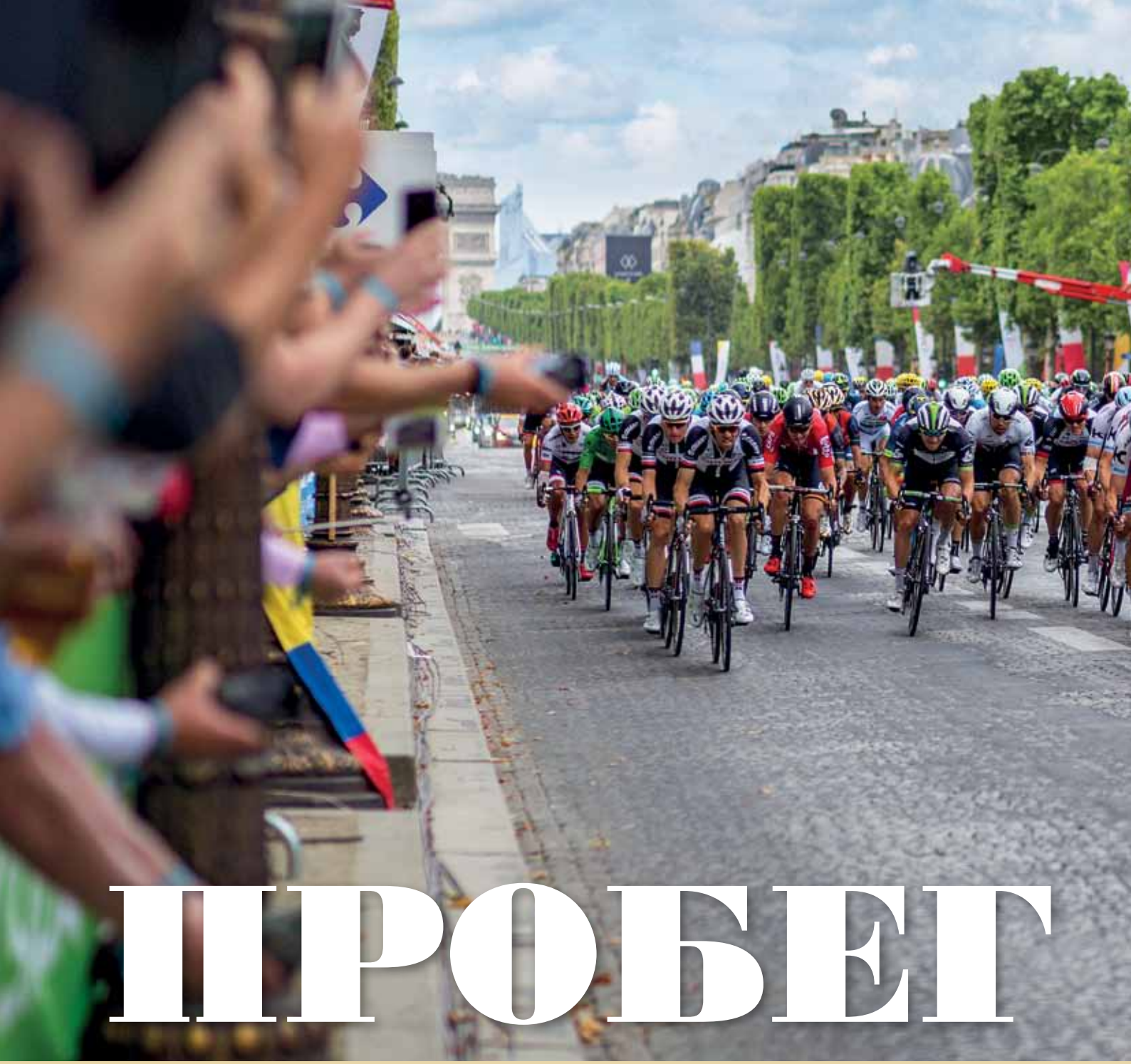
С племянницей Лемой Нальгиевой.

Холодный ум твердит ему, что даже если он приедет сейчас в Ингушетию, не сможет ничего изменить. Но и от чувства вины никуда не уйти: на родной земле – беда, а он вдали... А тут еще и мама говорит: «Будь ты сейчас в Ингушетии, тебя бы уже и не было». Вот и болит душа, и никакими современными медицинскими технологиями ее не вылечить.

Напоследок Хамзат сказал мне очень дорогие слова, которые я приведу здесь, заранее отметая все упреки в нескромности: «Я не знал вашего имени, я знал, что есть такой журнал – “Наши лица”, потому что мой зять рассказывает мне о вашем журнале. И мама сказала мне: поезжай, обними ее за меня... Мы вас все очень любим, спасибо вам за щедрость, потому что наш народ многострадальный, но мы очень гордые, мы никогда не любили опускать голову перед людьми, плакать. И вы с такой благородностью, с такой щедростью, с такой душой сегодня говорите о нашем народе! Каждый из нас сегодня обязан отдать эту дань чести вам и всему тому, что вы делаете. Спасибо вам большое. Знайте, что вы обрели здесь не только знакомого ингуша, но и друга, брата, человека, на которого можете положиться».

Спасибо, Хамзат, от всего сердца – спасибо.

ПРОБЕГ с препят-ствиями

«ТУР ДЕ ФРАНС» – САМАЯ ИЗВЕСТНАЯ И ПРЕСТИЖНАЯ ВЕЛОСИПЕДНАЯ ГОНКА МИРА, КОТОРАЯ УЖЕ БОЛЕЕ СТА ЛЕТ ПРОВОДИТСЯ ВО ФРАНЦИИ. ЕЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ – «БОЛЬШАЯ ПЕТЛЯ». TOUR DE FRANCE – КРУПНЕЙШЕЕ ПО ЧИСЛУ ЗРИТЕЛЕЙ СПОРТИВНОЕ СОБЫТИЕ В МИРЕ

Мы с фотографом «НАШИХ ЛИЦ» Ксенией Рыжовой оказались в Париже в день финала гонки. Наверное, для нас, как журналистов, это был знак, ведь изначально «Большая петля» – газетный проект!

Велогонка «Тур де Франс» была задумана и учреждена как рекламный ход газеты L'Auto (предок нынешнего L'Équipe) ее редактором и соучредителем Анри Дегранжем. Тур, стартовавший в 1903 году, был призван конкурировать с велогонками Париж – Брест – Париж (спонсор – газета Le Petit Journal) и Бордо – Париж. Успех гонки Le Tour de France стал большим успехом и для газеты L'Auto, число подписчиков которой выросло в 1903 году с 25 тысяч (до Тура) до 65 тысяч. В 1908 году число подписчиков газеты перевалило за 250 тысяч, а во время проведения «Тур де Франс» в 1923 году каждый день продавалось по 500 тысяч экземпляров газеты. Рекордный тираж был достигнут во время «Тур де Франс» 1933 года – 854 тысячи экземпляров в день. Тур проходит во Франции и близлежащем зарубежье ежегодно в июле в течение трех недель. Только во время Первой и Второй мировых войн велогонка была отменена. Проводит ее фирма Amaury Sport Organisation (ASO), она же – организатор ралли «Дакар».

«Как только гость появляется на пороге ингушского дома, он у себя дома»

В 2019 году Тур проводился уже в 106-й раз. Завершение многодневной велогонки традиционно проходило на Елисейских полях в последнее воскресенье июля – то есть как раз 28-го. Мы оказались в эпицентре главного спортивного события года.

Но мы во Франции – совершеннейшие новички и не сразу осознали масштаб мероприятия, которое мощно вмешалось в наши планы. Ведь именно на этот вечер, и ни на какой другой, нам назначила встречу у себя дома Марет Цароева – первая ингушка, защитившая докторскую диссертацию во Франции, сотрудница Национальной библиотеки имени Франсуа Миттерана.

Фотограф «НАШИХ ЛИЦ» Ксения Рыжова готова была разрыдаться, ведь сделать фото с такого события – мечта каждого фотографа. Но встреча с Марет Цароевой для нас стояла на первом месте.

Уже в шесть часов вечера город был перекрыт полностью, тротуары по маршруту движения участников пробега заполнили толпы зрителей. Мы постарались вызвать такси, как нам казалось, заранее, но... Время пути от нашего отеля в центре Парижа до дома Марет, по показаниям навигатора, – 11 минут даже в случае пробок. Но такси не было. Никто не принимал заказ ни у нас, ни у администраторов на ресепшн. Потом мы поняли, что просто не смогли бы проехать по наглухо перекрытым улицам...

Мы выскочили из отеля и попытались найти место, где есть хоть какое-то движение транспорта. Наконец один таксист согласился попробовать нас довезти. Теперь уже я понимаю, что если бы мы пошли пешком, то добрались бы быстрее, но тогда – по парижской жаре, с журналами и еще какими-то знаками внимания для Марет – мне показалось это немыслимым. Таксист, проявив чудеса знания города, вез нас по только ему известным улочкам и дворам. Я с ужасом понимала, что катастрофически опаздываю, а ведь всегда считала, что это не просто непрофессионально, а чудовищно – нельзя пожирать время у других людей...

К нужному дому мы подъехали только через два с половиной часа.

Марет сказала: «Как только гость появляется на пороге ингушского дома, он у себя дома».

И неожиданно получилось так, что в роли интервьюируемой оказалась не Марет, а я сама! Ей было достаточно задать вопрос: «Как вы пришли к вашему проекту?», внимательно посмотреть на меня своими темными улыбающимися глазами, и меня словно загипнотизировали. Я начала рассказывать всё с самого начала: о восьмистраничном репортаже «Моя Ингушетия», 11 лет назад вышедшем в международном ежемесячнике «Совершенно секретно», о том, как встречалась с потомками полных георгиевских кавалеров, когда готовился выпуск про ингушский полк Дикой дивизии к столетию Первой мировой, о мистических событиях, которые происходили с творческой группой в момент подготовки выпуска «По заветам шейхов», и о многом другом...

Конечно же, мы успели поговорить и на другие темы – об общих знакомых, о происходящем в Ингушетии. Я поняла, что Марет, как ученый, – над политическими схватками, хотя всё происходящее на родине ее очень волнует. Например, о Евкурове, который всегда стремился приблизить к себе и перетянуть на свою сторону таких людей, как Цароева, она сказала так: «Воин, преданный России, и это достойно уважения, но Ингушетия – не армия. Он верный своему подразделению (ГРУ. – Авт.) воин. Я знаю, что он дольше не смог бы руководить ингушами. Он не любит ингушей и честно сказал мне об этом, когда мы встречались. Сказал, что они неблагодарные. А за что благодарить?»

Высказалась Марет и об отношении к праву ингушей жить на своей земле: «Понимаю, почему так ведет себя государство. Это геополитика. Эту территорию ингушам не отдадут. Там граница с Грузией. Грузины нам как братья, но страна сотрудничает с НАТО. И на границе должны проживать люди лояльные, а по мнению нашего руководства – это осетины... Видела первый митинг в Магасе. Хочу об этом написать. Хотя я простой исследователь. Политика – не моя стезя».

В конце нашего разговора моя собеседница посоветовала мне проверить ДНК на наличие ингушской крови, потому что я слишком хорошо понимаю ингушей, сострадаю им. Признаюсь, не впервые меня принимают за ингушку...

Наше общение было достаточно долгим, материал по его мотивам был написан – но, к сожалению, Марет не дала согласия на его публикацию. В своем письме она так мотивировала свой отказ: «Ваш приход в мою скромную обитель в Париже стал для меня одним из самых приятных и ярких моментов моей жизни во Франции. С первых минут нашего знакомства от вас повеяло таким обаянием, что вы стали для меня просто родной. Я говорила с вами не как с журналисткой, а как с близким человеком, с другом, и не для печати. Поэтому хотела бы, чтобы однажды жизнь снова свела нас и я по-настоящему рассказала бы вам о себе, а вы – о себе. Я собираюсь начать писать мемуары, в которых вам будут отведены свои страницы. Эта же статья, хоть она и написана прекрасным языком, не совсем соответствует тому, что я хотела бы читать о своей жизни».

Что ж, будем ждать мемуаров. А в тот вечер, уйдя от Марет, мы не стали сразу брать такси, а долго гуляли по ночному Парижу, осмысливая впечатления этого странного, противоречивого, но такого яркого, полного разных эмоций дня. Париж на Елисейских полях чествовал победителей гонки, а мы думали о том, что всё в этой жизни неслучайно. Наверное, и мы не случайно соприкоснулись, хоть и по касательной, с ярчайшим событием Франции, по накалу страстей сравнимым, пожалуй, с 14 июля – Днем взятия Бастилии...

Бурка под ногами

«НАША ЖАННА Д'АРК» – ТАК МНОГИЕ НАЗЫВАЮТ НА РОДИНЕ ЭТУ ЖЕНЩИНУ, ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ СТАВШУЮ ЛЕГЕНДАРНОЙ. **ПАРА ПАРЧИЕВА.** ЕЕ ЗНАМЕНИТЫЕ СЛОВА ПРО БУРКУ, С КОТОРОЙ НЕ СОЙДУТ ИНГУШИ, ПОКА ЖИВ ХОТЬ ОДИН ИЗ НИХ, ПРОЗВУЧАЛИ НА ВЕСЬ МИР, СТАЛИ АФОРИЗМОМ

Президент Ингушетии Мурат Зязиков говорил о ней, что даже в зарубежье она остается бОльшим патриотом, чем многие из живущих в Ингушетии.

Пара Парчиева – лингвист, доктор филологии, профессор Сорбонны, кавалер французского ордена Академических пальм III степени (эта награда учреждена при Наполеоне I и вручается за достижения в сфере науки и образования). Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия. Женщина с горячим сердцем, пламя которого не остывает с годами.

ТАМ, ГДЕ НАРОД

Мы писали о ней в самом первом выпуске «НАШИХ ЛИЦ», вышедшем к 20-летию Республики Ингушетия. В разделе «Народный Совет» были представлены те, кто стоял у истоков ингушской государственности. Ведь тогда ингуши во главе со своими лидерами совершили гражданский подвиг: создали республику, восстановили государственность – единственные из всех репрессированных народов. И, конечно, люди, которые были в авангарде этих процессов, – личности неординарные, достойные любого почета и безмерного уважения.

Когда вся Ингушетия вышла на митинг после кулуарно подписанного Евкуровым и Кадыровым соглашения о границах она прилетела на митинг и выступала там

Пара Парчиева – обладатель острого, глубокого ума, человек с обостренным чувством справедливости и даром предвидения – как политического, так и профессионального. Ей дано видеть истинную суть вещей, явлений в их вероятном развитии. В лингвистической науке она опередила коллег на целую жизнь – ее идеи, сформулированные десятилетия назад, только сегодня находят признание и последователей. В политике она не раз предвосхищала поступки оппонентов, удивляя этим многоопытных мужчин.

Она принимала активное участие в работе 2-го съезда ингушского народа, выступила с докладом «О национальной кадровой политике в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии». Многим запомнилось то содержательное, интересное выступление Парчиевой в сентябре 1989 года. А потом было выступление на съезде, который состоялся сразу после назначения Евкурова на пост главы Республики Ингушетия в январе 2008 года. Когда Евкуров «продавил» закон, закрепляющий границы с Северной Осетией, она напомнила об исконном ингушском обычае, описанном в романе Д. Ле Карре «Наша игра», когда главный герой, окруженный врагами, бросил на землю снятую с себя бурку и сказал: «Я с этой бурки не сойду!»

Если ингуши сражались и попадали в трудную ситуацию, они скидывали с себя бурку, бросали ее на землю и клялись, что с этой бурки не сойдут. На том «евкуровском» съезде Пара Парчиева сказала, что земля, которая испокон веков была ингушской, – это бурка, с которой ингуши не сойдут, пока жив хоть один ингуш.

С тех пор эта ингушская бурка, подобно шагреневой коже, неумолимо сокращается – но Пара Парчиева не из тех, кто живет, под собою не чуя земли.

Ей уже за 80. Но когда вся Ингушетия вышла на митинг после кулуарно подписанного Евкуровым и Кадыровым соглашения о границах между Ингушетией и Чечней, по которому значительная часть ингушской территории отошла Чечне, она прилетела на митинг и выступала там как всегда горячо, убедительно, аргументированно, патриотично. Я это видела лично, мы были с ней на митинге в один день. Видела уважение, с которым к ней относятся все, от мала до велика. Она – человек, который с полным правом может повторить ахматовские слова: «Я была тогда с моим народом». Собственно, это она и сказала тогда, в самые горячие дни, в одном из интервью: «Для меня это ужас и трагедия для народа, эта трагедия меня погнала сюда срочно, вот и всё. Я должна быть сейчас с народом!» Всегда была и есть – с ним, душой и сердцем.

Она могла стать незаурядным политиком или руководителем любого ранга, но посвятила себя науке. Работала старшим преподавателем, а затем пять лет заведовала кафедрой французского языка факультета романо-германской филологии ЧИГУ им. Л.Н. Толстого. В начале 90-х годов уехала во Францию для сбора материала для докторской диссертации. Внесла большой

Dictionnaire des
Peuples
Sociétés d'Afrique, d'Amérique, d'Asie et d'Océanie
Sous la direction de
JEAN-CHRISTOPHE TAMISIER
ГIАЛГIАЙ РЕСПУБЛИКА ПРЕЗИДЕНТ
ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ
УКАЗ
О присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия» Парчиевой П.Р.
За заслуги в области науки и многолетний добросовестный труд присвоить почетное звание
«Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия»
Парчиевой Паре Ражаповне.
Президент Республики Ингушетия
М. Зязиков
г. Магас
«24» июля 2006 года
№ 187
Madame Para Partchieva
5 square d'Anjou
91330 Yerres
Jean-Michel BLANQUER
RÉPUBLIQUE FRANÇAISE
MINISTÈRE DE L'ÉDUCATION NATIONALE ET DE LA JEUNESSE
PALMES ACADÉMIQUES
Le Premier ministre,
a nommé Chevalier dans l'Ordre des Palmes académiques
Madame Para Partchieva
Yerres
POUR SERVICES RENDUS A LA CULTURE FRANÇAISE
Jean Jacques LADVIE
Jean-Michel BLANQUER

вклад в популяризацию ингушской культуры во Франции. Написала книгу на французском языке «Поговорим по-ингушски, поговорим по-чеченски», несколько статей для энциклопедии современного французского языка, ввела в европейский оборот такие понятия, как «ингуши», «Ингушетия», «Назрань», «Магас». Перевела на французский язык книгу Мурата Зязикова «Традиционная культура ингушей: история и современность». Главным мерилом ее жизни были и остаются порядочность и честность.

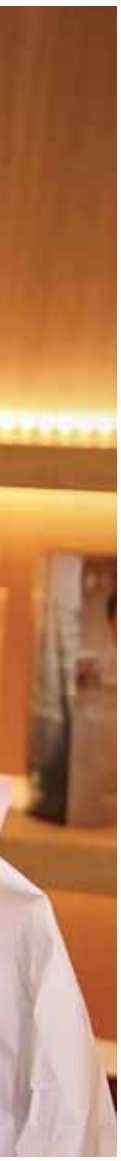
К сожалению, о ней не пишут книги, не снимают документальные фильмы. А надо бы. Я надеюсь, что этой публикацией мы хотя бы отчасти восполним пробел, со всем возможным уважением рассказав о человеке, у которого есть самое главное: народная любовь.

ТРУДНАЯ ДОРОГА К ЗНАНИЯМ

При личной встрече с ней, всемирно известным ученым, меня просто пронзило одно ее детское воспоминание. Если бы не случилось вовремя на ее пути доброго человека – не было бы, возможно, и ее такой яркой судьбы в науке....

Вот что рассказала Пара Ражаповна:

«В Казахстане, в депортации, я вообще не училась первые четыре класса. Отец был работяга, большой, здоровый, я помню, как он валенки ночью месил, чтобы семью прокормить, кожи делал всякие. Нас пять девочек было, это плохо для мужчины, они же больше мальчиков любят. Единственный его сын на два года старше меня, после меня еще одна была девочка. После сына, они думали, пойдут мальчики, а я возьми и девочкой родись.

Отец был очень добрый, я помню его больше матери. Чтобы он просто повысил голос на нас, я такого не помню. Кушать если нечего, он нас посадит, сказки расскажет – и есть уже меньше хочется. Для меня он был примером, не столько мама, сколько он.

Его уважали. Каждую субботу мужчины соберутся, к папе приходят – они любили встречаться: “Ну, что нового, домой не едем?” Эта фраза о возвращении на Кавказ звучала каждую неделю, когда собирались.

Но он считал, что мне, девочке, образование не нужно. Я и не училась.

Мы жили около школы. Это была семилетняя школа имени Горького в Кзыл-Орде, там простыми учителями работали ссыльные профессора, доценты. И вот я сижу рядом с глиняной горкой, мы в хлопушки из глины играем. Идут учителя. Дети бегут навстречу учительнице, и кто первый прибежит – забирает у нее портфель. Нести его – честь. Я на это посмотрела, и когда они дошли до меня, я пристраиваюсь и вместе с ними бегу к учительнице, прибегаю первая и выхватываю у нее портфель. Она меня погладила по голове. Идет, сумку у меня не отбирает, дошли до школы. Она говорит: заходи в класс, сиди спокойно, мы после школы пойдем к твоим родителям. Пошли к отцу, она стала просить – пустите девочку в школу, а он ни в какую.

И всё же она его уговорила. Он потом сказал матери – ладно, пусть научится письма писать, а то мы разбросаны по всему Казахстану, а письмо написать некому.

И вот Нина Васильевна (ее, как жену расстрелянного профессора, сослали в Казахстан) после уроков оставалась, алфавит со мной учила. Мне уже было десять лет, а я была неграмотная. За год меня подготовила – прошли программу четырех классов начальной школы.

Видимо, директору обо всём рассказала, они же все там были очень гуманные люди. Нужно было решить, переводить ли меня в пятый класс. Пришла директриса к нам на урок, а Нина Васильевна выставляет меня “на показ”, вызывает к доске отвечать заданное на дом стихотворение Лебедева-Кумача “Советская Отчизна”. Там такая строчка: “Сыновья твои с горящих самолетов бросались с облаков”. Это про подвиг Гастелло. Я отчеканила стихотворение. А меня спрашивают: “А какого капитана ты знаешь, который свой горящий самолет направил на немецкие цистерны?” Естественно, я ничего не знаю. Но в это время в городе шел фильм “Дети капитана Гранта”. Я никогда не была в кино, но мой брат, который видел фильм, всё время пел песню “Капитан, капитан, улыбнитесь!”. И я, не моргнув глазом, говорю: “Капитан Грант”. Моя директриса за живот схватилась, хохочет. И в пятом классе она мне говорила – ну, капитан Грант, иди к доске... Как они любовно меня учили все, гордились!

“Ну, что нового, домой не едем?” Эта фраза о возвращении на Кавказ звучала каждую неделю, когда собирались

Я безумно любила учиться, безумно. Это вся моя жизнь. Но через год отец был уже болен, и меня снова решили не пускать в школу. И Нина Васильевна пришла снова и встала перед отцом на колени: “Пустите ее еще на год, она такая способная девочка!” И отец снова не смог ей отказать. В этом же году отец умер, летом, когда я закончила пятый класс. Школу я закончила с медалью.

Когда папа болел, я ездила с ним в больницу. Однажды ему не уступили место в автобусе, и я, двенадцатилетняя, такую лекцию всем прочла, что стали всегда отцу место уступать. Вот под этим впечатлением он к матери зашел и говорит: “Если она захочет быть плохой, она весь край может погубить, а если она захочет стать хорошей, ее одну на весь край хватит”. Мне стало обидно, я его обняла и говорю: “Папа, я не буду плохой!”»

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

Тема кандидатской диссертации Пары Парчиевой звучит сложно для непосвященных: «Обособление членов предложения в современном французском языке как явление сверхфазового уровня».

Впрочем, пожалуй, не только для непосвященных: это была квинтэссенция совершенно новых, революционных идей в лингвистике. В обосновании актуальности темы так прямо и написано: «Исследование обособленных членов предложения в современном французском языке в свете новейших достижений лингвистики и соответственно ее актуальным требованиям... проводится впервые». Уже тогда она доказывала, что не предложение – самая большая языковая единица, есть новая лингвистическая единица, которая трансформирует два и больше предложения в своем составе, притом меняя эти единицы. Это уже лингвистика текста, или уровень высших предложений.

Спустя много лет ученые – носители языка, наконец дозревшие до понимания глубины проведенных исследований, сняли шляпу перед ингушской лингвисткой. Франция наградила ее высшим для ученых орденом.

А тогда, в 1986 году, ее работа в Москве буквально произвела сенсацию в МГУ. Сюжет с защитой был почти детективный. Идея вызрела в ее уникально устроенном уме давно, году в 1968-м, когда она стала аспиранткой, но тема была не то чтобы неинтересна старшим коллегам, скорее – неприемлема, потому что шла вразрез с общепринятыми концепциями. Пока, наконец, эти 13 страничек с кратким изложением концепции не попали на глаза специалисту кафедры романской филологии МГУ. Ученая дама в тот день видела Пару первый раз. Почитала ее странички, спросила: «А где вы защищались?» А та в ответ: «Нигде. Я давно бросила эту тему, потому что то, что я делаю, никому не нравится». Дама ответила: «А мне очень нравится, давайте я у вас буду научным руководителем».

Тогда, в 1986 году, ее работа в Москве буквально произвела сенсацию в МГУ. Сюжет с защитой был почти детективный

Это была Татьяна Борисовна Алисова, профессор, доктор филологических наук, крупнейший специалист в сфере романских языков, непререкаемый авторитет и гроза всей научной Москвы. Паре сказали потом: «Если вас Алисова одобрила, в Советском Союзе вас никто не опровергнет».

Татьяна Борисовна Алисова развернула бурную деятельность: поставила доклад Пары в план кафедры на май, на предпоследнее заседание в учебном году. И сказала коллегам: «В этой работе совершенно новый взгляд на явление, по которому полторы сотни диссертаций защищено, она их все опровергает и предлагает свою точку зрения. Я ею не руководила – я сама училась, благодаря этой работе изменила свой взгляд на французский синтаксис».

После такой оценки Алисовой доклад засчитали как предзащиту. А через месяц – защита. Но когда научный руководитель прочитала уже всю работу, рассмеялась: «Да вы здесь камня на камне не оставили! Куда мне посылать работу на отзыв? Вы же по всем проехались».

В итоге ее отправили в Ленинград, к завкафедрой романской филологии Репиной – первым оппонентом на защите должен быть доктор наук. Пара на «Стреле» поехала в Ленинград, отвезла работу и через неделю возвратилась за отзывом. Ждала похвал, а нарвалась на негатив: «Вы здесь всех локтями расталкиваете!» Особенное возмущение вызвала фраза соискательницы о том, что академик Щерба был прав, говоря, что «не зря же люди придумали эти члены предложения, за ними что-то скрывается». Академик-то великий человек, вне критики, но: «По какому праву вы позволили себе написать, что Щерба

был прав, кто вы такая?» Молодую соискательницу ученой степени душили слезы, но ответила она достойно: «По праву мыслящего человека». И уехала, уверенная, что защита не состоится.

Но Татьяна Алисова решила, что работу такого уровня должны знать, договорилась с оппонентом. И всё же защита наделала очень много шума.

А настоящее понимание значения открытий Пары Парчиевой пришло не так уж давно. Несколько лет тому назад французы наконец-то вплотную заинтересовались ее работой. В это время была большая дискуссия по всей Франции о прямом дополнении и сказуемом, учителя протестовали, говорили, что эти две темы ученикам преподнести невозможно. А у Пары Парчиевой они рассматривались как одно и то же, только на более высоком уровне. К ней обратились за консультацией, перезачли диссертацию. Сейчас она продолжает исследования на материале творчества Сартра.

Вот так, через тридцать лет после защиты, пришли и признание, и награда...

СТРАНА ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА

Во Францию она приехала в 1992 году. Думала, что на год –подобрать и изучить необходимую для докторской диссертации литературу. Но судьба

распорядилась иначе. Вначале ей на французской кафедре предложили годичную стажировку заменить на работу над докторской непосредственно во Франции.

А потом она тяжело заболела, случился обширный инфаркт. Напоминаем: это был 1992 год – трагический для ее родины, год страшного геноцида ингушей в Пригородном районе. Разве могло не болеть ее сердце? Инфаркт был стрессовый, как подтвердил врач.

– Ну вот я и застряла здесь, работала, на жизнь зарабатывала, – вспоминает Пара Ражаповна. – В университете предложили поработать с местными преподавателями, прочесть курс лекций по структуре ингушского языка. У лингвистов во Франции широкий круг интересов. И хотя я не специалист в ингушской грамматике, все-таки согласилась. Моей целью было заинтересовать, возбудить позитивное мнение и любопытство к Ингушетии, как-то помочь ингушам.

Ей было очень трудно, тем более что какая-либо литература отсутствовала. Но за неделю она успевала с нуля подготовить одну лекцию. Получился авторский курс, успешный настолько, что ей предложили написать во Франции диссертацию по ингушскому языку. Пара не воспользовалась этим предложением, решила закончить свою работу по синтаксису французского языка. Писать об ингушском языке согласилась другая аспирантка, Франсуаза Герин. Пара, как носительница языка, помогала ей в этом. И француженка, которая не знала ни слова на ингушском, защитила докторскую! Так впервые во Франции появился документ об ингушском языке.

Пара не смогла присутствовать на защите докторской своей сокурсницы. Но Франсуаза посвятила ей похвальный отзыв на свою диссертацию, который Пара нашла только через несколько лет: при переезде на другую квартиру нашелся текст диссертации вместе с приглашением, трогательным письмом, которое нельзя читать без слёз: в нём автор подчеркнула, что свой научный труд посвятила ей, Паре, любимой сокурснице. Позже они выпустили книгу «Поговорим по-чеченски, поговорим по-ингушски ».

В 1997 году Франсуаза побывала в Ингушетии. Видимо, любовь коллеги к своей родине «заразила» и француженку. После многолетнего перерыва их общение возобновилось, и они вновь, как родные, встретились в Университете Париж IV, в котором Франсуаза Герин преподает, заведует кафедрой и занимается аспирантами, изучающими синтаксис чеченского и ингушского языков по методике Андре Мартине.

Когда Пара принимала активное участие в октябрьских митингах и в работе Всемирного конгресса ингушского народа и съезда Совета тейпов Ингушетии, Франсуаза не осталась в стороне: глубоко сочувствуя и разделяя несправедливость в отношении ингушского народа, поддержала его своим очень теплым письмом, которое было зачитано Парой в ходе ингушского конгресса.

Кстати, еще один предмет ее гордости – две содержательные статьи о чеченцах и ингушах, вошедшие в Энциклопедию народов мира.

– Я в ту книгу втиснула страницу про Пригородный район, а эту книгу весь мир читает, – говорит она. – И не важно, что автор указан только в конце мелким шрифтом, тем не менее я тут написала четко, что сделали с ингушами в 1992 году.

Вот так у нее всегда – важен не размер шрифта, а сделанное большое дело.

Но Франция дала ей не меньше боли, чем радостей. Здесь трагически ушел из жизни ее сын, здесь было много разочарований и несовпадений. Пара – гордый человек, она не привыкла жаловаться. Вот про внуков рассказывает с удовольствием:

– Мой внук Микаэл, по-ингушски Микаил, ему три годика, он уже говорит по-французски, в садике научился. Мы всех назвали так, чтобы на всех языках было понятно. Старшего Дени зовут, по-русски Денис, по-ингушски – как святого шейха. Так Микаэл мне сказал: ты никогда не состаришься, ты, говорит, молода умом... Устами младенца!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ

Она рассказывает о прошлых и недавних ингушских событиях, делится подробностями, дает свои оценки и комментарии. А я вдруг понимаю, что слышу живой голос самой Истории, слушаю человека, который активно действовал в самые переломные моменты и, по сути, сам стал историческим персонажем! И даже тогда, когда речь идет о событиях далеких, создается полное ощущение, что говоришь с очевидцем.

– В чём проблема ингушская? – рассуждает Пара Ражаповна. – Я раньше всегда думала, почему не объединили осетин северных и южных. Этот вопрос решался с той самой минуты, когда Сталин пришел к власти. А вот почему, я хочу объяснить всем! Об этом не сказано ни слова даже в учебнике истории Ингушетии.

Я вдруг понимаю, что слышу живой голос самой Истории, слушаю человека, который активно действовал в самые переломные моменты и, по сути, сам стал историческим персонажем!

Лет десять тому назад открыли архив Сталина. Мне стала ясна из документов основная причина трагедии ингушей. В этом архиве, в изданной его части, есть несколько писем и телеграмм, которыми Иосиф Сталин обменивался с Серго Орджоникидзе, чрезвычайным комиссаром Юга России, и с Микояном. В них речь идет именно о воссоединении двух Осетий. А камнем преткновения в решении этого вопроса был город Владикавказ, административный центр трех государственных образований: Ингушской автономной области, Осетинской автономной области и Сунженского казачьего округа, а сам город находился в подчинении Центра. Отсюда становится ясной проблема Сунженского района, до сих пор не разрешенной. В одном из этих опубликованных писем И. Сталин цинично писал А. И. Микояну, что объединение двух Осетий, о котором просят осетины, «может облегчить дело перехода Владикавказа в руки Осетии» (М. Яндиева, А. Мальсагов, «Ингуши и Ингушетия», стр. 321).

Лингвистическая теория пресуппозиции позволяет сделать выводы: 1) Сталин ставит целью передать Владикавказ Осетии; 2) Сталин признает в эту эпоху трудным дело передачи города осетинам. Он так и пишет, что в этой акции ингуши увидят решение передать Владикавказ осетинам. «Это надо обмозговать». И обмозговал. Но Крайком Северного Кавказа не захотел отпустить осетин в Грузию с русским городом Владикавказом. По этому поводу Серго Орджоникидзе пишет Сталину в сентябре 1925 года «[...] Теперь об Осетии. Сегодня ко мне приехал Такоев и показал разрешение Крайкома Северного Кавказа, в котором говорится, что старое их решение отменяется и они согласны на объединение Осетий, но при условии вхождения Объединенной Осетии в РСФСР. Более никчемного и неосуществимого решения трудно придумать, а здесь дается пища для всякой болтовни о том, что Россия хочет отнять у Грузии г.Цхинвал». Если Сталин не посчитался с ингушами, то он не мог не посчитаться с грузинами. А осетины хотели объединиться с двумя городами – Владикавказом и Цхинвалом. Две Осетии в 1925 году так и не объединили. И Сталин мозгует.

В 1928 году официально ставится вопрос об объединении Чечни и Ингушетии. Запротестовали ингуши. Они положили на алтарь революции цвет своего мужского населения, но с этим Сталин не посчитался. В одном из протоколов по этому вопросу один партийный деятель заявил: «Как вы хотите объединить, у них нет даже общей границы?» Президиум Верховного совета РСФСР отменил в 1928 году объединение Чечни и Ингушетии. Наивные ингуши торжествовали, думая, что это объединение с передачей Владикавказа осетинам отменили из-за их протеста и по справедливости. Но для осетин и для Сталина невозможного почти не было. Сталин мозгует и нашел все-таки решение: с казаками можно не считаться, плохо зарекомендовали себя во время революции. И в 1929 году ликвидирует Сунженский округ и присоединяет его к Чечне. Именно к Чечне, а не к Ингушетии, потому что административный центр Сунженского округа находился во Владикавказе. Таким образом

высвобождалась уже часть города в пользу осетин. В 1934 году пазл сложился, Чечню–Ингушетию объединяют, и Грозный официально меняет статус свободного города в подчинение Центра и объявляется столицей объединенной автономной области, а Владикавказ становится столицей Осетии. И когда я слышу от некоторых чеченских политиков, что ингуши пришли к ним, когда Сунженский район был чеченским, это очень несправедливо и тем более не по-братски.

Еще один интересный документ, свидетельствующий о том, как нечестно пользовалось осетинское руководство своей властью в лице Сталина. Сталин в этом же 1925 году писал: «Осетинский план присоединения к Осетии Моздокского района фантастичен и совершенно не приемлем, о чём я и сказал осетинам» («Ингуши и Ингушетия», стр.321). «Были у меня осетины, – пишет Сталин Микояну. – Более фанатичного или фантастичного они ничего придумать не могли, представляешь, они у меня просят Моздокский район» («Ингуши и Ингушетия», стр. 322). А в 1944-м Моздокский район присоединили к Осетии. Если Сталин не посмел присоединить Южную Осетию к Северной с грузинским городом Цхинвал, то сегодня решена и эта проблема осетин: Южная Осетия теперь и не Грузия вовсе, и Цхинвал не грузинский город.

Когда ингуши вернулись из депортации, они наткнулись на самое яростное сопротивление со стороны осетин. Вернуть ингушский Пригородный район тогда уже было труднее, и Центр, в качестве компенсации, добавляет к территории восстановленной Чечено-Ингушетии два района – Шелковский и Наурский. Но тогдашнее руководство республики справедливо оставило Сунженский район под юрисдикцией ингушей, т.к. в эти два района ни один ингуш не вселился. И ингуши Пригородного района до сих пор скитаются по миру, в том числе и я.

Похоронив в Казахстане почти всю семью, мы с мамой вернулись из депортации и решили поехать в родное село Базоркино – просто взглянуть на

У меня была мысль проститься с домом, взглянуть на него, может быть, в последний раз. И вот я подошла к дому и увидела заброшенный, неухоженный, старенький, осиротевший дом

отчий дом. Рассчитывали на кавказское гостеприимство. Хозяйка открыла калитку, мы объяснили ей, что вернулись и хотели бы посмотреть на свой дом. Она сказала: «Хорошо. Сейчас» – и зашла во двор не хлебом-солью встретить, а спустить на нас собаку. Мама и я еле спаслись от нее бегством. После этого случая мама долго не могла прийти в себя. Это было в 1958-м, а спустя 49 лет, но уже без мамы, история вновь повторилась, только вместо собаки были уже полицейские, приехавшие по звонку осетин. Одна ингушская журналистка уговорила меня поехать посмотреть отцовский дом. После долгих уговоров я согласилась, но где находится родительский дом и как его найти, не знала. В этом мне помог мой родственник, живущий там. У меня была мысль проститься с домом, взглянуть на него, может быть, в последний раз. И вот я подошла к дому и увидела заброшенный, неухоженный, старенький, осиротевший дом. В нём никто не жил, только во дворе видны были теплицы для выращивания овощей какого-то азербайджанца. Меня сфотографировали на фоне дома, и мы собрались уезжать. Вдруг подъехала машина, в которой было несколько полицейских. Они спросили, с какой целью мы сюда приехали, потребовали показать документы. Мы спокойно выполнили их требование, объяснили цель визита. Но в ответ услышали, что необходимо проехать в полицейский участок. Это меня очень возмутило. Из моих уст полилась такая тирада, что

«И куда бедным ингушам, которые сидят там в папахах и плачут? Их предают сами же ингуши. Их разложила вот эта голодная жизнь в тяжелых условиях»

удивились все: и родственник мой, и журналистка, и даже полицейские. Когда они узнали, что я из Франции, уехали не солоно хлебавши.

Во время ичкерийской дудаевской власти меня приглашали открывать вайнахскую партию, они очень хотели, чтобы была вайнахская республика, но не получилось. Нашлись деятели, утверждавшие, что мы их племя «тукхум», хотя тот же Жорж Дюмезиль утверждал, что, наоборот, чеченцы изменились под влиянием Дагестана и ислама, а более чистые хранители нахской философии нартского эпоса – это ингуши. И поэтому он завещал исследовать ингушский язык. Теперь Кадыров уже записал Сунженский район в свою конституцию как составную часть Чеченской Республики, а ингуши не записали. Я в своем выступлении сказала, что Россия – правопреемник СССР. Если СССР Сунженский район тогда отдал ингушам, потому что у них забрали Пригородный район, а чеченцам три района добавили, создавайте для нас комиссию из трех республик, субъектов: ингушского, чеченского и осетинского. И давайте посмотрим, как это происходило. Если мы не договоримся, то есть российские историки. Давайте нам арбитра из российских юристов, а если это не поможет, есть международные историки. Геополитику за рубежом понимают не хуже нас. Последнее, что у ингушей оставалось, это право на Пригородный, хоть как-то его востребовать, в соответствии с Законом «О реабилитации». Это записано и в конституции республики, что мы имеем право демократическим, парламентским путем добиваться территориальной реабилитации. Так вот сейчас хотели последнее убрать, разделаться и с этим законом, уже все законодательные акты подготовили для этого…

Больше всего Пару огорчают распри и недоразумения внутри самого народа: «И куда бедным ингушам, которые сидят там в папахах и плачут? Их предают сами же ингуши. Их разложила вот эта голодная жизнь в тяжелых условиях. Кидаемся друг на друга, потому что бессильны. А я как-то имела неосторожность сказать: друзья, портфели будете делить потом, давайте сначала сделаем республику, потом делить портфели. Это всегда вред, когда один пытается уменьшить заслуги одной организации в пользу другой».

Сама она никогда не пыталась меряться статусами и заслугами, отстранялась от всяческой междоусобицы, не стремилась к постам, портфелям и местам в президиумах. Величие этой женщины в том, что она действительно думает обо всей своей родине, обо всём народе. И как раз она имеет полное право говорить от имени народа.

На митингах после принятия соглашения о границах ее главной задачей было не дать спровоцировать карательные акции: «Каждый наш шаг должен не давать повода побить нашу молодежь, поэтому давайте так сделаем: открываем съезд, все проблемы решаем, его не закрываем. Покрываем Ингушетию в белый цвет – цвет мира, мы заявляем, что мы на 100% миролюбивы!»

Но ее, как это часто случалось, не услышали или услышали не до конца…И всё же она верит, что справедливость рано или поздно восторжествует.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА, ИЛИ ВМЕСТО ХЕППИ-ЭНДА

В нашем долгом разговоре совершенно случайно выяснилось, что Пара Ражаповна, по сути, бесприютна. Так случилось (опустим горькие и нелепые подробности), что возникла угроза выселения ее из парижской квартиры. В Ингушетии ничего не осталось, в Чечне, несмо-

тря на статус беженки, жилье для нее выделить не смогли, а скорее – не захотели, хотя она жила и работала в Грозном и всё ее имущество пропало во время войны. А ведь она одной из первых откликнулась на беду чеченцев и вместе с единомышленниками организовала в Париже ассоциацию «SOS Чечня». За одну ночь они написали и отправили 500 писем в адрес известных людей Франции с призывом выступить против войны в Чечне. Пара подключила несколько знакомых французов к написанию книги о войне в Чечне, помогала беженцам.

Ее страстное желание – вернуться на родину! Скопленные за многие годы деньги она отдала на покупку жилья в Ингушетии, но ее обманули, деньги пропали... И снова возникла ассоциация с Ахматовой – великая, страдающая, беспомощная в быту.

Пара Ражаповна не хотела касаться болезненной темы, но я всё же «вытянула» из нее подробности. И, конечно, несмотря на ее протесты, в стороне остаться просто не смогла. Обратилась к ингушам. И теперь счастлива сообщить, что у Пары Парчиевой есть крыша над головой в Ингушетии! Спасибо тем, благодаря кому великая дочь ингушского народа сможет вернуться домой!

НИЦЦА

Красивейший курорт Лазурного берега на юге Франции

Плотность населения здесь небольшая. Ниццу построили греки в VI веке до н. э. Изначально город назывался «Никейя» – в честь богини победы Ники. Ниццу можно назвать политическим центром Франции. Здесь ежегодно проводятся многочисленные форумы среди глав государств. Ницца относится к департаменту Приморские Альпы, куда, кроме Ниццы, входят и другие города – Канны, Грас, Антиб. В департаменте проживает несколько тысяч ингушей и чеченцев. Они работают в различных сферах. Есть и неработающие, они живут на государственное пособие.

«Никто не заставляет нас стать французами!»

«МЫ СТАРАЕМСЯ МАКСИМАЛЬНО ВЛИТЬСЯ В ЖИЗНЬ ЕВРОПЫ, ИНТЕГРИРОВАТЬСЯ, ОСТАВАЯСЬ ИНГУШАМИ», – СКАЗАЛ МНЕ ПРИ ВСТРЕЧЕ **САВАРБЕК ХАМАТХАНОВ** – РУКОВОДИТЕЛЬ ИНГУШСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА РЕГИОНА ПРОВАНС – АЛЬПЫ – ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ, ФРАНЦИЯ

О нём упомянула Пара Ражаповна Парчиева, когда мы общались с ней в Париже. Стало понятно, что Саварбек – формальный и неформальный лидер, пользующийся авторитетом среди ингушей, много лет стоит во главе ингушской диаспоры этой части Франции, где более тысячи земляков, и все они держатся вместе.

Мы приехали в Ниццу и встретились возле одного из самых фешенебельных отелей на центральной набережной города. Здесь любит гулять пафосная публика, в том числе и звезды первой величины. А он выделялся даже среди них – невозможно не заметить интересного мужчину в кипенно-белой, режущей глаз своей белизной рубашке, которая на фоне лазурного Средиземного моря сияла еще ослепительней. Аристократические манеры, уверенная походка... Ингуш из известного рода – сын Магомеда Хаматханова, Савар-

бек живет в Каннах. В Ницце, в уютном кафе, мы долго говорили об истории, литературе, современной ингушской молодежи и ее интеграции в европейское общество. Обсуждали будущее Ингушетии, вспоминали общих знакомых, затронули деятельность Centre Culturel Ingouche (Культурная ассоциация ингушей)... И всё же после долгого разговора было ощущение, что мне приоткрылась только вершина айсберга. Что он только присматривался: кто мы, что мы, можно ли пустить меня в этот мир, не навредит ли откровенность людям, за которых он несет ответственность.

Саварбек, расскажите, как вы оказались в Европе? Давайте начнем с самого начала, с вашего детства...

Хаджибикар Хаматханов (1920-1975). Майор, ветеран Великой Отечественной войны, всю блокаду находился в осажденном Ленинграде; кавалер Ордена Красного Знамени, имеет много других наград; занимал руководящие должности, в 1956 году в составе делегации был на приеме у А.Микояна по вопросу восстановления ингушской республики.

Справа: Ибрагим Хаматханов – дед Саварбека. В 1938 году был репрессирован на 10 лет без права переписки. По ходатайству С.Орджоникидзе и др. в 1940 году вернулся на родину очень больным. В том же году умер. Был похоронен в Дарьяльском ущелье. Могила была уничтожена после депортации ингушей в 1944 году.

Генерал турецкой армии - Салех (Polatkan) Хаматханов в Ингушетии (1992 г.) , справа от него - Довтгирей Хаматханов. Слева: Магомед (в народе его называли Мади) Хаматханов – отец Саварбека.

Если я поставлю в один ряд фамилию, имя и место, где я родился и вырос, это уже будет политика. Конечно, я родился в Алма-Ате, в Казахстане. Мой отец был очень образованным человеком. И мой дядя тоже. Вообще, в нашей семье было много образованных людей. Похвастаюсь, как любой ингуш: отец еще до войны закончил ингушский индустриальный техникум в городе Орджоникидзе – Буро, как его называют ингуши, сельхозинститут в Орджоникидзе и высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. Проработал больше сорока лет на высоких должностях и никогда не брал взяток. В свое время, еще до войны, его очень тепло принимал Орджоникидзе. Кстати, и мой дед был хорошо знаком с Серго Орджоникидзе, тот бывал в нашем доме.

ОТЕЦ БЫЛ ИДЕЙНЫЙ ПАРТИЕЦ?

Нет. Он, в первую очередь, чистый ингуш и верующий мусульманин. Из Алма-Аты мы приехали, когда я был совсем маленьким. Я вырос в селе Длинная долина (Терк) в Дарьяльском ущелье. После 1992 года оно было полностью разграблено и уничтожено. Сейчас на месте села вырос лес, проезд запрещен. Я в нынешней Ингушетии практически не жил, жил в Грозном до войны. Корни наши – в Пригородном районе, Дарьяльском ущелье. Когда я был ребенком, мой отец показывал мне: здесь жил твой дед со своими братьями, твой прадед жил вот там-то... Я из семьи, которая тысячу лет жила в Дарьяльском ущелье. В Джейрахе нашу башню во времена Сталина очень усердно взорвали до основания – якобы она мешала дороге, которую прокладывали к будущей даче Калинина. Остались одни камни. Башня Хаматхановых была построена ориентировочно в первой половине – середине XVII века.

Дарьяльское ущелье – место судьбоносное для нас. Отсюда в 1992 году моего 75-летнего отца, страдающего аритмией, вынесли по «дороге жизни» в горах. Там жили великие строители, и их потомки там живут. Но я далек от того, чтобы подходить к этому как к чему-то исключительному. Ингуши ис-

ключительны другим: это нация родственников, все мы – родня, через пятые-седьмые или еще какие-то колена. Наша нация почти вся от одного отца. Этим можно гордиться. А кто-то, наоборот, скажет, что лучше бы мы перемешались. Но мы – доказательство того, что необязательно перемешиваться с другими народами во избежание вырождения. Нас и здесь никто не заставляет становиться французами, англичанами, испанцами. Мы и здесь – ингуши, мы очень сильно взаимосвязаны и координированы в Европе. Конечно, есть те, которые просто приехали подзаработать, поправить свое материальное положение. Некоторые растворяются, да. Но многие мыслящие люди сохраняют идентичность и постоянно на связи друг с другом.

Очевидно, этому способствует и деятельность ассоциации, которую вы возглавляете?

Мы объединились в 2006 году, в 2008-м официально зарегистрировались как французская ассоциация ингушей. У нас здесь есть совет старейшин, и они решили, что я должен возглавить диаспору. Деньги мне никто не платит. Я никогда за все эти годы нигде не видел ни одного сантима. У нас нет спонсоров. Сами проводим различные мероприятия, откликаемся на события на родине, играем традиционные, с соблюдением всех обычаев, свадьбы.

В 2011 году по предложению товарищей из Парижа сделали перерегистрацию на общефранцузскую. Ассоциации во Франции бывают трех типов, у нас культурный центр. Здесь, в Европе,

да и среди членов нашей ассоциации есть люди, которые очень сильно пригодились бы в России, не только в Ингушетии…

Вернемся к вашей личной истории, ведь она очень интересна…

Когда мы с семьей переехали сюда в 2003 году, наш поезд остановился на подъезде к Каннам. Я тогда очень сильно болел. Стоял в тамбуре, дверь была открыта, мы ждали, что вот-вот должны приехать в Ниццу. Я смотрел в окно: пальмы, лужайка, идиллия… Я говорю жене: «Ты знаешь, я бы вот здесь поселился, мне не нужна Ницца, я бы жил вот здесь, потихонечку гулял бы себе…» Через восемь месяцев мне, как беженцу, именно там дали жилье, рядом с этим местом. А потом, еще через полтора года, дали в Каннах квартиру. То, что беженцу дали квартиру в Каннах, – практически беспрецедентно. Это удивительный момент в моей жизни.

Вы знаете, что международные эксперты заключили, что самая лучшая для проживания страна – Франция? В Норвегии, например, социальные условия намного выше. Но если рассматривать в комплексе – климат, отношения людей, медицина, безопасность, культура, – то во Франции есть абсолютно всё. Но внутри самой Франции считаются шиком три места – Канны, Сан-Тропе и Биарриц.

На самом деле я беженец с 1992 года, с момента конфликта. У нас была большая семья, много домов, все жили рядом в Дарьяльском ущелье. И всё, что за тридцать лет после возвращения из депортации мы там собирали, – потеряли…

Моего 75-летнего отца, человека, которого в советское время руководители Осетии приглашали на официальные мероприятия постоять на трибуне, погнали через горы. У наших родственников жили двое русских ребят, строители из Ленинграда. Им сказали: «Уходите отсюда в Орджоникидзе, вас не тронут». Но они отказались, и именно они отца вдвоем тащили по труднопроходимой «дороге жизни» километров семьдесят, через горы и вверх, и вниз… Ассу переходили каждый раз с большим трудом, это очень бурная река. Спасли тогда старого человека с очень больным сердцем. Отец умер в 80 лет, потеряв всё.

Оставили всё, никто ничего не взял. Первым после тех событий в родные места поехал мой брат. Единственное, что он нашел на месте наших домов, – фрагмент обгоревшей швейной машины «Зингер», что принадлежала нашей матери…

Но я был бы ограниченным человеком, если бы обвинял всех осетин. Конечно, не все нажились на тех событиях, основная масса живет в бедности, нажилась лишь горстка людей. Определенная кучка людей живет в роскоши на одной планете, а остальной осетинский народ живет на совершенно другой...

Пытаться забрать у нас, или у любого кавказского народа, землю и жить на ней – это большая глупость, осетины знают об этом хорошо. Когда человек хочет у другого что-то забрать, он начинает объяснять своим детям, что тот плохой человек. А иначе завтра дети скажут – мол, папа, он же хороший сосед, зачем ты у него забираешь и лезешь драться, это же несправедливо...

Мы здесь, в Европе, растим новых ингушей. И с моим сыном, например, договориться будет намного сложнее, чем со мной. Со мной проще, потому что я сентиментален, мой сын сентиментален не будет. Он не учился с осетином в школе, ему бесполезно объяснять, что все народы хорошие. Он видит только голые факты, он привык, что законы выполняются, он знает правду с правовой точки зрения.

А у вас сколько детей?

Пятеро. Здесь у большинства ингушских семей по четверо, пятеро, шестеро детей...

Две девочки родились в Грозном и видели самолеты, которые в Новый год уничтожали город. Третья родилась в Карелии, когда мы носились по России беженцами. А младшая девочка и мальчик родились уже здесь.

У нас в Грозном был дом, была квартира, мы их потеряли тоже. За дом с превеликим трудом получили смешную сумму. Но я к этим вопросам отношусь уже философски, я потерял слишком много материального, и мне важнее передать детям не деньги – важно дать им знания, выучить хорошо и сделать приличными людьми.

Старшая дочь уже закончила университет в Ницце и работает, прекрасно говорит на нескольких языках – ингушском, французском, английском, русском.

А внутри диаспоры вы на ингушском общаетесь?

Да. Мы собираемся раз в месяц, общаемся на ингушском. В Каннах есть помещение, которое мэрия нам предоставляет по символической цене. И сейчас я могу в любое время поехать, договориться, взять помещение и зал. Так же и в Ницце. Здесь, в Европе, есть ингуши, которые, например, прекрасно ведут бухгалтерию одновременно на двух языках. Или же работают в офисе, где нужно знать три языка. Я всё равно думаю на ингушском, даже когда говорю по-русски. И так многие.

Есть талантливые ингуши, которыми может гордиться Франция?

Мы здесь, в Европе, растим новых ингушей. И с моим сыном, например, договориться будет намного сложнее, чем со мной. Со мной проще, потому что я сентиментален, мой сын сентиментален не будет

Есть очень талантливые ребята, которые хорошо разбираются в компьютерах, есть большое количество юристов и так далее. Если в скором времени вы услышите, что во Франции в каком-то городе мэр ингуш – не удивляйтесь. Потому что в Европе той ксенофобии, что в России, нет уже давно. Здесь совершенно по-другому относятся к бывшим иммигрантам. Например, мэр Лондона Садик Хан – мусульманин, пакистанец, сын иммигранта, и он обошел на выборах сына миллиардера. В Европе умеют воспользоваться чужими мозгами. Пусть он ингуш, мусульманин – оставь его со своей религией, используй его таланты, и он будет хорошим гражданином.

Вот я смотрю телевидение российское, чтобы не забыть язык. И вижу, что не перестали показывать идиотские фильмы, где кавказцы изображены примитивными, тупыми, они пристают к женщинам, демонстрируют дикость... Мой сын такого отношения не понимает. Мы – коренной кавказский народ, мы живем тысячелетиями на своей земле, у нас своя культура, традиции, мы ни у кого ничего не хотим забирать, но своего мы не отдадим. Ни один человек, никакой президент или политик не имеет права отдавать ни одного квадратного метра никому. Потому что эта земля народная.

Я очень интересуюсь разными народами. Для меня русский человек интересен потому, что он – русский. Я даже по молодости ездил в Рязанскую область посмотреть есенинскую деревню. А если русский человек пытается подражать французам или еще кому-то, он мне неинтересен.

Ни один человек, никакой президент или политик не имеет права отдавать ни одного квадратного метра никому. Потому что эта земля народная

Я внимательно наблюдаю за тем, как живут местные французы. Если, например, девушка ведет себя по-хамски и говорит на французском – не факт, что она француженка. Вот я тоже говорю по-русски, но я же не русский. Французы – это те, которые рано утром на берегу, где я живу, ходят и собирают оставшийся после уборщиков мусор, кладут в мусорный бак, ныряют в воду, достают из-под воды мусор, стекло, убирают всё. Вот они – отсюда, это их земля. Я не француз, но тоже это делаю. Я долгое время ходил рано утром к морю и познакомился со всеми пожилыми пловцами, которым уже давно за восемьдесят. Однажды видел бабушку, которая кокетливо сказала, что нескромно спрашивать у женщины возраст, но на ухо шепнула, что ей 92 года. И до прошлого года она плавала далеко – до желтого буя. Спуститься к морю ей помогают два человека. Такие люди восхищают.

Европейцы – люди невероятно трудоспособные. Не только французы. Они могут работать по 16 часов. Моя жена Лейла – повар, иногда она работает 15–16 часов. Ей нельзя есть во время работы, можно по ходу попить кофе, и всё. Лейла по специальности бухгалтер с высшим образованием, но здесь переучилась и работает поваром в Каннах, в самом дорогом мишленовском ресторане.

А у вас есть друзья среди французов?

Конечно. Мой очень хороший друг – наш домашний доктор. К сожалению, в конце года он собирается уходить на пенсию. Я очень везучий человек на людей и не только, я чувствую близость Господа. Я болел 16 лет, и очень рад этому: во время болезни человек очищается. Когда приехал в Канны, просто шел по улице, искал домашнего доктора, увидел табличку и зашел наудачу. С тех пор у меня уже много лет один доктор – Жан-Марк, очень хороший друг. Если вы попали к человеку без сердца, вы будете просто платить деньги, если вы попали к такому человеку, как Жан-Марк, вы будете здоровы и будете улыбаться. К сожалению, пока нет ни одного доктора-ингуша в этом регионе, но скоро будут, учатся.

Саварбек, вы следите за событиями на родине, откликаетесь на них. А вам хотелось бы пообщаться с прежним и нынешним руководителями Ингушетии?

Конечно. Мне бы даже сегодня хотелось бы пообщаться с Евкуровым. Я скажу словами одного мудреца, одного из последователей Пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует!). Сыны израилевы обратились к Богу: «Господь, ты на небе, а мы на земле, как же нам узнать, доволен ли ты нами или нет?» Бог им ответил: «Когда я буду доволен вами, то я поставлю над вами лучших из вас, а когда я буду недоволен, то поставлю худших». Так что виноват не только один Юнус-Бек, виноваты и сами ингуши. И сегодня, если Калиматов хороший руководитель – значит, ингуши заслужили его, а если он плохой – тоже заслужили. Всё очень просто.

А как ровесник Махмуд-Али Калиматова хочу обратиться вот с каким вопросом. В Ингушетии во времена Евкурова очень сильно распространились агрессивные виды спорта: ММА и т.д. Вот во Франции ММА запрещены. На днях умер дагестанский боксер-профессионал. От чего он умер? Он умер от того, что по его голове ударили больше трехсот раз. Нашим людям противопоказан этот спорт, потому что это харам, мы не привыкли проигрывать, потому что очень честолюбивы. Скоро при таком распространении этой заразы – ММА – ингушей таких, которыми вы восхищаетесь, просто не будет. Меняется менталитет людей. Я бы запретил на территории Ингушетии ММА и этот профессиональный бокс.

Я сам беседую с людьми, которые занимаются такими вещами. И говорю: подумай сам, ты можешь побить чело-

века сегодня, а умереть он может через год от твоих ударов. И грех будет на тебе. Тебе это нужно?

Я думаю, что это не спорт – это выращивание неадекватных людей. Воины – это те, которые защищают слабых. А тут просто бьют здоровых чьих-то сыновей и гробят их, себя, заставляют плакать родителей.

Вы удивлены, что я говорю про ММА, а не про взяточников и не про территории?

Ну, почему же. Это важно. Я считаю, что притянутыми в республику ММА, боями без правил, которые проводились в историко-архитектурном заповеднике, в башенных комплексах, которые охраняются государством, он развращал молодое поколение ингушей. Представьте себе, что во время этих боев делали мангалы из камней башенных комплексов и превратили башни в туалеты на время проведения турнира. Десятки тысяч зрителей сего зрелища вытаптывали хрупкие эндемики, мужчины прыгали в трусах, соревнуясь в боях без правил в совершенно особом для Ингушетии месте.

Да, туалетов не было, а народ собирали… Этим элементарно отвлекали людей и пиарились.

Что касается Евкурова, то я ездил специально в Бельгию только для того, чтобы посмотреть на него близко как физиономист. И я вам скажу, что у него очень тяжелая физиономия. Что бывает с лицом летчика, который летает на современном сверхзвуковом самолете? А что бывает с мозгом? А что бывает, когда человека, который летал на таких самолетах, делают президентом? Или человека, который нырял сотни раз в люк самолета головой, а потом бил по голове кирпичами. А ею думать надо потом…

Не хочется завершать беседу на грустной ноте. Достойных людей, я уверена, больше. И о вас очень хорошо отзывалась Пара Ражаповна Парчиева. Мы с ней недавно встречались в Париже.

На чужбине подрастает новая формация ингушей: блестяще образованная, воспитанная, интеллектуальная элита, сила, которая знает свои корни и свое – ингушское

Заочно мы были с ней знакомы много лет, мой отец очень хорошо о ней отзывался. Я с ней общаюсь постоянно, она приезжала сюда несколько раз. Она очень деликатный человек, не привыкший обременять своими проблемами никого, даже близких. Когда она однажды сюда приехала и, позвонив, сообщила об этом, я думал, что она звонит с вокзала, нужно ее встретить. Оказалось, она приехала накануне, отдохнула в гостинице, сделала все свои дела, позавтракала и только потом позвонила – сказать, что готова приехать в любое место, чтобы пообщаться. Она самодостаточна, она редкий, уникальный человек!

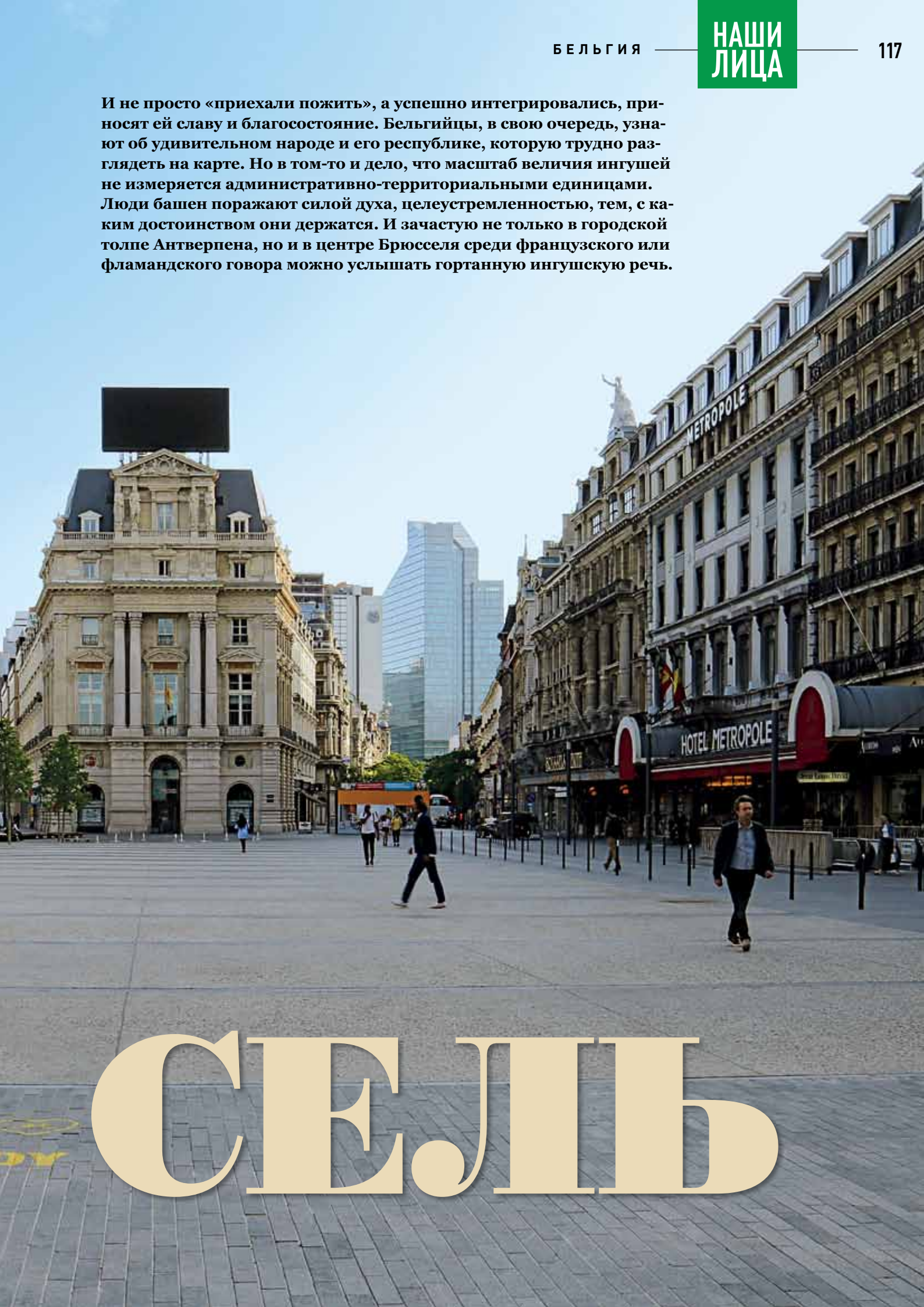
А потом мы снова говорили про молодежь. Саварбек рассказывал о разных судьбах, приводил примеры, называл имена талантливых, многообещающих или уже многого добившихся людей. И меня очень порадовало, что на чужбине подрастает новая формация ингушей: блестяще образованная, воспитанная, интеллектуальная элита, сила, которая знает свои корни и свое – ингушское – не потеряет… Это было для меня самым знаковым и главным из того, что я услышала от Саварбека Хаматханова и что пульсировало в голове, когда уезжала: «Мы вырастим не десятки – сотни адвокатов, которые вернут нашу территорию и многое сделают для родины…»

Еще одна страна Европейского экономического содружества – Бельгия, где власть в государстве с федеративным устройством осуществляет парламентская монархия и где также нашли пристанище представители ингушского народа.

БРЮС

И не просто «приехали пожить», а успешно интегрировались, приносят ей славу и благосостояние. Бельгийцы, в свою очередь, узнают об удивительном народе и его республике, которую трудно разглядеть на карте. Но в том-то и дело, что масштаб величия ингушей не измеряется административно-территориальными единицами. Люди башен поражают силой духа, целеустремленностью, тем, с каким достоинством они держатся. И зачастую не только в городской толпе Антверпена, но и в центре Брюсселя среди французского или фламандского говора можно услышать гортанную ингушскую речь.

СЕЛЬ

Я замирала и оглядывалась, ища глазами родные лица. Словно перекаты бурлящего потока горных рек спускались на городские улочки. Никакие ценности и достижения европейского мира не способны заставить горцев предать забвению память о своей исторической родине. Духовная связь с Ингушетией остается неразрывной и ощущаемой кожей, кончиками пальцев...

prudentia
prudentia

Брюссель – сердце Бельгии. Динамичный, живой город, поражающий воображение. В нём много разносортных домов – величественных, приземленных, изысканных и типичных. Но все они очаровательны. Может быть, еще и потому, что бельгийцы, как и ингуши, – прирожденные строители. «Родились с кирпичом в животе», – говорят про них. А в центре Брюсселя пахнет вафлями и шоколадом.

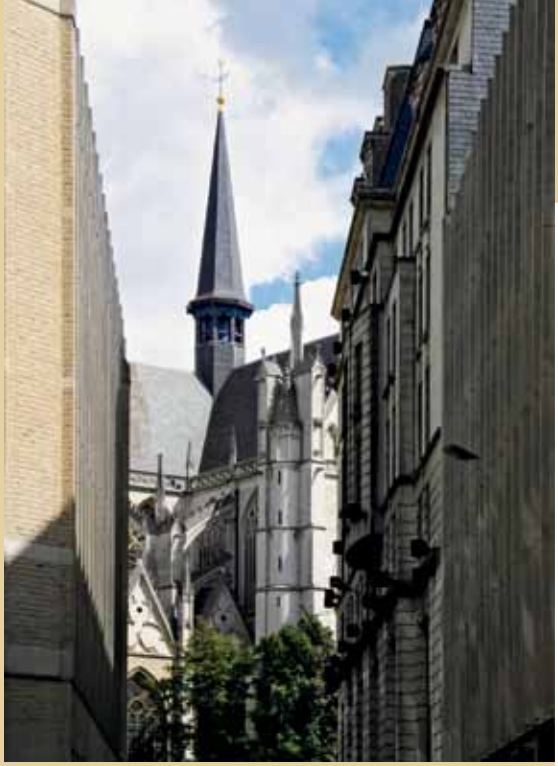

ELISABETH
CHOCOLATIER

Притягательная архитектура, открытые люди, доброжелательные хозяева – Бельгия очаровала меня, как и многих ингушей, которые выбрали ее для проживания. Эта страна, помимо того что дает широкие возможности для образования и работы, позволяет ингушам чувствовать себя свободными. Неслучайно именно здесь проходили акции солидарности с земляками, протестовавшими на родине против «новоявленных» границ с Чечней и требовавшими отставки бывшего главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова.

Ингушская община в Бельгии пристально следит за событиями в республике. Ее представители проводят дни ингушской культуры, торжества по случаю национальных праздников. Бельгия дала им кров и возможности, но душа и сердце остались на родине.

НЕ БОЙТЕСЬ ЖИЗНЬ ПЕРЕМЕНИТЬ!

ИМЯ МУРАД ИМЕЕТ АРАБСКИЕ КОРНИ И ПЕРЕВОДИТСЯ КАК «ЖЕЛАНИЕ», «ЦЕЛЬ» ЛИБО «НАМЕРЕНИЕ» И «ЗАМЫСЕЛ». Я ВСПОМНИЛА ОБ ЭТОМ ПОСЛЕ СВОЕГО ЗНАКОМСТВА С **МУРАДОМ СУЛТЫГОВЫМ** И ПОНЯЛА: ЭТО ТОЧНО ПРО НЕГО. ПРО ЧЕЛОВЕКА, У КОТОРОГО В ГОЛОВЕ КИПИТ ТЬМА-ТЬМУЩАЯ ВСЯЧЕСКИХ ЗАМЫСЛОВ, А ЖЕЛАНИЕ НЕМЕДЛЕННО СТАНОВИТСЯ НАМЕРЕНИЕМ И ДЕЙСТВИЕМ

Вижу цель, не вижу препятствий – только так он и мог достичь всего, что достиг. Сегодня он – семейный врач, практикующий в бельгийском Генте. Автор трех кандидатских диссертаций. Свободно владеет русским, английским, нидерландским, французским, ингушским, чеченским языками. Специалист в области педиатрии, травматологии и ортопедии, гинекологии, дерматологии, психиатрии, нейрохирургии, хирургии, кардиологии. Упорство и дерзость, тщательность и умение рискнуть, поставив всё на карту, несокрушимая уверенность в себе – противоречивые черты сильной и обаятельной личности этого блестящего европейца, который ни на минуту не забывает, что он – ингуш.

Мы встречались в самом центре Брюсселя, в роскошном лобби отеля «Метрополь». Он приехал сюда вечером, закончив работу, из Гента, старинного города в голландской части Бельгии, вместе с женой Хавой (Евой), похожей на хрупкого эльфа и при этом – матерью четверых детей. Разговор начали с корней, как всегда это бывает у ингушей. В изысканной обстановке отеля так странно звучали слова «война» и «депортация», без которых не обходится история любого ингушского рода...

БАРЫШНЯ И ФРОНТОВИК

Когда родился Мурад, его отцу Сейту, инвалиду Великой Отечественной войны, было уже 53 года. Мурад был «поскребышем» – последним ребенком из девяти. Трое из них умерли в детстве, один брат пропал во время боевых действий в Чечне.

Отец до войны окончил офицерские курсы, в 20 лет был уже лейтенантом-артиллеристом. И как только получил диплом, даже не успев побывать дома, – на фронт. Начал боевой путь с финской войны, потом – Великая Отечественная, которую прошел до самой Победы. О том, как воевал этот ингуш, можно судить по тому редкому факту, что его не отозвали с фронта в период депортации ингушского народа, не отправили в ссылку и даже награды вручали, в том числе – именное оружие.

Несколько раз он был ранен, лежал в лазаретах. Однажды был так плох, что

Родители.

все решили, что он уже умер, вынесли и оставили среди трупов. Какая-то медсестра услышала стон и поняла, что он еще жив. Его принесли обратно в госпиталь.

А в конце войны его вызвали «куда следует» и сказали – мол, молодец, хорошо воевал, езжай к своим, туда, куда их всех выслали, – в Казахстан. Он нашел своих родителей, но не вся семья выжила...

Маму Мурада звали Багьи, или, если на арабский лад, Багдат. Она была из обеспеченной семьи, избалованная, нежная красавица, к которой до ссылки прямо на дом ходили и учителя, и парикмахеры... Мама считала, что в семье все должны иметь музыкальное образование и быть всесторонне развитыми. Все ее дети окончили музыкальную школу, в том числе и Мурад.

Поженились его родители после войны. Отец в силу своей общительности и репутации героя-фронтовика получил хорошую работу, дружил с важными людьми. И одним из первых получил право вернуться на родину.

ПУТЬ К ПРОФЕССИИ

В медицину Мурад пришел не сразу. С детства хотел летать, но из-за слабого зрения в летчики не годился. Тем не

менее после школы поступил в Куйбышевский авиационный институт. Но там ему не понравилось. Год отучился, сдал экзамены и… пошел в армию. Служил на Крайнем Севере. И там один из товарищей, который отучился на первом курсе ленинградского меда, два года рассказывал о медицине, о профессии хирурга.

– Достал меня до глубины мозга, так и «перевербовал», – улыбается воспоминаниям Мурад.

Вернулся из армии, забрал документы из куйбышевского вуза и поехал в Москву, в первый медицинский. Домашним не сказал ни слова – всё равно бы они не поверили, что ему повезет и он поступит. Однако невозможное свершилось: он поступил. С первого раза. После армии. Сам.

В институте «заболел» нейрохирургией. Спал и видел себя нейрохирургом, все выходные проводил в профильных отделениях московских больниц.

– Когда я был на шестом курсе, дежурные нейрохирурги в операционную даже не поднимались, полностью доверяли. Знали, что я не хуже, чем они, прооперирую гематому, – с гордостью вспоминает мой собеседник.

Дальнейшие события очень ярко характеризуют Мурада. Вот его рассказ практически дословно:

«Окончив вуз, я с документами пришел в институт Склифосовского, в неприемный день смело прошел мимо секретарши в кабинет главврача.

– Добрый день, профессор.

– Добрый день, а вы кто?

– Я ваш будущий аспирант. Вот все документы, вам только подписать осталось.

– Ну, присаживайтесь, будущий аспирант, – улыбнулся главврач.

Возможно, он ждал информации о том, кто меня прислал, а меня никто не прислал: отец инвалид войны, мама домохозяйка, никакого блата. В институте было всего два свободных места нейрохирурга. Одно досталось сыну московского медицинского светила, а второе еще не было занято. Мы побеседовали, профессор сказал, что свяжется с коллегами, с которыми я работал. Видимо, отзывы были хорошие, потому что в итоге позвонила секретарша и сказала, чтобы с сентября я выходил на работу. А я, если честно, и не сомневался, что всё получится. Сейчас сомневаюсь, а тогда – нет».

И дальше в Москве всё у него складывалось очень успешно. Любимая, очень интересная работа, профессиональные достижения, общение с продвинутыми коллегами, самообразование, знакомства с интересными

персонами, благодарные пациенты... Профессора хвалили: «Какие руки!» Не за горами – назначение на пост заведующего отделением...

Но однажды он почувствовал непреодолимое желание повидать мир. Решение возникло вдруг и сразу.

– Я просто пил чай и, еще не успев его допить, понял, что уеду. В одну секунду. Не успел поставить стакан чая, и уже знал – еду. Через полтора месяца я был в Брюсселе, – рассказывает Мурад.

«Так разве бывает? – внутренне изумляюсь я. И сама себе отвечаю: – У него – да, так и бывает».

А оказалось, что всё, абсолютно всё надо начинать заново, даже учебу. Это на родине он был блестящим нейрохирургом, а здесь он – никто

ПОКОРЕНИЕ ВЕРШИН

Сейчас, почти через двадцать лет, он уже может с улыбкой рассказывать, как здесь его «окунули в холодную воду». Приехал этакий баловень судьбы, безмерно гордый своим, как он считал, лучшим в мире образованием, работой в лучшем на свете институте имени Склифосовского, лучшей российской медициной, собственными успехами...

А оказалось, что всё, абсолютно всё надо начинать заново, даже учебу. Это на родине он был блестящим нейрохирургом, а здесь он – никто. С его дипломом зачислили лишь на третий курс университета, и даже это можно было считать удачей, ведь вся учеба продолжается семь лет. А для того, чтобы учиться, надо было знать не только английский, но и нидерландский. Мурад выучил его в достаточном объеме за четыре месяца – еще один эпизод из серии невозможных...

– Пошел в университет, а у самого обида: я, великий нейрохирург, в 33 года сижу в университете со студентами, с детьми, учусь, как гипертонию лечить! – смеется мой собеседник. – Стыдно было ужасно. Правда, я был коммуникабельный, меня хорошо воспринимали. Но всё равно не по себе: первый мед в России окончил, главный нейрохирург всея Руси меня хвалил, а тут на третий курс направили. За державу обидно было...

Занятия начинались в октябре, и Мурад заблаговременно стал искать учебники. Нашел магазин научной книги, спросил про учебники для третьего курса медицинского вуза. Продавцы его не поняли, сказали – спрашивайте в университете. Заговорил про книги с однокурсниками. Один, наконец, понял: «Вы имеете в виду курсусы? Так они не готовы еще. Сегодня понедельник, а их в пятницу выдадут».

Дождался пятницы. И снова никаких книг – выдали листы формата А4, прошитые, легко вынимаются. Всё это – на три месяца. Подумал: какие бедные, на нормальную книгу денег нет? Всё странным казалось.

Но... Мурад вспоминает, что во время учебы в Москве ему совсем не давалась психиатрия. Не понимал ее даже на русском, втором родном, языке: одна вода, никакой конкретики, вообще ни о чём. Непонятно, как диагнозы ставить, как лечить – тем более... Ужасно боялся ее сдавать тогда. И здесь, дождавшись курсусов, первым делом сунулся в страшное – психиатрию. Открыл в три часа дня первую страницу этих листов, а последнюю перевернул в три часа ночи. К утру понимал и знал всё по предмету. Как ставить диагноз, как лечить...

– Я прочитал ее, как художественную литературу, как в свое время Марка Твена – на одном дыхании. Настолько элементарно, просто и ясно было написано, – признаётся Мурад.

Почему учебное пособие представляет собой именно листочки, а не книги, стало понятно 16 октября. 1 октября начались занятия, а 16-го профессор заходит в аудиторию, читает лекцию, а по

проходу лекционного зала идут лаборанты и раздают листочки. Профессор просит заменить листы в одной из тем. Оказалось, что в начале октября вышла научная работа в Канаде по этой теме и материал, который раздали ранее, уже немного устарел… Вот так, всё по последнему слову науки.

В течение года студенты очень часто меняли и дополняли листы в курсусах. Каждый год – новый курс. Потому что наука всё время идет вперед и студенты должны знать всё самое новое и современное.

А в Москве, улыбается Мурад, по той же психиатрии можно идти к прабабушке, найти книжки, по которым она училась, и, стряхнув с них пыль, брать на лекцию. Покупать новые учебники не надо. Они не отличаются от старых.

– У меня сначала был профессиональный шок, а потом я по-настоящему наслаждался учебой, – говорит доктор.

Конечно, в российских вузах отлично преподносят базовые, фундаментальные знания. Но отставание от современных тенденций налицо.

ДЕТИ ПОЛЮБИЛИ ГОРЫ

Мурад рассказывает, что первые годы жизни на новом месте были очень насыщенными:

– Здесь я делал всё одновременно – учился, языки учил, женился, разводился, снова женился, придумал свой аппарат, научные работы написал, методики создал, свой кабинет открыл…

Но как же дает о себе знать ингушская кровь, ингушский менталитет у этих урожденных европейцев! Старший, например, очень строг в одежде: когда идет в школу, рубашку до самого верха застегивает, никаких шорт – мужчина должен носить брюки!

С первой женой он прожил лишь несколько месяцев, а потом встретил женщину своей судьбы – Хаву. Она настоящая ингушка, хотя выросла в Европе, куда родители привезли ее еще совсем молодой. Друзья посоветовали познакомиться с девушкой, она жила в Валонии, говорили – очень симпатичная ингушка. Поехал и убедился в этом сам…

У них четверо детей. И есть еще сын Мурада от первого брака, которого он тоже не забывает. Любимица – красавица дочка, синеглазая четырехлетняя Сигале, что по-ингушски означает «небо». Мурад признается, что всегда мечтал о дочке. «Получилось только с пятого раза», – улыбается он.

Все дети, разумеется, говорят по-ингушски, учатся в лучшей школе города с очень строгими правилами. Все четверо родились в Бельгии. Но как же дает о себе знать ингушская кровь, ингушский менталитет у этих урожденных европейцев! Старший, например, очень строг в одежде: когда идет в школу, рубашку до самого верха застегивает, никаких шорт – мужчина должен носить брюки!

В школе дети делают доклады о своей этнической родине. Старший рассказывал об ингушских башнях. А потом упрекнул родителей: «Я готовлю доклады об Ингушетии, а никогда не видел родину». В 2017-м поехали всей семьей в Ингушетию. Детям понравились две вещи: горы и «русские машины». Они рассказывали о них по приезде друзьям как о каком-то чуде из чудес, потому что в «русских машинах» не было ремней безопасности (в Ингушетии не принято пристегиваться). А дети ремни ненавидят! И еще в некоторых «русских машинах» стекла опускаются большими крутящимися ручками – можно высунуться по пояс из машины…

Хава, несмотря на многочисленные хлопоты с детьми и домом, не отказалась от профессии, работает косметологом. Ее бьюти-кабинет оборудован прямо в их доме, как и кабинет супруга. Площадь позволяет, ведь Султыговы обитают в центре города, в историческом доме постройки XVI века, где жилая площадь – 680 квадратных метров, а участок земли возле дома – 200

квадратных метров. Сколько в доме комнат, они и сами хорошенько не помнят... Покупали дом в кредит, но уже расплатились. Вот так живут в Бельгии семейные врачи.

Хава сожалеет, что мы не успеваем приехать к ним в гости. Признаться, я тоже. Хотелось бы посмотреть на такое чудо...

ХОТЕЛ ПОМОЧЬ СВОЕЙ РОДИНЕ

Во время нашего разговора Мурад вспоминает об одном эпизоде в своей жизни – встрече с главой Ингушетии Евкуровым и ее последствиях: несбывшихся надеждах.

Встреча произошла в городе Антверпен. Говорили о здравоохранении. Евкуров интересовался у соотечественника: что необходимо для улучшения этой отрасли в республике? Какая аппаратура?

– Ничего не надо, говорю. Сканеров, УЗИ, того, что уже есть, – более чем достаточно, на сто лет хватит. Не нужно больше аппаратуры, тем более в Ингушетии. Надо поменять образование, обучение специалистов. «Как! У нас же хорошее образование!» Хорошее, отвечаю, в том, что касается фундаментальных наук. Но с 3-4 курса начинаются клинические предметы, которые учат по старым учебникам. Анатомию можно и по пироговским учить. А клинические науки надо преподавать по-новому...

Мурад предложил помочь землякам освоить систему «семейный врач». Ведь на Западе всё просчитали и поняли, что если столько функций будет выполнять один доктор, то государству выгоднее, дешевле, и эта система прекрасно работает. Ингушетия маленькая, из нее можно сделать пилот-сту-

Он, прожив большую часть жизни в благополучной Европе и добившись здесь успеха, остался ингушом

дию, отработать технологию, а затем распространить ее на всю Россию. Евкуров, ссылаясь на личное знакомство и хорошее отношение с министром здравоохранения России, пообещал полное содействие инициативе.

Мурад предложил бесплатно обучать студентов-ингушей, принимать их на практику. Одно условие: это должны быть не дети состоятельных родителей с купленными дипломами, а те, кто действительно хочет учиться новому и хотя бы базово знает английский. Отбирать будущих семейных врачей хотел сам, проводя собеседование по видеосвязи.

Пообещал подготовить все предложения, оформить план, концепцию, аргументы и все предложения изложить письменно.

Согласитесь, необыкновенно щедрое предложение. Особенно для человека, который живет в Европе. Почему он на это пошел? Ответ простой: «Душа за родину болит. Хочется, чтобы там людям хорошо было». И еще потому, что насмотрелся на последствия современного положения российского здравоохранения, ингушского в частности. Здесь, в Бельгии, у него есть русскоязычная пациентка. Пожаловалась на глаз. Он посмотрел и понял, что в глубине глаза – раковая опухоль. Написал пациентке рекомендацию к французскому врачу, который лечит такие редкие опухоли. Диагноз подтвердился, ее тут же пролечили по специальной методике, без операции. Прошло семь лет после лечения, женщина жива и выглядит нормально. А однажды он увидел женщину, приехавшую из Сибири, с тем же редким видом заболевания. Ее оперировали в Москве. Мурад, опытный врач, признаётся – такого ужаса не видел: четверть черепа, пол-лица вместе с глазницей удалено, кожа натянута, глаза нет... Изуродовали человека. «Такое впечатление, что над людьми просто издеваются, иногда несуществующие опухоли удаляют», – с горечью констатирует Мурад.

На подготовку концепции для реформы ингушской системы здравоохранения он потратил почти месяц. Сначала просмотрел все законы России, касающиеся здравоохранения. Оказалось, что законы – вполне годные! По семейному врачу и придумывать ничего не надо. Но написано-то много, а ничего не работает. Тогда начал писать свои предложения, а у него даже клавиатуры с кириллицей не было! Раздобыл, вспомнил навыки русского письма, месяц личного времени потратил. К своему электронному письму приложил все законы отдельным файлом – бери и делай!

Мурад был доволен проделанной работой. Уже готовился из массы желающих выбирать лучших для практики. Отправил письмо с предложениями и... по сегодняшний день ответа из Ингушетии не дождался.

Сделал попытку позвонить в приемную министра здравоохранения России: «Передайте – коллега звонит из Бельгии, я в Москве учился, мне на два слова, у меня есть предложение. Или дайте личный электронный адрес...» Но по голосу помощника понял, что совершил что-то сродни святотатству, нарушил все правила...

Обидно, что потратил столько сил и времени, мечтая вернуть земских врачей в Россию. Ведь всё было реально, всё можно было сделать. Больно и горько, обидно за державу.

И всё же... Мурад часто вспоминает слова Пушкина из письма Вяземскому: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Он, прожив большую часть жизни в благополучной Европе и добившись здесь успеха, остался ингушом. И любовь к родине, пусть с привкусом горечи, никогда не остынет в его сердце.

БАРСЕЛОНА

Те, кто оказались волею судеб в Испании, отмечают схожесть Королевства с Ингушетией

Во-первых, это одна из самых гористых стран Европы. Во-вторых, есть и другие «похожести»: уникальная, нигде больше не встречающаяся архитектура, сильная привязанность к дому, традиционная религиозность. И, кстати, всё тот же «национальный вопрос», который всегда сопровождал испанцев. Да и территориальные конфликты случаются...

В некоторых районах Испании у жителей в лексиконе есть одинаковые с ингушскими слова

У ингушей и испанцев гордый нрав, оба народа способны на широкое проявление чувств, их легко можно узнать в любой точке мира по экспрессии

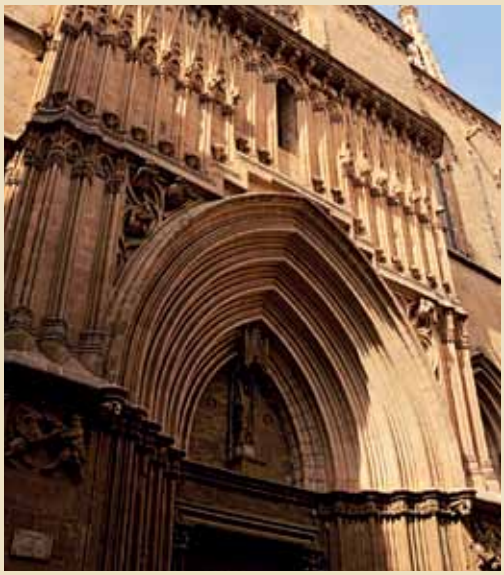

Вот предновогодняя история, которая свела вместе испанцев и ингушей. Случилось это в декабре 2018 года в Магаданской области. Заядлый путешественник из Испании Хосе Андрес в одиночку решился на велосипедное турне по этому суровому краю (а столбик термометра здесь зимой опускается ниже отметки 50 градусов).
Он и предположить не мог, насколько рискованной была его затея! Парень стал замерзать. Неизвестно, как закончилось бы турне, но только на его пути возникли молодые «местные» ребята – ингуши. Чудом оказавшись на бескрайних просторах Колымы, они спасли горячему, но в тот час заметно поостывшему испанцу жизнь.

Хосе благополучно вернулся на родину, но своих спасителей – Ваху, Мусу и Аслана, с которыми побратался вдали от своей родины, на заснеженной сусуманской трассе, – часто вспоминает. А это значит, что у ингушей, в силу различных жизненных перипетий оказавшихся на большей части Пиренейского полуострова, есть как минимум один надежный друг, товарищ и брат. На самом же деле друзей у ингушей здесь гораздо больше, хотя ингушская диаспора в Испании немногочисленна. Пути Господни неисповедимы, но ингуши всегда найдут случай расширить братский круг.

ЗАСТЫВШАЯ МУЗЫКА ДУШИ

РАМЗАН СУЛТЫГОВ ИСКРЕННЕ СЧИТАЕТ, ЧТО ВСЕГДА БЫЛ ДАЛЕК ОТ ПОЛИТИКИ, НО В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ОСТАТЬСЯ НЕЙТРАЛЬНЫМ ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО

Поэтому именно он, Рамзан Султыгов, ингушский каменщик из Каталонии, выступал 30 октября 2018 года на Всемирном Конгрессе ингушского народа после подписания 26 сентября 2018 года соглашения между Евкуровым и Кадыровым о границах. Выступал от имени ингушских диаспор трех стран – Испании, Португалии и Англии – против соглашения. Великая честь, огромная ответственность и личный выбор – возвысить свой голос против творящейся несправедливости.

На самом деле политика давно и безжалостно присутствует в жизни Рамзана, ведь именно политические факторы обусловили его непростую зарубежную одиссею...

ВПЛАВЬ ЧЕРЕЗ ОДЕР

Он родился в Ингушетии, в красивом селении Яндаре, был старшим из 11 детей. В 90-х годах отец, заведовавший совхозным гаражом, остался без работы и без надежды устроиться на другую. Та же участь ждала и сыновей: тотальная безработица и безнадежность царили в республике. Рядом, в Чечне, полыхала война. В Центральной России к «лицам кавказской национальности» отношение было соответствую-

щим – настороженно-враждебным. Без связей и знакомств, без жилья нечего и пытаться найти место под солнцем. И Рамзан решил уехать из страны.

– Здесь, зарабатывая и отправляя на родину хоть какие-то деньги, я буду и копилку своей родины пополнять, и семье помогать, – объясняет он свое решение. Очень показательна такая общественно-личная мотивация: раньше думай о родине...

Проще всего было выехать в Польшу, она тогда, в 1995-м, еще не вошла в Евросоюз, это случилось только в 2004-м. Польша была лишь транзитной точкой, но там он провел довольно долгое время. Готовился. Изучал, где и в каком месте перейти границу, как заработать деньги, чтобы дальше двигаться. И учил языки, понимая, что без них – никуда. Сейчас он владеет французским, итальянским, английским, понимает польский и немецкий, может общаться на голландском. Испанский у него – перфекто, как говорят коренные жители, но ведь он три года потратил на то, чтобы избавиться от русского и ингушского акцентов. А сейчас изучает латынь и старославянский – просто потому, что это интересно. Удивительно талантливый человек!

Но вернемся к его одиссее. Из Польши он стремился в «настоящую» Европу, в Германию. И попал туда нелегально. Переплыл Одер, разделяющий две страны. Зимой, ломая лед локтями, переплыл!

Оказалось, что и в вожделенной Германии всё не просто: надо было

просить политического убежища, жить в лагере для нелегальных эмигрантов, пройти сотни бюрократических процедур... Свободолюбивому молодому ингушу всё это показалось невыносимым. Проще пешком, нелегально идти через границы. Были невзгоды, были приключения – на целый роман хватит. Даже в депортационной тюрьме пришлось посидеть (за давностью лет этот эпизод биографии уже аннулирован, но ведь было же, было всякое)... И пришел, наконец, в страну солнца, тепла и своего призвания – в прекрасную Испанию. Здесь, в городе Манреса, недалеко от Барселоны, он теперь живет, работает, воспитывает детей.

Талант каменщика в Рамзане заложен на генетическом уровне, от предков, строивших знаменитые ингушские башни, в том числе и его родовую – Султыг. Талант этот дремал до поры, но старый испанец разбудил его

ДЕЛАЙ ДОБРО И БРОСАЙ ЕГО В ВОДУ

В Испании он начал с подсобного рабочего у строителей. Очень быстро сам, вприглядку, научился многим профессиональным хитростям. Появились заработки, он уже мог позволить себе снять жилье, создать свою бригаду, заниматься ремонтом. Приехал на родину, женился и вместе с женой вернулся в Испанию. А вскоре случилась история, которая определила всю его дальнейшую профессию и судьбу.

По соседству жил старик-испанец по имени Хосе Антонио Маршалл. У него было двое сыновей, но они не поддерживали его, потому что отец по ряду принципиальных обстоятельств не общался с ними. Ингуш, воспитанный в почтении к старшим, не смог остаться равнодушным, стал помогать одинокому испанцу, заботиться о нём. Ни на какую благодарность не рассчитывал – просто иначе не чувствовал бы себя ингушом, не уважал бы себя. А Антонио был потомственным мастером, работавшим с камнем. И вскоре сказал, что хочет сделать подарок. Он предложил Рамзану обучить его своему ремеслу.

Старик предполагал учить его полгода. Но уже через две недели признался, что еще не видел человека, который был бы настолько приспособлен для ремесла сухой кладки – когда камень кладется на камень без всякого раствора. Это очень редкие специалисты, их привлекают для реставрации средневековых каменных зданий. Антонио не хотел передавать свои секреты в недостойные руки. Рамзана счел достойным.

Уверена: талант каменщика в Рамзане заложен на генетическом уровне, от предков, строивших знаменитые ингушские башни, в том числе и его родовую – Султыг. Талант этот дремал до поры, но старый испанец разбудил его и огранил природный алмаз, превратил в ослепительный бриллиант. Рамзан любит камень, чувствует его, считает лучшим строительным материалом и уверен, что у каждого камня есть свое место в строении, задача мастера – найти его. И это настоящий мужской труд.

Когда Рамзан закончил свою первую самостоятельную работу, он на свои деньги купил несколько старинных предметов: колесо от телеги, плуг, деревянные вилы... И разместил их в отреставрированном интерьере. Антонио, увидев это, спросил: «Так было?» Рамзан сказал, что нет, не было, это его подарок. Антонио прослезился: «Я передал тебе искусство работы с камнем, но с искусством быть человеком ты родился».

Рамзан с радостью окунулся в атмосферу старины. Он реставрирует строения XVI–XVIII веков. Коллекционирует старинные предметы быта. В Каталонии порядка 700 зданий, двор-

Каждый год, невзирая на большие расходы, отец привозит детей на их историческую родину

цов, замков, которые принадлежат католической церкви. Это не храмы, а частные строения, которые были покинуты за неимением наследников и выкуплены церковью. Каждый год что-то восстанавливается. Рамзану на его век работы хватит. Впрочем, это не просто работа: это искусство, творчество, рукотворная песня души. Испания в плане архитектуры – удивительная страна, родина гениев. Признание именно здесь дорогого стоит.

И всё же главная мечта Рамзана – заняться реставрацией родных ингушских башен. Хотя бы одной!

ДЕТИ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ СВОЙ ДОМ

У Рамзана давно уже испанское гражданство, у детей – двойное гражданство, у жены – вид на жительство. И хотя его дети родились в Испании, первый язык, который они выучили, – родной, ингушский. И дома говорят на нём. Каждый год, невзирая на большие расходы, отец привозит детей на их историческую родину, чтобы они могли побыть в родной языковой и ментальной среде, пообщаться с родственниками, приобщиться к исконным традициям своего народа. Для него это очень важно: живя на чужбине, не отрываться от корней и не отрывать детей.

Детей пятеро: две девочки и три мальчика. Старшие учатся в платной частной школе, из которой вышла вся местная элита. Удовольствие довольно дорогое – 150 евро в месяц за одного ребенка. Но оно того стоит: учителя действительно выкладываются, образование дают качественное. Отец хочет дать детям максимальные стартовые возможности, и хорошее образование – непременная их составляющая.

У каждого ребенка в этой семье – свой талант. Старшей дочке 15 лет, она рисует. Продала пока одну картину, но зато кому – Эрнесто Инаркиеву, известному ингушскому шахматисту! Он был в гостях, влюбился в картину юной художницы и купил эту работу.

Старшему сыну 13 лет, он шахматист. В прошлом году после четырех лет упорного труда завоевал право попасть на чемпионат мира по шахматам. До этого ни один представитель маленького, но древнего городка Манресы такой чести не удостаивался. И характерная деталь: школьный шахматный клуб четыре года назад появился благодаря тому, что сын Рамзана, один-единственный из учеников, хотел играть в шахматы.

Средний сын – дзюдоист и футбольный вратарь. Дочка-второклассница увлечена балетом. А у самого младшего, четырехлетнего сына еще есть время, чтобы найти себя. Не сомневаюсь, что и у него есть свой дар.

НЕ МОГУ ИНАЧЕ

Рамзан всегда ездил с сыном-шахматистом на соревнования. Поддерживал его, готовил, психологически настраивал на победу. Но так совпало, что в один и тот же день должны были состояться и чемпионат мира, и Всемирный Конгресс ингушского народа. И Рамзан – любящий, трепетный отец – выбрал всё же участие в Конгрессе.

– Есть такой фильм, называется «Берега», грузинский. Я знаю его наизусть, потому что каждый год пересматриваю. Там произносится такая фраза: «Я не могу иначе. Я поступаю так, потому что не могу иначе», – объясняет Рамзан свой поступок. Невозможно остаться в стороне, когда решается судьба твоего народа, твоей родины. Для него – невозможно.

– У нас есть чувство ответственности перед соседями, – рассказывает

Рамзан. – Даже на этих митингах после принятия Соглашения мои земляки больше всего старались действовать в рамках правового поля, не допустить провокаций, вооруженного конфликта, чтобы это не отразилось на карачаевцах, на дагестанцах, на чеченцах. Я же знаю, какие настроения были, часами сидел на телефоне, разговаривал с людьми. С Даскиевым Ибрагимом, с Барахом Чемурзиевым, с Мальсаговым Мусой. Именно чувство ответственности – желание своими проблемами не навредить другим людям. Я тоже чувствую эту ответственность.

Мы, конечно же, обсуждали с Рамзаном ингушские события, гадали, кому и зачем понадобилось вбивать клин между вайнахами. У него есть своя версия, очень практичная и здравая, как мне показалось.

– Для того, чтобы открыть таможенный пост с Грузией, по закону нужно сто километров границы. Таможенный

Он рассказывает испанским друзьям про ингушские башенные комплексы, и многим из них уже не терпится приехать в Ингушетию, чтобы увидеть башни собственными глазами

пост – это большие денежные потоки, – считает мой собеседник.

Гипертрофированное чувство ответственности порой проявляется у него в весьма необычной форме. Эпизод забавный, но многое говорит о характере Рамзана.

– Однажды приехал знакомый – его прислал один ингуш, которого я очень уважаю, попросил помочь гостю. Вечером мы пошли в ресторан, и он сильно перебрал, ему начали мешать сидящие рядом. Я как-то постарался его угомонить, дипломатично вывести оттуда. Мы вышли из ресторана, до машины надо было метров триста идти. И тут он начал бить фары, двери припаркованных машин. Невозможно было его остановить. Единственный способ – переключить внимание, сделать так, чтобы он сам сильно удивился. И тогда я залез на крышу машины, начал бегать по всем стоящим в ряд автомобилям. Говорю ему: если дурачка валять, валяй как надо, что ты к фаре прижался? Если бьешь, давай сверху бей! – со смехом рассказывает Рамзан. – И тогда уже он говорит: пойдем домой... Потом я прошелся по всему ряду и записки с номером своего телефона повесил на дворники, чтобы мне предъявили претензии. Ну, я там влетел в копеечку. Мог бы и не пойти на это, никто нас не видел. Но как в зеркало потом смотреть?

НО РОДИНА МИЛЕЙ

Испания пришлась ему по сердцу и по плечу. Даже странно, что здесь живет не так уж много ингушей, ведь два народа во многом схожи, уверен Рамзан. Похожи и характером, и доброжелательностью, и гордостью. Даже внешностью. Испанию нельзя не полюбить, каждый, кто хоть раз побывал там, знает об этом. А уж если прожить здесь почти четверть века... Покорили его и прекрасный средиземноморский климат, чудесная природа, великолепие архитектурных памятников. Горный монастырь Монтсеррат он старается показать каждому, кто приезжает в гости, ведь это настоящее рукотворное чудо, гармония природы и творения рук человеческих. Еще одно любимое место – парк Гуэль в Барселоне, шедевр великого Гауди.

Но с куда большим восторгом он рассказывает испанским друзьям про ингушские башенные комплексы, и многим из них уже не терпится приехать в Ингушетию, чтобы увидеть башни собственными глазами.

Свои политические заморочки тоже есть – каталонцы, как известно, мечтают отделиться от Испании... Но все эти перипетии не мешают местным жителям жить в полную силу и наслаждаться каждым прожитым днем. Тоже своего рода искусство.

А что мешает ему поступать так же – в полную силу наслаждаться жизнью? Счастливый муж и отец, известный, востребованный специалист, занятый любимым делом, успешный, благополучный, небедный... Что не так? Да известно что: тоска по родине. Она не отпускает все эти годы. Но...

– Дела на нашей родине таковы, что хоть кому-то надо пока находиться подальше. Обидно! – с горечью констатирует Рамзан.

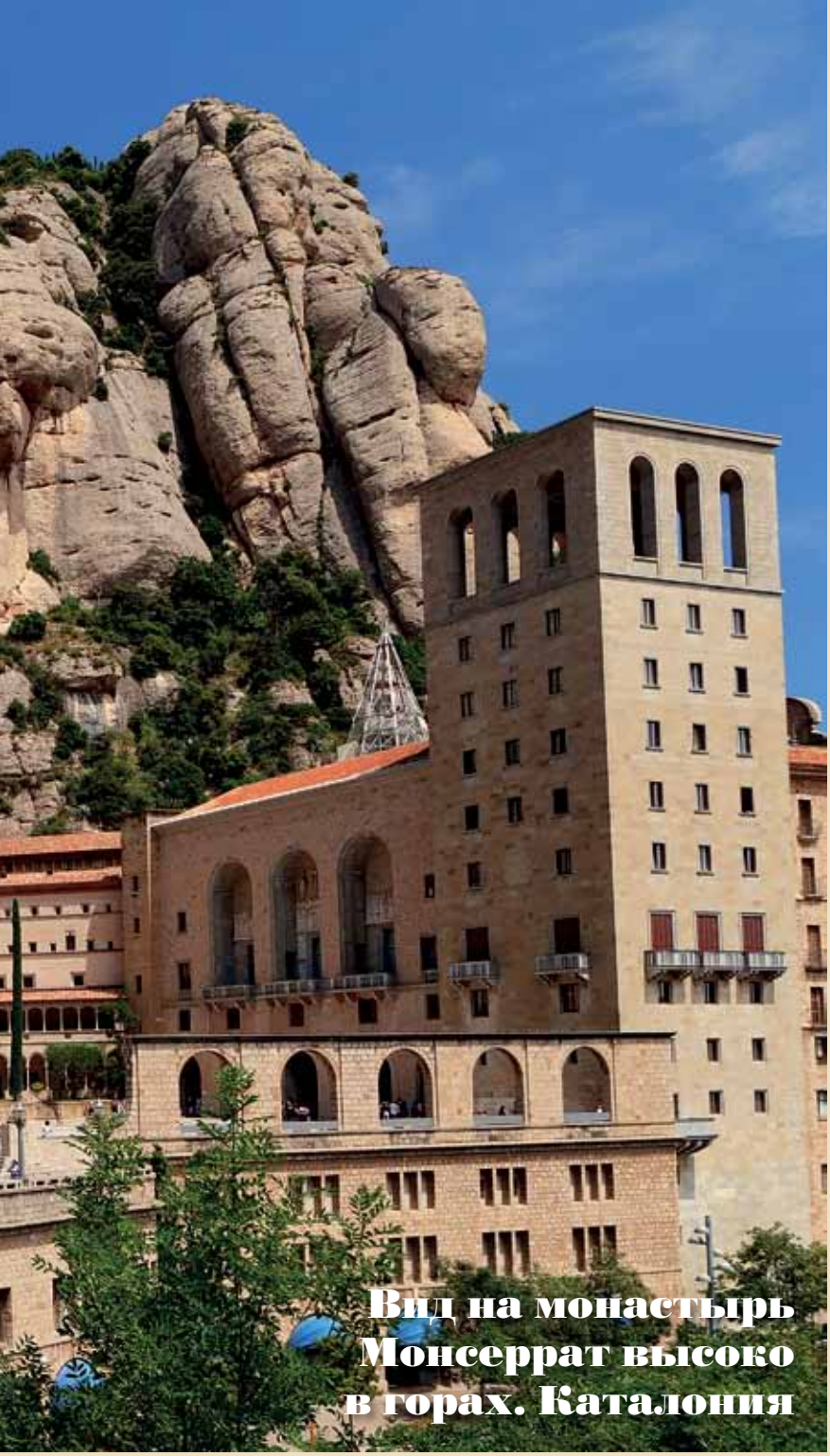
И точно знает: если с ним что-то случится, похоронить его должны только на родине, в Ингушетии, в Яндаре, только там. Ради этого он платит огромные страховки. Потому что вернуться надо обязательно – живым или мертвым. Лучше, конечно, живым...

Вид на монастырь Монсеррат высоко в горах. Каталония

Фото из семейного архива Рамзана Султыгова

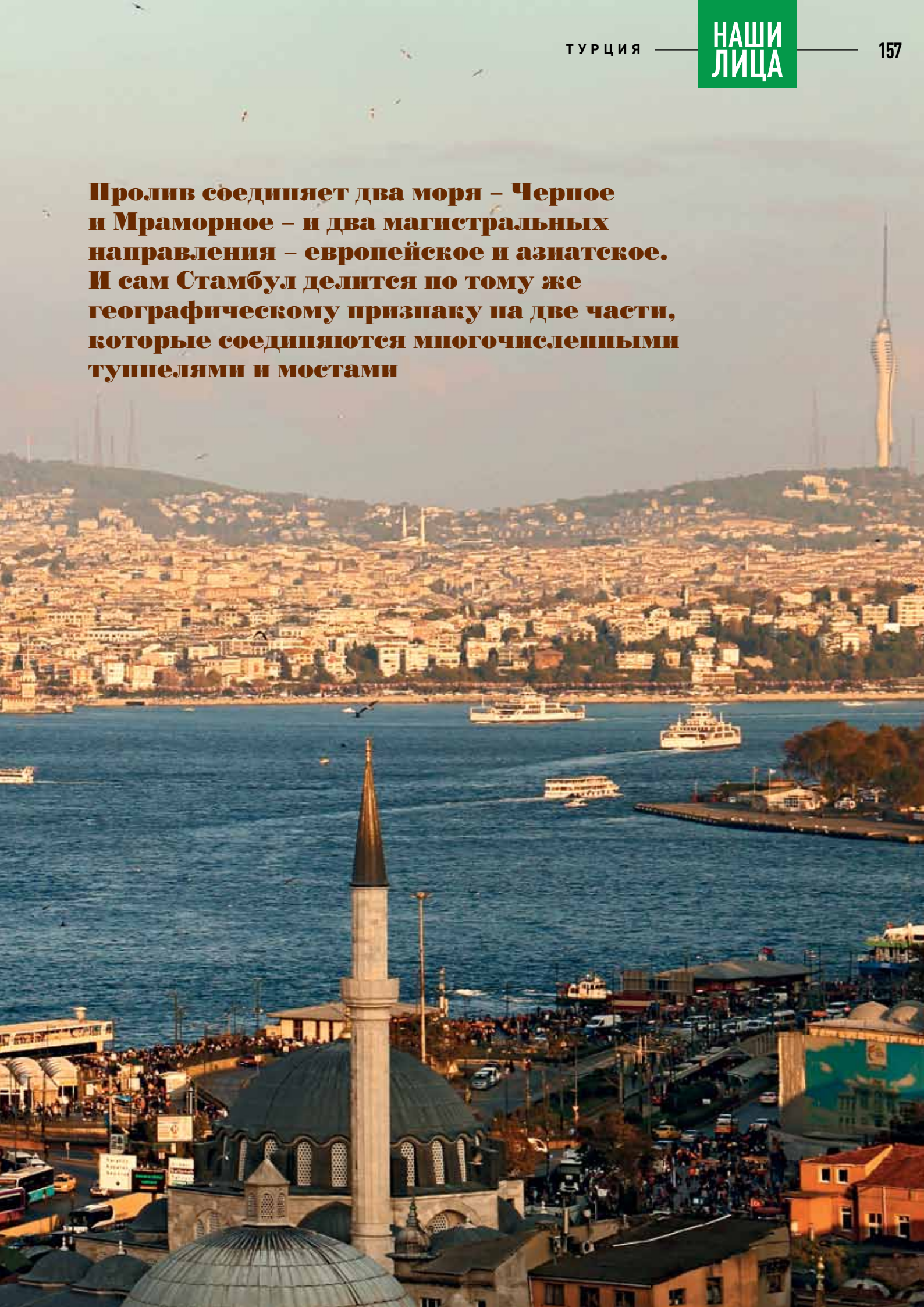

СТАМБУЛ

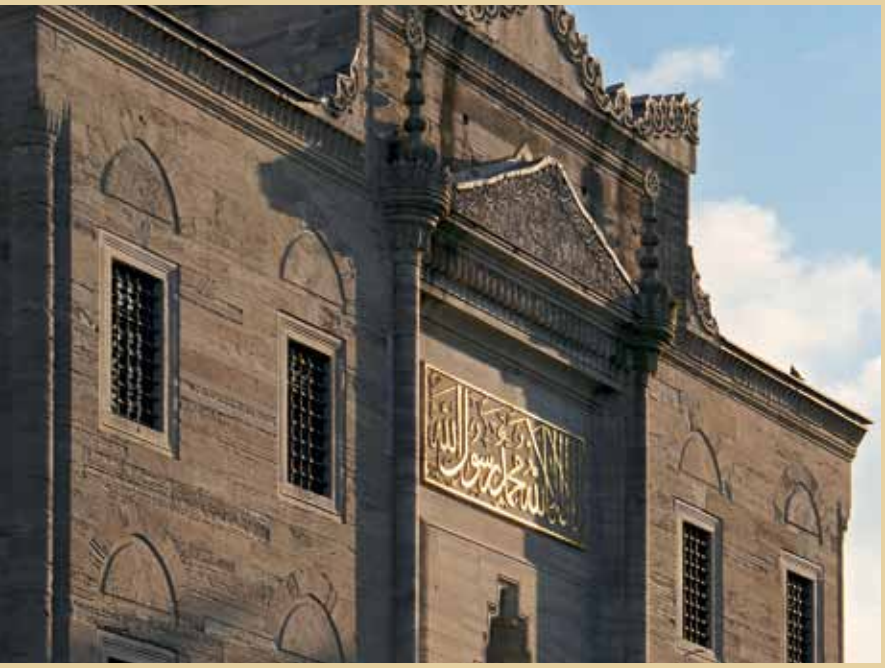

Пролив соединяет два моря – Черное и Мраморное – и два магистральных направления – европейское и азиатское. И сам Стамбул делится по тому же географическому признаку на две части, которые соединяются многочисленными туннелями и мостами

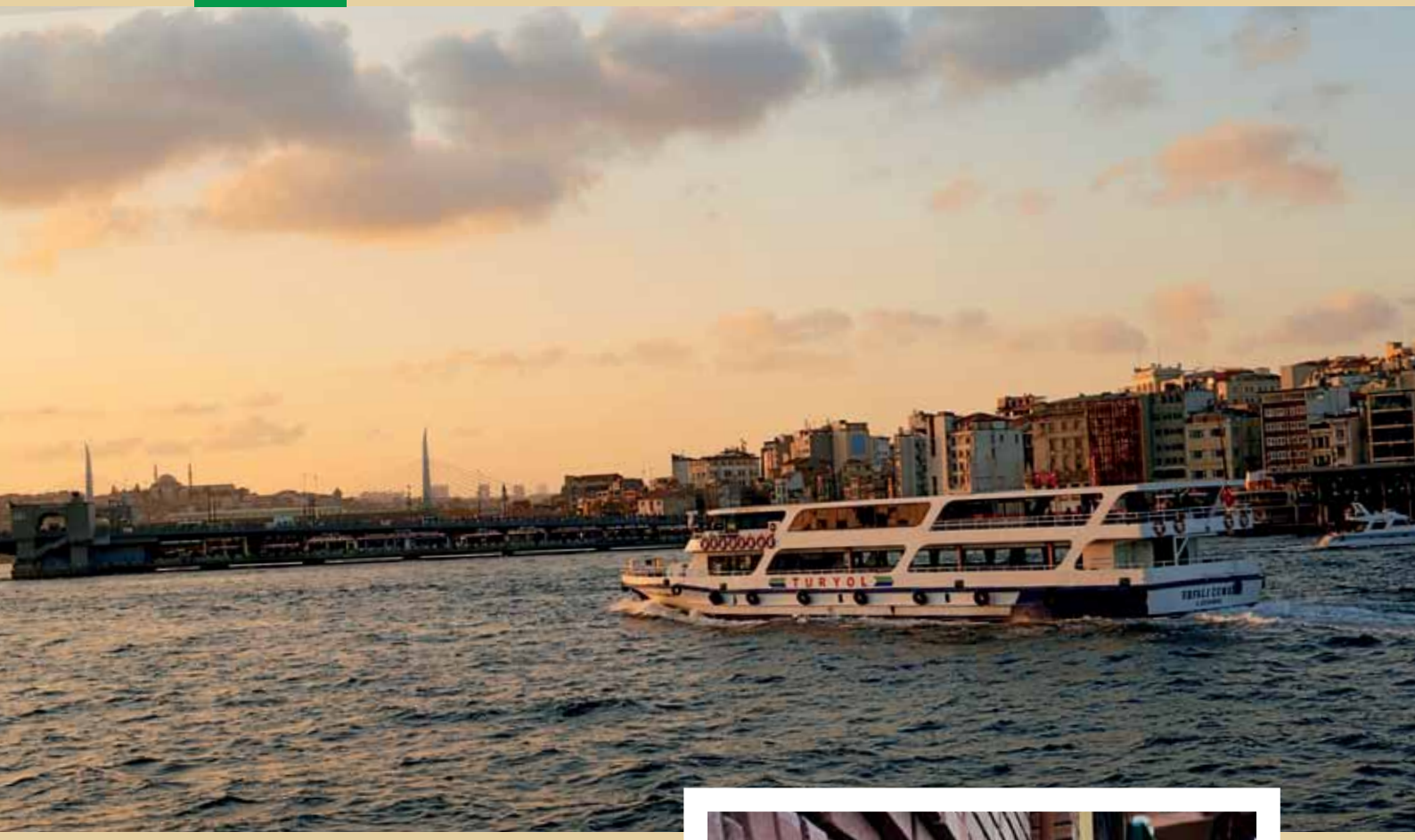
Первые впечатления от столицы Турции были сильнейшими, казалось, что она заворожила и поглотила сразу: с первого взгляда, с первого звука муэдзинов, с первого вдоха стамбульского воздуха

Город дворцов, храмов (здесь 64 мечети и 49 исторических церквей), а также множества иных древних достопримечательностей – всё это – многоликий Стамбул

إن الصلوة كانت على المؤمنين كتابا موقوتا

London
Pub

Стамбул – «смотрящий» за Босфором. Город контролировал торговые пути из Европы в Азию. Роль форпоста, по понятным причинам, была рисковой: неоднократно Стамбул подвергался нападениям

Благодаря своему удачнейшему географическому и стратегическому положению будущий мегаполис был у всех на виду

أبو بكر رضي الله عنه
عثمان رضي الله عنه

mikro

Турецкий РУБЕЖ

МНОГИЕ ПЕЧАЛИ И БЕДЫ ПРИНЕС XIX ВЕК В КАВКАЗСКИЕ СЕМЬИ. РОССИЯ СТРЕМИЛАСЬ ПОДМЯТЬ КАВКАЗ ПОД СЕБЯ В ХОДЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ПОЛУВЕКОВОЙ ВОЙНЫ. ИМПЕРИЯ ЖАЖДАЛА РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦ. НО ГОРЦЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ, НЕ ЖЕЛАЯ УХОДИТЬ СО СВОЕЙ ЗЕМЛИ

BARIŞ KÖPRÜLERİ
Küçük Mucizeler Dükkanı
DEBBIE MACOMBER
BALAKAN SOKAĞI
ÖNCE İNSANIM SONRA GAZETECİ

Война могла затянуться еще на несколько десятилетий, однако правительственные чиновники, военачальники России и Турции пошли на политические уловки. Царское правительство при поддержке правителей Османской империи разработало план переселения неугодных и беспокойных кавказцев за пределы Кавказа.

В ПОЛЫМЯ

Им – ингушам, чеченцам, аварцам и другим народам Кавказа – посулили на новой родине лучшую жизнь. Уставшие от войны и травли люди искали покоя и воли. Для одних решающим стал аргумент быть ближе к Мекке, другим, и в первую очередь – малоземельным ингушам, пообещали в Турции решить земельный вопрос.

Так, по официальным данным, с 1858 по 1865 год с Северного Кавказа переселилось более полумиллиона человек. Сохранилась переписка русского консула в Константинополе Мошина с генералом Кирцовым. В их письмах приводятся данные о том, что средняя смертность в день (!) составляла около 200 человек. Свирепствовал тиф, царила полная антисанитария. Обещания райской жизни оказались ложью. Горцы стали искать пути возвращения на родину. Но был дан, по сути, официальный приказ – никого не пускать в Россию. Александр II показал пример, наложив на одно из прошений от уехавших весьма красноречивую резолюцию: «О возвращении и речи быть не может». Беженцы оказались заложниками политических игр. Многие вынужденно осели в Турции с мечтой вернуться домой. Но проходили десятилетия, и становилось понятно, что мечта эта – неосуществимая, несбыточная.

Ингушская диаспора в Турции – весьма внушительная. Но только сравнительно недавно (с конца 80-х годов прошлого века) мои коллеги стали активно публиковать статьи о представителях ингушской эмиграции. Выходили телесюжеты, даже издавались книги. Поэтому перед поездкой у меня не было недостатка в источниках информации об ингушской диаспоре в Турции. Да и выбор собеседников был заслуживающим уважения – уверена, что каждый достойно представил бы свой род.

Однако был человек, о котором мне рассказывали многие и рекомендовали встретиться именно с ним. Сельман Бештой (Ахриев) – руководитель ингушской диаспоры в Турции. Эта кандидатура казалась мне наиболее интересной, и, замечу, интуиция меня не подвела. Однако, когда позвонила Сельману, чтобы договориться о встрече, выяснилось, что он говорит только на турецком или английском языке. Я приуныла. Но каково же было удивление, когда вскоре от него пришло сообщение на русском языке, в котором сообщалось о предлагаемом им месте встречи и ее формате! Это был тот самый случай, когда современные коммуникационные технологии оказались очень полезными.

Так что в Стамбул мы собирались с легким сердцем, предвкушая приятное знакомство.

ГОРОД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Прилетели мы утром и поселились в Istanbul Golden City Hotel. Замечательный вариант для путешественников. Из окон отеля открываются панорамные виды на Стамбул и Босфор, на мечети и Галатскую башню, на мосты... Первые впечатления от столицы Турции были сильнейшими, казалось, что она заворожила и поглотила сразу: с первого взгляда, с первого звука муэдзинов, с первого вдоха стамбульского воздуха. Несомненно, сыграло роль то, что Стамбул до этого момента воспринимался как факт из всемирной истории, неоднократно упоминаемый в учебниках истории и географии.

Когда-то столица Римской, Византийской, Латинской и Османской империй, а теперь – главный торговый, промышленный и культурный центр, центральный порт страны – проплывал за окном нашего такси. Мы с трудом верили в реальность происходящего. Город дворцов, храмов (здесь 64 мечети и 49 исторических церквей), а также множества иных древних достопримечательностей (колонны, крепости, подземные цистерны и др.) – всё это – многоликий Стамбул. Он жил колоритной и шумной жизнью во все времена. Да иначе и быть не могло: благодаря своему удачнейшему географическому и стратегическому положению будущий мегаполис был у всех на виду.

Стамбул – «смотрящий» за Босфором. Город контролировал торговые пути из Европы в Азию. Роль форпоста, по понятным причинам, была рисковой: неоднократно Стамбул подвергался нападениям.

Это первый по численности «миллионник» в Европе. Удивительно, но ингуши в нём не затерялись

Экскурсоводы обязательно напомнят одну из самых популярных легенд, рассказывающую о том, как пролив получил свое название. Дочь древнейшего аргивского царя Ио – прекрасная возлюбленная любвеобильного Зевса – стала его жертвой. Он превратил ее в белую корову, чтобы избежать гнева своей жены Геры. Несчастная Ио, спасаясь, нырнула в пролив, названный после этого «коровьим бродом», или Босфором.

Пролив соединяет два моря – Черное и Мраморное – и два магистральных направления – европейское и азиатское. И сам Стамбул делится по тому же географическому признаку на две части, которые соединяются многочисленными туннелями и мостами.

Местные жители считают своей, родной «азиатскую» часть. Европейская, по их мнению, – «витрина» для туристов. На меня огромное впечатление произвела именно азиатская. Притягательно-прекрасная!

ВОЛЯ АЛЛАХА

В Стамбуле проживает примерно 20 миллионов человек, из которых 15 – официально и 5 – «понаехавшие». Это первый по численности «миллионник» в Европе. Удивительно, но ингуши в нём не затерялись. Это стало понятно с первых же минут нашей встречи с Сельманом Бештой. Он пришел вместе с экс-руководителем общины ингушей в Турции Кенаном Джошкун.

Они забрали нас из отеля утром и повезли, попутно рассказывая о местах и районах, которые мелькали за окном, в Moda Deniz Club. Здесь мы завтракали и общались. Атмосфера кулуарная, располагающая к доверительному общению. Продумано всё для наслаждения жизнью: бассейны, кафе, залы. Всё, что душе угодно, – вокруг и рядом. И для семейного отдыха, и для романтического. И люди ценят это, проводят здесь время и общаются свободно, спокойно, легко и радостно.

Сельман оказался читателем нашего журнала. У него есть пять его выпусков. Рассказал, что, когда бывает в Ингушетии, интересуется, вышел ли

свежий номер. Кроме того, просматривает новости о республике в соцсетях, заходит и на страницу «НАШИХ ЛИЦ».

В Яндаре (село в Назрановском районе Республики Ингушетия) живут его родные по линии деда. С ними также поддерживается связь.

На визитке Сельмана значится: H. Selman Bestay. В Ингушетии есть башенный комплекс Бишт, и вопрос о принадлежности моего собеседника к этому тейпу был логичным. В ответ он отрицательно покачал головой и рассказал свою историю – весьма и весьма интересную.

Предки Сельмана – выходцы из тейпа Ахриевых. Он сам родился в 1974 году в Стамбуле. С того места, где мы сидели, было видно берег, на котором прошло его детство. Потом отец Сельмана решил, что Стамбул очень многолюден, и семья переехала в Бейшехир, где с позапрошлого века компактно проживают ингуши. Но лето Сельман проводил в Стамбуле. Начальное и среднее образование получил в Бейшехире. Поступив в университет, Сельман покинул Бейшехир.

Его дедушка в шестом поколении, по сути, задал начало новой истории рода, когда решил уехать из Джейраха. Это произошло после того, как его род решил положить конец кровной мести, перейдя в новую семью – к Бештоевым.

– Это воспринималось как жертвоприношение, тем более что одно из условий примирения кровников – сближение по родству. Вообще, это долгая церемония, но наши предки ее прошли и в итоге стали Бештоевыми, хотя изначально мы – Ахриевы, и память об этом сохраняем, – говорит Сельман.

Сто тридцать лет назад его предки перебрались в Турцию. В 1865 году Российская империя освобождает (а вернее – зачищает) территорию села Яндаре, город Карабулак от ингушей. Генерал Ермолов – наместник Север-

ного Кавказа, получивший безграничные полномочия в борьбе с горскими народами, – жестко и беспринципно вытесняет коренных жителей.

– Одновременно с этим правительство Турции вело активную пропаганду: переселяйтесь, тут вам будет жизнь. Кроме того, мусульманское духовенство, ученых-богословов Северного Кавказа втянули в дискуссию на тему того, какую территорию надо считать мусульманской и нужно ли приверженцу ислама жить на земле, которой управляют «неверные». Турецкая сторона настаивала на том, что эмиграция – это испытание, посылаемое мусульманину, на то есть воля Аллаха. Тем более что самому Пророку (с.а.с.) также пришлось быть в эмиграции. Кто умрет на неисламской земле, тот попадет в ад, а кто хочет попасть в рай, должен умереть на исламской земле – вот такую вели пропаганду. И шейха Кунта-Хаджи запугивали этим же. А на деле оказалось, что людей просто обманывали. Во время переселения и в первые годы очень много людей умерло от голода, еще больше погибло от кинжалов, свинца и горя, – рассказал Сельман.

НЕПОКОРЕННЫЕ

А вот предки Кенана Джошкуа осели в османское время в Ираке. После эмиграции они сначала жили в Багдаде. Однако адаты арабов и ингушей разнились, и последние приняли решение уехать из города. Им выделили землю в ста километрах от Багдада, где ингушские переселенцы основали село Г1алг1ай-Юрт (Зиндан). В связи с месторасположением и политической обстановкой на данной территории жители Зиндана вынуждены были покинуть свои дома, и в настоящее время там никто не живет – пребывание на этой территории запрещено.

Говоря об орстхоевцах, невозможно не вспомнить исследователя Мурада Муртозовича Базоркина, который в своей книге «Дорога заговора и крови. Посвящается 100-летию выселения вейнахов в Турцию», изданной в Грозном в 1965 году, писал, как в 1864-1865 годах царское правительство приступило к одному из завершающих этапов своей колониальной политики – удалению с Кавказа наиболее непокорной части горцев Чечено-Ингушетии.

«Вейнахские племена (особенно «орштхойское») оставались помехой в деле окончательного удушения аборигенов завоеванного царизмом края.

Особое внимание и ненависть у царского командования вызывало племя орштхойцев (карабулаки), которое, живя на стыке между Чечней и Ингушетией, занимало важное (узловое) стратегическо-политическое положение, а также из-за его резкой непримиримости и свободомыслия.

От него больше всего хотелось избавиться царским завоевателям. Вот потому с орштхойцев и началось это новое выселение горцев.

Если выселение около ста семейств ингушей удовлетворяло царское командование, то об орштхойцах вопрос стоял гораздо жестче.

Как в начале отмечалось, их решено было обязательно всех выселить (если не поголовно всех, то, во всяком случае, максимальное количество)», – отмечается в книге Мурада Базоркина.

Правительство Турции оказывало определенную помощь переселенцам.

Во время переселения и в первые годы очень много людей умерло от голода, еще больше погибло от кинжалов, свинца и горя, – рассказал Сельман

Им выдавали деньги, продукты, выделяли скот. Однако чиновники Османской империи частенько оставляли всё это себе. Переселенцы жили в крайней нужде, их буквально косили голод и болезни. Но даже в таких условиях выжившие стремились быть полезными для страны, заменившей им родину.

– Мой дедушка был офицером в османской армии, участвовал в первой

мировой войне, – рассказал нам Кенан. – Вместе с братом попал в плен к англичанам. Только после завершения войны, при обмене пленных, их отправляют в Турцию. Они приехали в Бейшехир, потом участвовали и в освободительной турецкой войне (1918-1923 годы) как офицеры.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Дед Кенана был женат на девушке из черкесской семьи. Этот, казалось бы, сугубо личный, касающийся только его факт в одночасье круто изменил всю его жизнь.

– Историки отмечают усилия в освободительной войне в Турции черкеса Этхем-бея и его бойцов. В Бейшехире они вместе с другими кавказцами организовали сопротивление против итальянцев, очаги которого распространились по всей территории Турции. Им нечего было терять, их теперь снова гнали с земли, которая стала для них родной. В который раз они испытывали это горькое чувство утраты самого святого. И кавказцы боролись за турецкую землю так, как умели: до последнего вздоха, – продолжает свой рассказ Кенан.

Однако после войны Этхем-бей вступает в противоречие с военачальником и первым президентом Турецкой Республики Мустафой Ататюрком. Правитель категорично разрешает спор: черкесы становятся персонами нон-гранта. Их высылают за пределы республики без права на возвращение.

В который раз они испытывали это горькое чувство утраты самого святого. И кавказцы боролись за турецкую землю так, как умели: до последнего вздоха

Но в конце 20-х годов прошлого века в Турции вспыхивает восстание курдов. И на его подавление вновь привлекают черкесов – тех, кто остался в армии на тот момент. В ходе вооруженных действий дед Кенана погибает. Его жена тогда была беременна.

– Беременна моим папой, – уточняет мой собеседник. – Он родился через два месяца после гибели отца. Его растили в черкесском селе. Когда ему было лет пять-шесть, приезжал его дядя из Ирака, просил у родни разрешения забрать мальчика. Три месяца жил у них, дожидаясь решения. Но родственники упорствовали, и ребенок остался с черкесами. Потом дядя привозил своих детей, папа ездил в Ирак, они общались. Это было в 1935 году.

С детства помню, как отец всегда повторял, что мы из рода Албоха. Если перевести на турецкий, то «ал» означает красный, а «боа» – бык, то есть «красный бык». А у нас в семье были рыжеволосые, и я воспринимал буквально название нашего рода. Много лет спустя, когда поехал в Иорданию, папин кузен объяснил, что Албоха – это семья Албогачиевых. Мы стали искать нашу родню в России. Нашли и сопоставили родословные. Познакомились с замечательной Маккой Албогачиевой – ученым, исследователем, этнографом...

С родными в Ираке Кенан общался вплоть до 1992 года – до момента начала США боевых действий в этой ближневосточной стране. Потом была вынужденная разлука.

– До решения иракского президента Саддама Хусейна двоюродный брат папы был начальником полицейского управления Багдада, – вспоминает Кенан. – Еще один из папиных братьев, генерал сил специального назначения, во время ирано-иракской войны одним из первых получил награду за проявленную смелость. Еще один родственник тоже был главнокомандующим. До 2011 года у нас не было связи с ними. В 2011 году мои родственники нашли меня. Во время войны генерал и его семья переехали в Иорданию. Мы снова общаемся.

ВЕТО НА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Несмотря на то что в Турции живет самая большая на Ближнем Востоке ингушская диаспора, далеко не все ее представители говорят на родном языке и воспринимают себя ингушами. И это объясняется не только тем, что с момента эмиграции их предков прошло более чем полтора века.

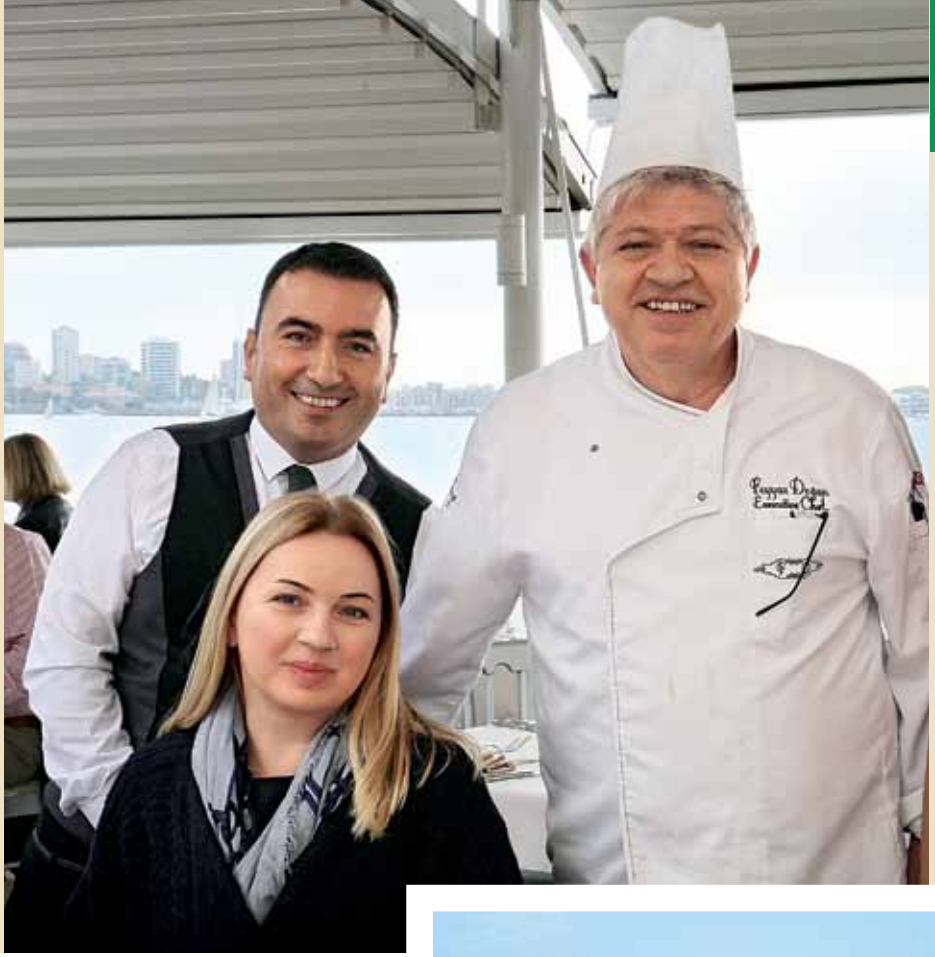
В период переселения турецкие власти ставили перед ингушами – как, впрочем, и перед другими переселенцами – жесткое условие: упразднение культуры и традиций, запрет родного языка и даже имен.

– По османской политике тогда они были записаны как чеченцы или дагестанцы, но никак не ингуши. Хотя общеизвестно, что в Турции ингуши живут в селениях Муш, Бейшехир, Мардин, часть – в Сивас. Последние десять лет запрета на имена нет. Это отрадно, но, к сожалению, радикально ситуацию не изменит. Возвращение к корням будет очень сложным. Здесь вообще сложно объяснить, кто такие ингуши. Сто человек останови и задай этот вопрос, никто не скажет. А чеченцев – знают. Потому что в архивах упоминания о них встречаются... Будут нас поддерживать или нет, но мы здесь останемся. Да, наши предки в третьем-четвертом поколении начали терять язык. На прошлой неделе я встречался с одним ингушом, его младший сын уже не знает ингушского. Но мы свою принадлежность к нации не забыли. Галгай, ингуш – первостепенный показатель, – говорит Сельман.

Его отец живет в Бейшехире и знает ингушский, но это исключение из правил. Мои собеседники хотели бы изменить ситуацию. Во время встреч с соотечественниками, с руководством Республики Ингушетия они говорят о необходимости создания условий для изучения родного языка, обычаев и традиций. Помимо этого, есть желание перевести на турецкий язык книги по истории и культуре ингушского народа, выпустить отдельное издание на турецком языке Кодекса поведения ингушей (эздел).

Сельман возглавляет диаспору ингушей в Турции с 2018 года. Круг вопросов и проблем, которые приходится решать, весьма обширный. К примеру, мои собеседники обращались к официальным лицам Республики Ингушетия с просьбой помочь в предоставлении российского гражданства ингушам,

Шеф-повар клуба. Ученик повара Ататюрка. Кстати, повар Ататюрка был... русским!

проживающим в Турецкой Республике. Это даст им возможность чувствовать себя на исторической родине не просто гостями.

Мой собеседник рассказал и о необычном обращении, поступившем от ректоров столичного университета. Они ищут ингушского филолога, чтобы расшифровать иероглифические надписи, найденные на глиняных табличках. Дело в том, что язык урартов расшифровали с помощью ингушского.

Однако наипервейшей задачей руководители диаспоры считают объединение соотечественников и представителей Кавказа. Они организуют для них встречи, используя различные форматы.

– Например, когда к нам из Ирака приезжали потомки переселенцев, мы для них делали вечер и показывали национальную кухню. Пытались их познакомить, найти общие интересы, но каждый был на своей волне – чеченцы, ингуши, абхазы... Поэтому собрать их толком не получилось, – сетует Сельман.

По его мнению, к тем же трем чеченским ассоциациям, которые есть в Стамбуле, внимания меньше, чем к одной-единственной ингушской.

– Нас контролируют больше, – считает он, – поэтому мы не вмешиваемся в политические процессы, которые происходят в Ингушетии. Как только мы обозначим свое присутствие в политической сфере, нас «прикроют». Поэтому для нас главное – сохранить официальную ингушскую диаспору, и чтобы сохранилась Ингушская Республика, контакты с которой мы поддерживаем на уровне первых лиц. Мы не комментируем и не оцениваем их личности, нам важно иное – суверенная Ингушетия в союзе с Россией. Уверен, что только так республика сможет укрепиться и развиваться. Мы считаем, что в ближайшее время так оно и будет.

СОХРАНИТЬ ЗЕМЛЮ

Мои собеседники очень остро воспринимают происходящее в Ингушетии. У них свои взгляды и оценки, но, как мне показалось, они идут от сердца.

– Самим ингушам по силам выполнить важнейшую на сегодня задачу – сохранить свою землю, – считает Сельман. – Если не будет выработан правильный политический курс, то республики не станет. Поверьте, для нас это будет тяжелейшей утратой. Иногда нам кажется, что на родине ингуши очень узко смотря на проблемы, отсюда и такие потери. Мы предчувствовали подобный поворот событий и много лет назад пытались предупредить людей об этом. Но никто даже не обратил внимания на это. Это как на рыбалке: рыбу можно удочкой ловить, одну за одной, или сетью – сразу много. В Ингушетии пытаются по рыбке вытащить. Они забывают о том, что сила – в единстве. У многих народностей диаспоры разбросаны по миру. И если родина не имеет связи с ними, то она обречена. Но и мы не будем ингушами без республики. Это кровное родство, сохраненное через века.

У многих народностей диаспоры разбросаны по миру. И если родина не имеет связи с ними, то она обречена

Как рассказали мои собеседники, в Турции начиная с 1963 года 23 февраля считается днем памяти и скорби. Отец Сельмана в 1964 году выпустил первый журнал «Единый Кавказ», один из материалов которого был посвящен высылке горцев в феврале 1944 года. С тех пор трагедия кавказских народов стала днем траура их братьев-мусульман.

РОЖДЕННЫЕ В ТУРЦИИ

Кенан родился в Анкаре. Здесь же окончил государственный медицинский университет. Он – врач, нейрохирург. На встрече был со своей очаровательной супругой Ириной. От первого брака у него есть сын, который пошел по стопам отца – учится на втором курсе медицинского института.

Было приятно видеть, что его, узнавая, останавливают на улице: сначала – бывший пациент, потом – работник клуба, а хозяин лавки и кафе, где они с женой иногда покупают вкусности, угостил нас чаем...

Сельман родом из Стамбула. С начальной школы и до лицея учился в Бейшехире, потом вернулся. Так и живет на два города. В Бейшехире и его отец – зубной врач, продолжающий практиковать, несмотря на свои 82 года. Братья и сестры Сельмана также проживают кто в Стамбуле, кто в Бейшехире. Одни привыкли к ритму мегаполиса, другим хочется провинциальной тишины и неспешности.

Жена Сельмана – турчанка. У них трое детей, причем все мальчики. Старшему 13 лет, двойняшкам – по 12. Он мечтает о дочери, но в Турции не очень-то принято иметь многодетную семью.

– Переселенцы не могли позволить себе много детей, хотели все усилия направлять на образование, раскрытие их талантов и возможностей, – рассказывает Сельман. – Наверное, еще и поэтому многие переселенцы сделали успешную карьеру в различных сферах, стали известными военачальниками, врачами, педагогами. Но, с другой стороны, в Ингушетии многодетные семьи – обычное дело еще и потому, что детей воспитывает вся семья, дети между собой общаются, играют. А мои сыновья не знают, что значит воспитываться всем родом, нет возможностей даже выпустить их на улицу. В Стамбуле это проблема.

Работа Сельмана также произвела на меня сильнейшее впечатление. Он – управляющий в государственном доме престарелых. Заботится о достатке, досуге и спокойствии стариков. По моим ощущениям, к своему делу он подходит с чисто ингушским отношением к старикам. Мы сидели в кафе и общались, когда Сельман, извинившись, сказал, что ему надо ненадолго отлучиться. Как

выяснилось, надо было купить для подопечных стариков… домино. Они попросили. Это, видимо, в крови – с почтением и признательностью относиться к представителям старшего поколения, хотя, прямо скажем, это нелегкий контингент. Только люди с большим сердцем способны отдавать им душевное тепло и силы без оглядки на рамки рабочего времени. Мой собеседник – из их числа. Сам он к своему делу относится философски: «Если работа по сердцу, то выполнять ее легко, даже если вокруг тебя люди слабые, больные или с тяжелым характером. Но ведь они нуждаются в помощи…»

МОИ «ИСТИНГИ»

После изысканного завтрака в клубе Moda Deniz Club мы долго гуляли с нашими новыми друзьями-ингушами по городу. Причем по улицам, где многолюдно, но не так много туристов, – эту часть города стамбульцы оставили для себя. Узнали, где расположен северокавказский культурный центр «Фонд образования и культуры имени Шамиля», зашли на улицу с антикварными магазинчиками, посидели в нескольких местных кафе – очень уютных и колоритных. Пили изумительный кофе и не менее вкусные чаи. Особенным образом сваренные и заваренные, с добавлением пряностей. Возвратившись домой, я с трудом воспринимаю напитки, которые в Москве преподносят как «кофе». А уж о чаях в пакетиках просто промолчу.

Кстати, гуляя по оживленным улицам, натыкались на организованные протесты против домашнего насилия. Вопрос, оказывается, стоит остро и актуально. Но вот то, как они проходят, совершенно не похоже на аналогичные российские акции. И в первую очень – большая разница в поведении силовиков.

Апофеоз нашей пешеходной прогулки – стамбульский базар. Не сувенирный, для туристов, а настоящий, где закупаются сами жители Стамбула. Громкий, яркий, изумительно пахнущий. С многочисленными кафешками и закусочными, источавшими необыкновенно соблазнительные запахи…

В свой отель мы возвращались по Босфору, на теплоходике. Здесь это – общественный транспорт, то есть оплатить проезд можно по транспортной карте, типа московской «тройки». Город предстал в новом ракурсе – вид с Босфора. Увидели и вновь прочувствовали: Стамбул – это целый мир.

Сельман, Кенан и Ирина проводили нас до самого отеля. «На прощание» вновь присели – в небольшом кафе с видом на Босфор. Магия – не иначе, но расставаться с этой замечательной компанией категорически не хотелось. И мы снова говорили и говорили обо всём – легко и душевно…

Это, видимо, в крови – с почтением и признательностью относиться к представителям старшего поколения

В конце встречи Сельман подарил книгу про истинги (ингушские войлочные ковры с орнаментами), которая вышла в 2015 на турецком языке. Она так и называется: «Истинги». Ее автор – профессор Эрол Йилдир, с которым Сельман знаком с детства.

– С 1992 года он работает над этой темой, долгие годы мечтал издать книгу, – рассказал Бештой. – Мы, ингушская диаспора, помогли – опубликовали это исследование. Именно такие труды помогают возрождать наши культурные ценности, народные промыслы.

Так оно и произошло. В свое время в Ингушетии Райшат Ахильгова стала делать истинги после того, как ее брат приобрел на блошином рынке в Москве старинный альбом «Ингушские орнаменты. 1924» (это действительно была находка-открытие!). У нее нашлись последователи. Например, дизайнер костюма, преподаватель детской художественной школы, член Союза художников Ингушетии, участ-

ник региональных, всероссийских и международных художественных выставок Мадина Албогачиева в своей творческой мастерской занимается изготовлением истингов. В ингушских домах они всегда были на видном месте. Это и приданое невесте, и универсальный подарок. Не бывает одинаковых войлоков – каждая мастерица трудится над собственным узором на ковре, этот процесс требует умения и времени.

Книгу от Сельмана получили в подарок представители научного сообщества Ингушетии. А республиканскому историческому музею был передан в дар ингушский ковер, который нашли в Турции авторы книги (полтора века назад его забрали с собой мухажиры). Можно с уверенностью сказать, что книга турецкого автора вызвала новую волну интереса к ингушскому промыслу. Эта тема стала предметом научных исследований в республике. Доктор исторических наук Зейнеп Дзарахова ведет кружок «Истинг» в Ингушетии, и первый ковер был сделан ею именно по этой книге, а сейчас ее ученики продолжают это дело. Когда Зейнеп руководила аспирантурой, то вооружила темой «Орнамент как этнографический источник» и своих аспирантов.

И вот теперь книга есть у меня. Перелистываю ее и испытываю необыкновенную благодарность к авторам и издателям. Особо трогает, что они, в отличие от некоторых, бессребреники.

Пока издание вышло только на турецком языке. Но есть мысль перевести его.

– Нам важно иметь переводы, чтобы они попадали в библиотеки или научные архивы разных стран мира, чтобы и через сто лет слово «ингуш» сохранилось и звучало на всех языках. Для нас это – важнейшая задача, – говорят мои собеседники.

Как хочется надеяться, что в моей библиотеке будет еще один экземпляр «Истингов» – на русском языке, а у моих ингушских друзей в Республике Ингушетия – на их родном. Это по-настоящему ценно и важно для всех нас.

АНТАЛЬЯ

Знаменитый средиземноморский курорт на юге Турции. Город является административным центром одноименной провинции. Раскинулся в живописной бухте, утопающей в пышной зелени пальм, олеандров, лимонных деревьев... С трех сторон окружен высокими хребтами Таврских гор

Профессионал гостеприимства

НЕСМОТРЯ НА МНЕНИЕ О ТОМ, ЧТО МНОГИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНГУШСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ УТРАТИЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ, Я ПОЛУЧИЛА ВЕСОМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОБРАТНОГО

АВТОР «СЕРЕБРЯНОГО КИНЖАЛА»

О книге Садеттина Джамполата «Серебряный кинжал» мне рассказал мой друг Адам Духаев – историк, архивист, писатель, заслуженный журналист Чеченской Республики. Мы познакомилась с ним четыре года назад, во время подготовки выпуска «НАШИХ ЛИЦ», который был посвящен религиозным деятелям Ингушетии и Чечни и назывался «По заветам шейхов». В этом же выпуске мы опубликовали отрывки из книги Адама Духаева «Эпоха шайхов». С тех пор я не теряю связи с ним. Это очень светлый и глубоко порядочный человек. Более того, всё, что он делает в профессиональном плане, всегда непредсказуемо, но априори – интересно и актуально. Своими идеями и открытиями Адам Духаев щедро делится с друзьями. Так, года два назад он рассказал

о своей находке в Турции – уникальной книге, написанной потомком ингушских мухаджиров второй половины XIX века Садеттином Джамполатом. Автор поделился с читателями воспоминаниями прадеда, деда и отца, рассказал о первой волне переселенцев в Турцию, которая началась в 1865 году.

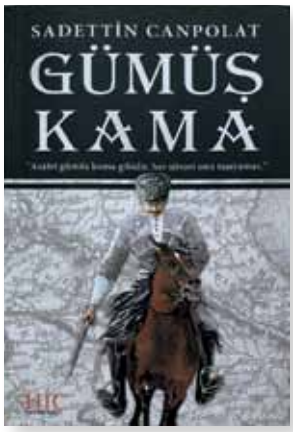
Адам тогда так увлеченно и вдохновенно рассказывал о найденной книге, об авторе, который якобы проделал путь своих предков из горной Ингушетии в Турцию, что мысль о том, чтобы найти больше информации об этом издании, а в идеале – и саму книгу, меня уже не отпускала. И вот теперь, когда мы оказались в Турции, мне очень хотелось найти Садеттина и как можно больше узнать и о книге, и самом авторе.

К тому времени я знала о нём совсем немного. Творчески одаренный человек – и писатель, и художник; работает управляющим отелем в Анталье. Других сведений у меня не было, и я, если честно, пребывала в некоторой растерянности: как, имея столь скудные данные, найти на известнейшем курорте управляющего отелем? Через ингушских знакомых сделать это не удалось. Адам Духаев вообще ошарашил неутешительной перспективой: Садеттин может быть в Германии, поскольку в Анталье уже не сезон…

И тогда снова на помощь пришел Сельман Бештой, руководитель Ассоциации ингушей в Турции, с которым мы встречались в Стамбуле. Вот уж, действительно, если суждено чему-то быть, если Бог этого хочет, то так оно и будет. Не зря же говорят, что случайности – это способ Всевышнего остаться анонимным…

Вот и в этот раз «совсем случайно» оказалось, что Сельман Бештой и Садеттин Джамполат – друзья. И трудный пазл сложился в одно касание: я узнала, в каком отеле работает Садеттин, и меня заверили, что в данный момент он в Анталье. Сельман связался с ним и самым лучшим образом договорился и о времени нашей встречи, и о переводчике. Ингушский круг не подвел: здесь, действительно, незнакомцев не бывает.

Эксклюзивное право на перевод и подготовку к печати романа Садеттина Джамполата «Серебряный кинжал» имеет ученый-исследователь из Ингушетии, автор многочисленных статей Марем Ялхароева. Уверена, что в результате этой работы будет открыта новая, увлекательная страница в истории ингушского зарубежья. Ждем эксклюзив.

В ГОСТЯХ У ХУДОЖНИКА

Так что из Стамбула в Анталью мы летели с легким сердцем, предвкушая интересную встречу с незаурядным человеком. Перелет занял меньше часа. В пятизвездочный Grand Park Lara Hotel, где работает Садеттин, мы приехали за полтора часа до встречи. Этот гостиничный комплекс, открытый в 2012 году, превзошел наши самые лучшие ожидания. Выглядит он как небольшой город: несколько многоэтажных домов, бассейны, аквапарк, игровые зоны, зоны барбекю, рестораны, СПА… Как «просветил» нас позже Садеттин, здесь восемь корпусов на 896 номеров. Одновременно принимают три тысячи гостей. Есть всё для безмятежного и изысканного отдыха. Вокруг много зелени и цветов, великолепный собственный пляж и изумрудное море.

На стойке информации нас уже ждали. Нашей сопровождающей оказалась очаровательная девушка, имя которой было написано на бейджике: «Эмина». Нам надели браслеты «all inclusive», и Эмина проводила нас в номер, по пути

рассказывая и показывая отель, который с каждым шагом нравился нам всё больше и больше.

Эмина – помощник Садеттина. По национальности – турчанка, жила в Грузии, в Казахстане, владеет несколькими языками (и на русском говорит очень чисто). Эмина оказалась не просто прекрасным переводчиком, к этому поручению она отнеслась с душой. Уже после встречи призналась, что тема обсуждения заинтересовала ее, захотелось прочесть книгу Садеттина и как можно больше узнать об ингушах и Ингушетии. Спасибо ей огромное за помощь, за профессионализм, за отзывчивость!

Встреча проходила в кабинете Садеттина Джамполата. Статный, безупречно одетый, галантный мужчина произвел самое благоприятное впечатление. Он поблагодарил нас за интерес к нему, подписал на память книгу собственных стихов и подарил каталог авторских картин.

Работы Садеттина выставлялись в Турции и Германии. Невероятно, но факт: он пишет пейзажи республики, где не был никогда. Генетическая память? Богатое художественное воображение? Наверное, и то и другое вдохновляет автора на создание картин, которые для него – как отдушина. Причем самобытный художник имеет возможность представить работы на суд публики. И наш собеседник ценит это, говоря, что в Турции лояльно относятся к иностранцам.

– В этой стране принимают радушно каждый народ, тем более если он нуждается в помощи. Когда в Ингушетии были проблемы, Турция помогала нашим гражданам. Я не сталкивался здесь с проявлениями национализма. Наоборот, есть неподдельный интерес к тому, что я делаю как художник. Не было проблем с организацией выставки. Мне, конечно, приятно, что она вызвала большой интерес. Пришли мно-

гие, в том числе и коренные турки, но мою книгу на выставке в первую очередь покупали ингуши. Таких было процентов восемьдесят, – говорит Садеттин.

ДОЛГАЯ ДОРОГА НА ЧУЖБИНУ

Я уверена, что открытие его «Серебряного кинжала» в России будет также успешным. Садеттин заключил договор на перевод произведения, и нам остается только с нетерпением ждать новой главы эпопеи исхода ингушей с родных мест.

Его предки были вынуждены уехать в XIX веке, когда на Кавказе шло притеснение коренного населения. Наш собеседник рассказал, каким тяжелым было расставание с родиной, как прадедушка с семьей начинал обустройство на новом месте. Эта, казалось бы, «очень личная история» открывает одну из самых трагических страниц в истории коренных кавказских народов. Немало среди его представителей было тех, кто, оставшись в живых во время междусобиц и войн, принимал судьбоносное решение – уехать.

Эмигрантами той поры стали прадед и дед Садеттина – Джамбулат. Он рассказывал внуку о том, как добирались до нового места жительства. Большую часть пути до Османской им-

перии, начиная с Осетии, преодолели на лошадях. Дорога была тяжелой, и не все переселенцы смогли ее преодолеть. Многие умерли и в первые годы на новом месте. Не смогли адаптироваться.

– Умирали от невзгод, тоски по родине очень многие – десятки тысяч. Но помимо этого людей убивала еще и малярия. Ежедневно. В итоге начали новую жизнь в чужой стране самые стойкие, а вернее – чудом выжившие. Если в то время всё население Кавказа исчислялось на уровне одного миллиона человек, то при переселении умерло более 400 тысяч человек. Представьте, какой серьезный удар был нанесен по генофонду! – с горечью говорит наш собеседник.

В Турции Джамбулат побывал и пожил в нескольких городах. «Осели» в Конье, где предки Садеттина смогли объединить сотни кавказских семей, но прежде всего – ингушских. Дети и внуки первых переселенцев росли в домах, где звучала ингушская речь, соблюдались традиции и обычаи малых народов.

Садеттин с детства слушал рассказы о том, как тяжело дался уход из родных мест. Он впитывал эти истории. Позже интерес к истории Ингушетии определил его литературные пристрастия: он перечитает десятки книг о республике, ее истории – по сути, всё, что удастся найти здесь.

Я спросила, насколько документальна книга. Автор кивнул утвердительно: другого жанра и быть не могло. И да, серебряный кинжал хранится в его доме.

СЕРДЦЕ ПОМНИТ!

Садеттин родился в 1968 году в Конье, в семье ингушей. У него есть два старших брата. Папа умер, мама, хвала Всевышнему, жива.

Упоминание о национальности его родителей не случайно. В Турции процесс ассимиляции представителей многих ингушских родов уже завершился. Это данность. Вот и мой собеседник родным языком не владеет. Женат на турчанке Дурдани. Она работает учителем в Германии. Несмотря на то, что видятся они часто, разлуку переживают с трудом – настолько сильно привязаны друг к другу.

Садеттин с детства слушал рассказы о том, как тяжело дался уход из родных мест. Он впитывал эти истории

В Конье прошли школьные годы Садеттина. Здесь он вырос, поступил в лицей. После его окончания уехал в университет в Чанаккале.

Рисовал он всегда, но серьезно стал заниматься живописью уже в студенческие годы. Тогда же проявился и его литературный талант: он пишет стихи. Есть уже и два изданных сборника.

Творческая натура взяла вверх, когда Садеттин выбирал место для трудоустройства.

– В Конье много фабрик, но я понял, что не смогу всю жизнь работать, бубучи привязанным к конвейеру и, чаще всего, однотипному распорядку. Поэтому решил переехать в Анталью. Здесь я с 1999 года. Работаю в туристи-

Его вдохновляет Ингушетия, это его постоянная муза. Самая первая мечта – поехать на родину предков

ческом бизнесе. Вот уже двадцать лет. Но и свои увлечения – рисование и литературу – не бросаю, – улыбается наш герой.

Его вдохновляет Ингушетия, это его постоянная муза. Самая первая мечта – поехать на родину предков. Садеттин надеется, что в ближайшее время она сбудется. Мне кажется, что для него, как художника, это будет началом нового этапа творчества. Ведь всё, что связано с республикой, производит на нашего героя сильнейшее впечатление.

– Два года назад в этом отеле я сидел в лобби-баре. Сзади меня были девушки и с ними ребенок, они разговаривали на незнакомом мне языке. Я вслушался и вдруг почувствовал, будто по телу тепло разлилось. Стало приятно и легко. У меня появилось чувство, словно я знаю этот язык, понимаю речь. Оказалось, что это – ингуши. Мать пела песню ребенку. Для меня ее звучание было настолько волнительным, что потекли слезы. Я ничего не мог с собой поделать: это было воспоминание из моего детства, когда бабушка и дедушка на родном языке читали мне стихи и пели песни. Эта речь меня успокаивала и поднимала волну пронзительных чувств – как самое сокровенное и приятное воспоминание о чем-то очень давнем и очень хорошем... Оказалось, что эти девушки – ингушки, живут в Москве. Познакомились, и выяснилось, что мы еще и земляки, наши предки – из одних мест. В такие моменты убеждаешься, что земля очень маленькая, – улыбается наш собеседник, едва сдерживая эмоции.

ДО СВИДАНИЯ, АНТАЛЬЯ!

Два столетия проживания в Турции предков Садеттина во многом определили устройство его быта и привычки. Но почтенное отношение к старшим осталось у него в крови: он всегда встает, когда мимо проходят старики.

Но и сам наш герой пользуется здесь большим авторитетом – как грамотный управленец. Мы не стали злоупотреблять его гостеприимством: во время разговора я видела, как много раз Садеттин сбрасывал телефонные звонки. Он, как ингуш, самым важным делом считал прием гостей. В тот момент ими были мы. И прочувствовали, насколько сильно ингушское радушие даже вдали от российской границы. Нас поселили в прекрасном номере, в подарок прислали фрукты. Мы успели увидеть Анталью, позагорать и надышаться морским воздухом.

...Примерно в 300 километрах от курорта находится город Бейшехир, в котором компактно проживают ингуши – потомки мухаджиров. Однако, узнав, что путь на рейсовом автобусе займет порядка пяти часов, мы было уже почти отказались от мысли побывать там, поскольку в полночь следующих суток должны были улетать из Антальи в Амман. Мы боялись, что просто опоздаем на самолет, проведя только в дороге почти десять часов... Надо ли уточнять, кто именно помог, узнав о наших «хотелках»? Да, Садеттин! Предоставил автомобиль с водителем, который на следующий день домчал нас до Бейшехира, оперативно доставил до места встречи и привез обратно. У нас даже осталось время до самолета, и мы успели закрыть купальный сезон в Средиземном море, наплававшись вдоволь – вода еще теплая. Хотя через пару недель и здесь похолодает.

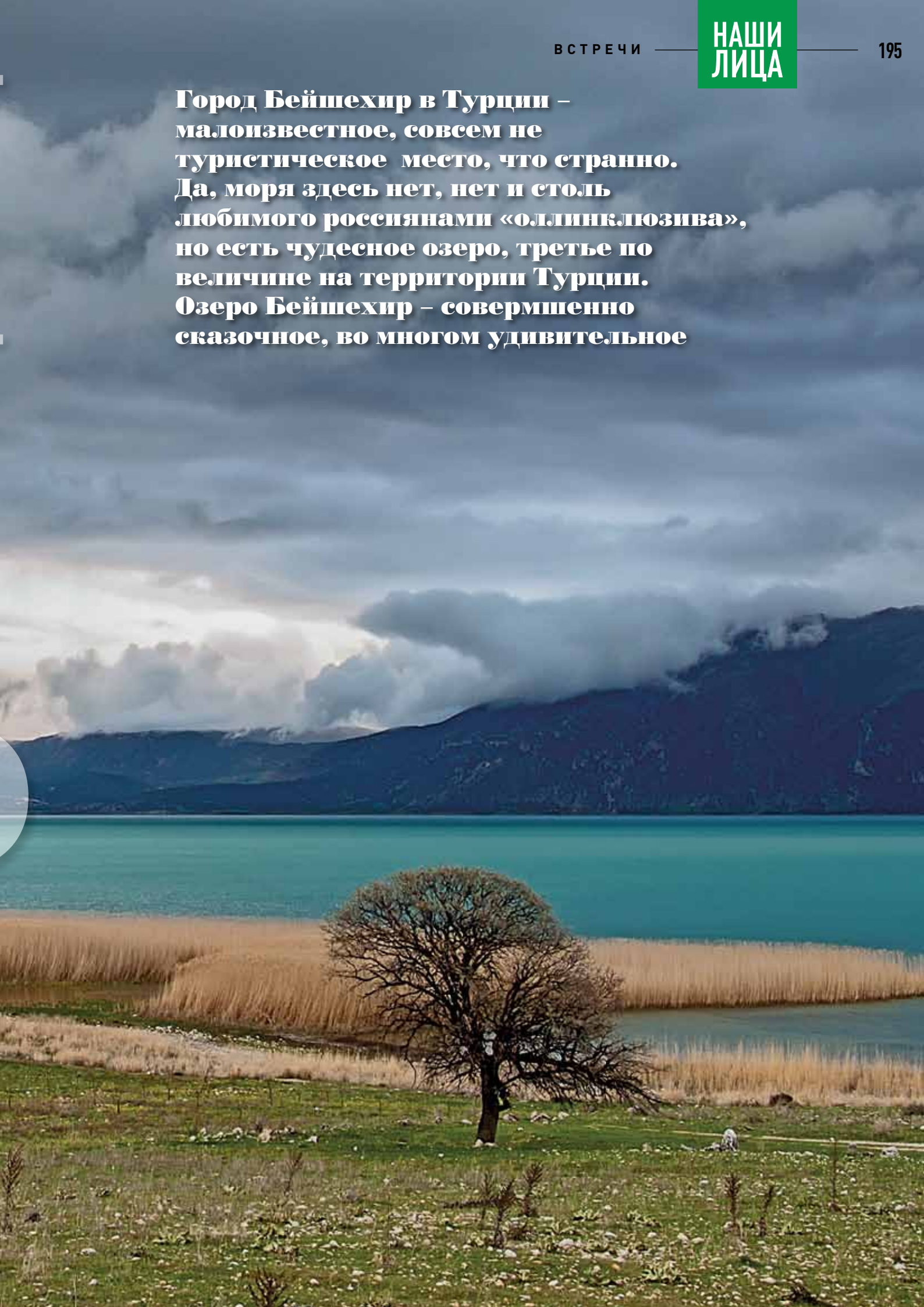
А на прощание в номере нас ждал еще один сюрприз от Садеттина: фрукты, прекрасное вино и его визитка.

Мы увозили из Антальи не только контакты нового друга и приятное послевкусие от встречи с ним. Если честно, то и уезжать не хотелось. Появился новый город на карте, где, ты знаешь, тебя обязательно встретят и примут как самого долгожданного гостя. У ингушей по-другому не бывает. ■

БЕЙ
ШЛЯХ

Город Бейшехир в Турции – малоизвестное, совсем не туристическое место, что странно. Да, моря здесь нет, нет и столь любимого россиянами «оллинклюзива», но есть чудесное озеро, третье по величине на территории Турции. Озеро Бейшехир – совермшенно сказочное, во многом удивительное

Например, в Бейшехире река не впадает в озеро, а наоборот – вытекает из него через регулируемую дамбу. В озере множество островков с руинами византийских монастырей. Необычно и то, что озеро пресноводное, но цвет воды – морская бирюза. Причина – известняк, из которого состоят окрестные горы и дно водоема. А сам городок, основанный в XIII столетии как летняя резиденция сельджукских султанов, может похвастаться прекрасной мечетью, древним хамамом, великолепным прибрежным парком и самым старым базаром в Анатолии.

Но вовсе не ради дивных видов или осмотра археологических древностей приехала сюда творческая группа «НАШИХ ЛИЦ». После встречи в Анталье с Садеттином Джамполатом – поэтом, художником, автором книги об ингушских переселенцах второй половины XIX века «Серебряный кинжал» – у нас остался один свободный день до отлета в Амман. Всего день, так немного. И можно было потратить его на то, чтобы сосредоточиться, осмыслить прошедшие встречи, что-то набросать или просто поваляться на пляже, но...

Бейшехир – примерно в 300 километрах от Антальи. То самое место, куда из Ингушетии направилась основная масса мухаджиров – переселенцев второй половины XIX века. Нестерпимо захотелось увидеть этот город своими глазами, окунуться в его атмосферу, почувствовать ауру. Понимали, конечно, что чего-то нового мы там не откроем и даже не сможем как следует пообщаться с обитателями – не только из-за недостатка времени, но и по причине языкового барьера. И все-таки желание хоть одним глазком увидеть город, хоть немного поговорить с ингушами – потомками мухаджиров, просто посмотреть на них, а если повезет, то и зайти в какой-нибудь дом, пересилило риск опоздать на самолет. Не покидало ощущение, что вот-вот уйдет это мгновение: а вдруг оно уйдет навсегда и придется потом всю жизнь жалеть об упущенной возможности?.. Наш новый друг Садеттин Джамполат любезно помог с машиной и водителем, и мы рванули.

И уже в пути сделали первое открытие. Сначала ехали вдоль равнинного побережья, мелькали отели-отели... А вот потом начались места, которые поразили похожестью на горную Ингушетию: перевалы, серпантин, сосны. Прямо какой-то «турецкий Кавказ». Такое впечатление, что мухаджиры стремились к тем ландшафтам, которые внешне напоминали их родную землю. Землю, с которой их вытеснили войны, голод, нашествия завоевателей... За окном автомобиля мелькали горные сосны – очень красивые, сочные, живые, совсем ингушские, как привет ингушам с их далекой родины.

Такое впечатление, что мухаджиры стремились к тем ландшафтам, которые внешне напоминали их родную землю. Землю, с которой их вытеснили войны, голод, нашествия завоевателей...

В Бейшехире нас встретил Мехмет – родной брат Сельмана Бештой. Первое, что сразу бросилось в глаза, – уютный двор их дома, где живет несколько семей, для чего к старому зданию пристроили новую часть. Отца Мехмета зовут Мустафа, в свои 82 года он – практикующий дантист! Значит, и рука крепка, и зрение не ослабло, и знания сохранились. Ингуш – он и в Турции ингуш... Когда во двор вышел этот высокий, красивый мужчина с чудесным низким голосом, я поняла, в кого уродились красавцами братья. Сразу захотелось его сфотографировать. Если бы ингуши участвовали в планетарном конкурсе красоты и благородства, непременно оказались бы в числе лидеров!

В России ингуши – единственные из репрессированных народов, кто получил свою республику, свою государственность

На столе, установленном под навесом из винограда, лежала книга «Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года». С этого и начали наши собеседники рассказ о своих предках. Ведь для ингушей корни всегда важны. Усман Биштоев – дед Мехмета, Али Хаджи Биштоев – прадед, жили в Яндаре, Биштоев Хисейн Хаджи Газгиреев – прапрапрадед... Всё аккуратно подчеркнуто в документальной книге на русском, карандашом сделаны пометки. Выглядит очень трогательно.

Хранятся в семье и старые фотографии предков, старинные документы, рукописи. Прадед Али Хаджи Биштоев первым пришел сюда. Он дружил с осетинским генералом, муслимом (Мехмет называет его имя – Муса Кадуков). Во время войны между Османской и Рос-

сийской империями они были приглашены воинами в османскую армию. И служили доблестно своей новой родине. «Наша оригинальная фамилия – Ахриевы», – пояснил Мехмет, и мы поговорили о выдающихся представителях рода – просветителе Чахе Ахриеве, летчике Рашиде Ахриеве...

– Наша семья живет здесь, есть и другие семьи. Бейшехир – самое большое поселение ингушей за пределами Ингушетии. Деревня называется чеченской, хотя живут именно ингуши, потому что местные жители не разделяют ингушей и чеченцев. И мы не говорим про себя «ингуш», «чеченец», мы в Турции называем себя «вайнахи», – пояснили нам собеседники.

В России ингуши – единственные из репрессированных народов, кто получил свою республику, свою государственность. Это дорогого стоит, но и заплатили за это не дешево. И ситуация, связанная с границей между Ингушетией и Чечней, соглашение между Евкуровым и Кадыровым о передаче Чечне части земель, которую ингуши считают своей, кулуарно подписанное в сентябре 2018 года, внесли некую напряженность. Прямо скажу, что проект «вайнахи» для многих пошатнулся – но, видимо, не здесь.

Нас пригласили в дом. Первой нам навстречу выпорхнула Ламара – очаровательная девчушка лет пяти, младшая дочка Мехмета. Она что-то звонко лепетала, и от ее присутствия дом казался особенно живым, уютным и наполненным. За ней вышла Айше – очень приветливая жена Мустафы.

Как же уютно, красиво, стильно в доме у этих людей! Нам показали старинный антикварный кувшин второй половины XIX века, привезенный первыми переселенцами. Каждая вещь в доме на своем месте. Очень много книг. А сколько дизайнерских идей мы здесь подсмотрели!

А потом мы пошли гулять по ингушскому району Бейшехира. Всё здесь ухоженное, аккуратное. Мне нравятся города с такими горными рельефами: из окон с любого этажа всегда открываются прекрасные виды. Увидели мечеть, которую построили еще первые пересе-

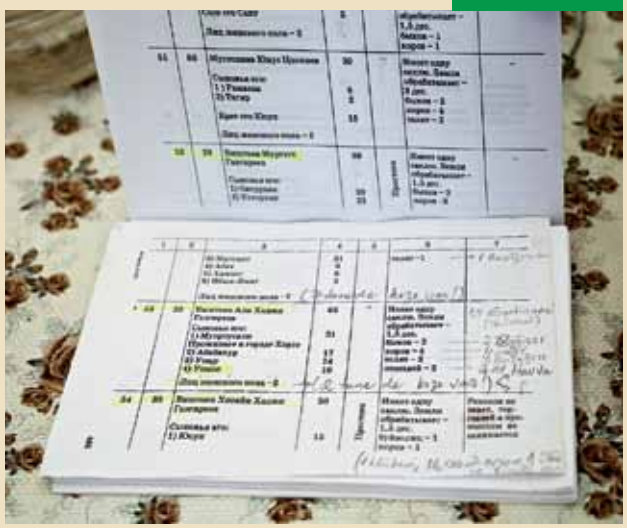
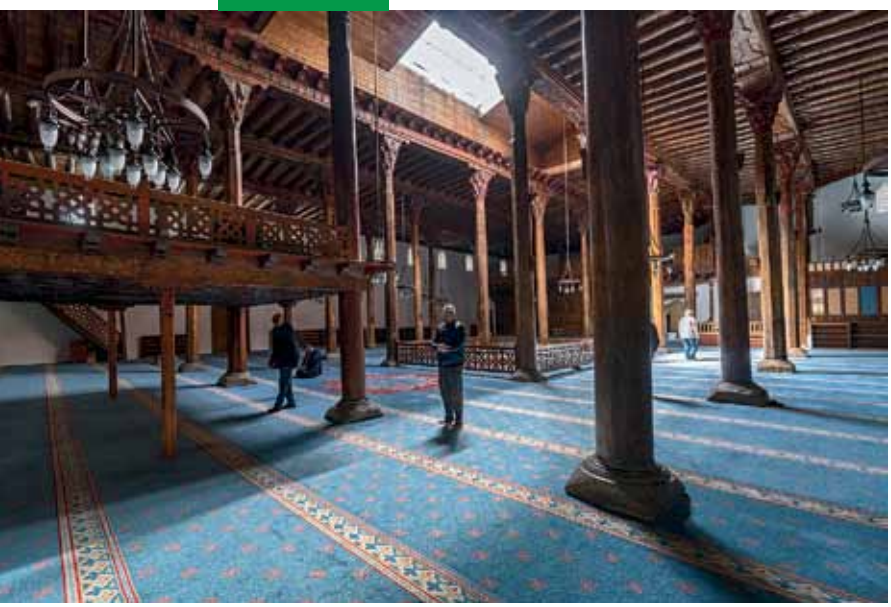

Фото из семейного архива.

ленцы из Ингушетии. Сама мечеть реставрирована в 2000 году, но внутри всё оригинальное, всё сохранилось так, как было. Зайти внутрь мы не смогли – в тот час было время молитвы.

Кстати, в городе есть еще одна мечеть, потрясающая воображение. Мечеть Эшрефоулу была построена в 1299 году и за столько веков сохранилась практически в идеальном состоянии! Внешне ее архитектура сочетает в себе сельджукский и османский стили, тогда как внутреннее убранство – отделка из дерева и керамические изразцы, и всё это вместе делает ее непохожей на большинство турецких мечетей. Изумляет не только оригинальный интерьер, но и остроумное инженерное решение, позволившее долгие века сохранять здание в аутентичном виде. Внутри мече-

ти, в самом ее центре, бросается в глаза большое и довольно глубокое квадратное углубление в полу, выложенное кирпичом. А над ним – специальное отверстие в крыше, через которое в «бассейн» сбрасывали снег. Благодаря его таянию и испарению воды дерево, которым отделана мечеть, предохраняется от высыхания. Этим техническим приемом и объясняется долговечность и сохранность мечети. В 60-х годах отверстие на крыше застеклили. Трудно сказать, пойдет ли это на пользу старинному памятнику. Стоит увидеть его сейчас, пока целы большая входная дверь в форме короны, ореховая резная кафедра, 48 колонн из кедра, витражные окна и изумительная роспись потолка.

Мустафа и Мехмет показали нам потрясающие старые дома. Родовой – дом дедушки отца – увы, разрушен. Увидели другой старый дом, про который нам сказали: «Дом Хамзата, сына Шишха. Первый человек, поселившийся по соседству с разрушенным домом. Вскоре он разрушится, его постигнет печальная участь». Старый дом до сих пор выглядит привлекательно, но он словно больной. Рядом с домом – мандариновые деревья с созревшими плодами цвета спасательного круга. Будто брошенный всеми старик – живой, но одинокий... Было очень грустно.

Слева Мустафа, справа Иса Сагон (Сагов). В центре - внук имама Шамиля.

Мадинат и Роза Ахриевы

Брат деда Сельмана и Мехмета

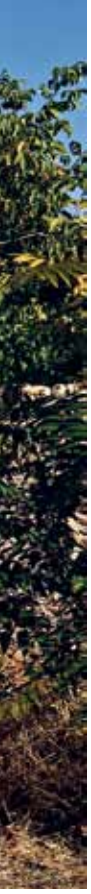

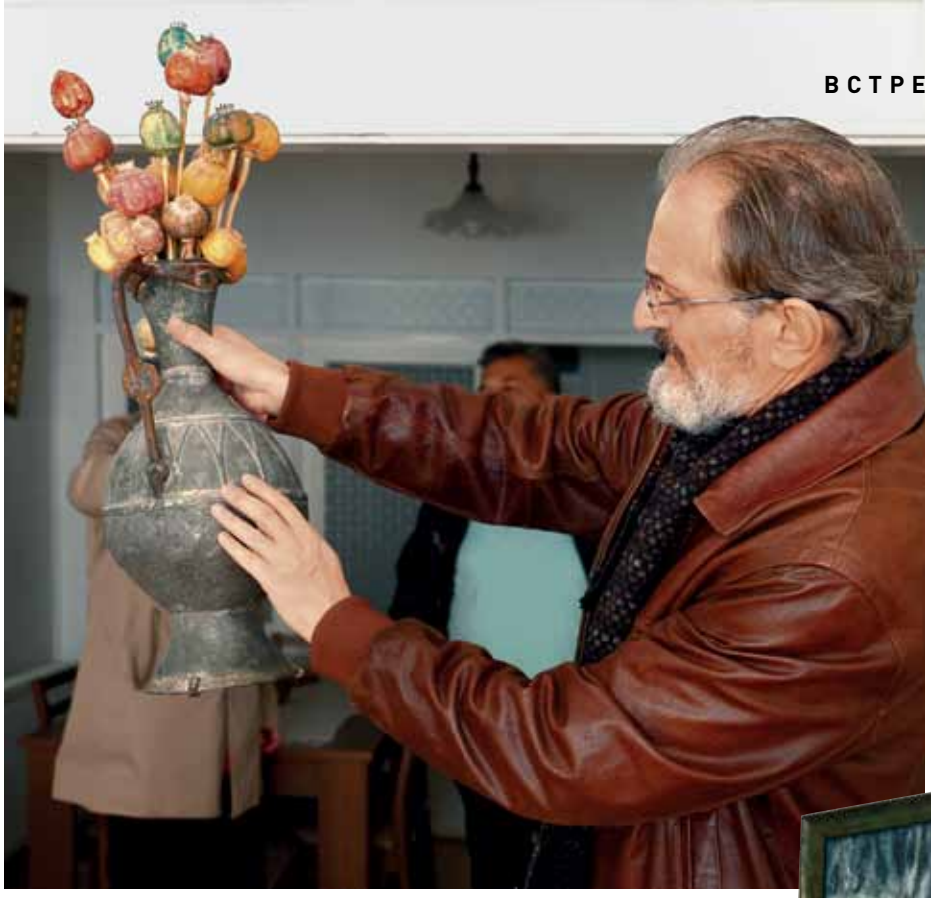

Показали нам дом матери отца Мехмета – Торшхоевых. Потом – старый дом Мержоевых...

Подошли еще к одному старому дому, уникальность которого не вызывает сомнений. Не только из-за архитектуры, но и из-за имени, которое с ним связано. Это дом Сулейманна Сырра Койдемира (Бештоева) – первого мэра Бейшехира, сподвижника первого турецкого президента Мустафы Кемаля (Ататюрка). Это легендарная личность, настоящий герой и ингушского, и турецкого народа. В юности он получил блестящее образование, причем как светское (юридическое), так и духовное. Успешно занимался коммерцией, открыв собственное производство, но всегда имел активную гражданскую позицию. Рука об руку с Ататюрком он боролся за независимость своей новой родины, пользовался огромным доверием и уважением турецкого лидера. Став первым мэром Бейшехира – центра ингушской диаспоры в Турции, – на свои деньги снарядил на греко-турецкую войну 30 ингушей из этого города. Яркий политический и общественный деятель, в повседневной жизни он отличался добротой и милосердием – рассказывают, что его обожали дети, что однажды он ездил в дальнее турецкое село за

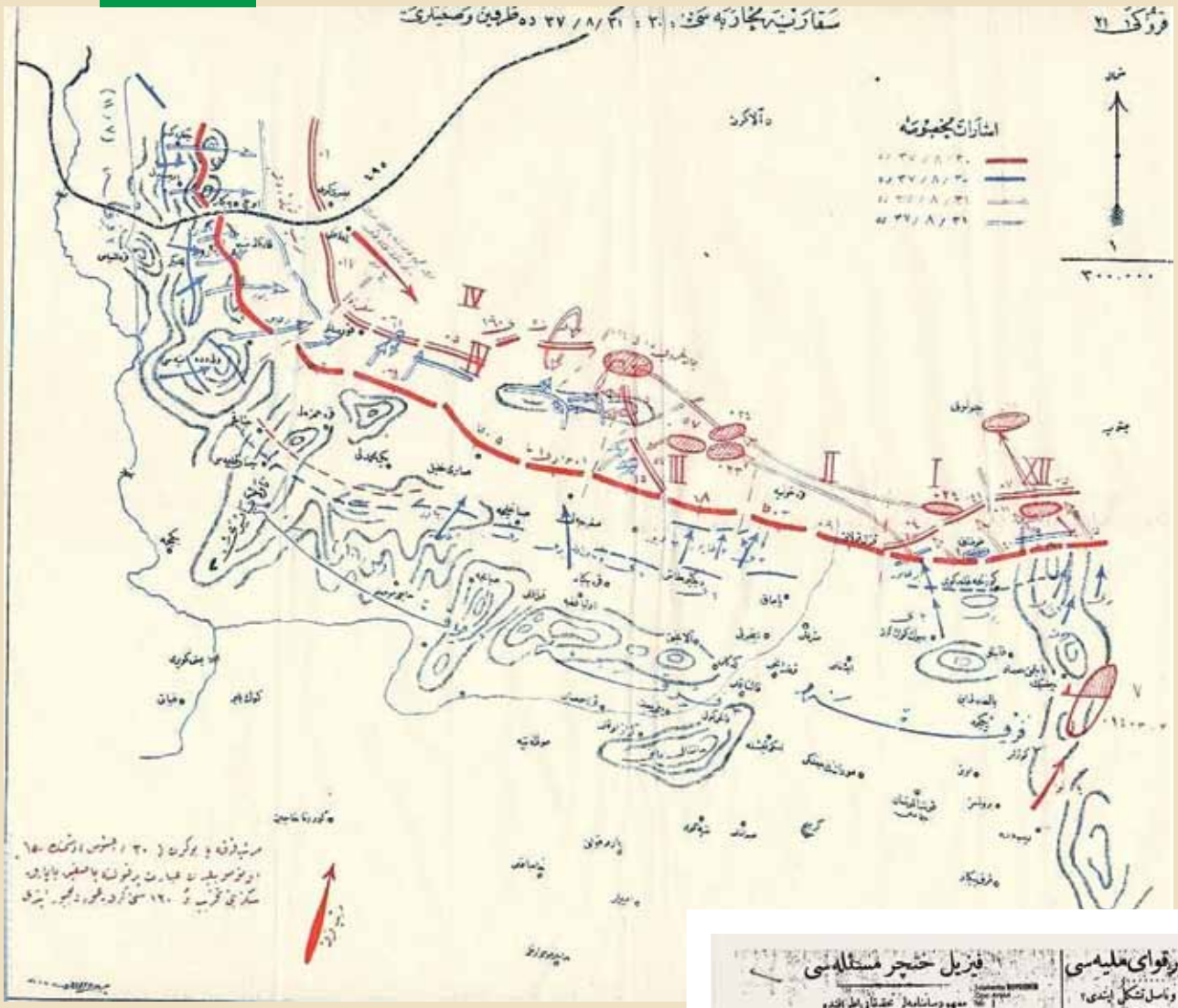
Нам показали старинный антикварный кувшин второй половины XIX века, привезенный первыми переселенцами

осиротевшим ингушским мальчиком, хотя этот ребенок не приходился ему родственником, даже дальним. Благородство, вошедшее в плоть и кровь, ставшее нормой жизни. Яркий человек, он, без сомнения, сделал бы головокружительную карьеру, если бы не болезнь, из-за которой он даже не смог работать в первом турецком парламенте, куда был избран. А в 1923 году Сулейман Сырр несправедливо рано ушел из жизни. Похоронен он в Бейшехире, одна из улиц которого носит его имя.

«Этот дом находится под защитой государства, так что ничего невозможно сделать – ни снести, ни реставрировать. Так и будет стоять», – посетовал Мехмет. И я предложила: «А может быть, можно спасти этот дом? Давай мы, россияне, напишем письмо Эрдогану? Для укрепления дружбы с Россией пусть поможет сохранить исторические памятники, которые дороги в Турции россиянам тоже. Можно даже петицию запустить. Попытка – не пытка!»

Потом посмотрели старый и рядом новый дом Садеттина Джамполата – автора книги «Серебряный кинжал», с которым накануне встречались в Анталье. Вот что меня еще поразило в Бейшехире и показалось чисто ингушским: потомки мухаджиров, выходцы из Бейшехира, даже если они разъехались, живут в других концах планеты, всё равно рядом со старым домом предков пристраивают свои новые дома. Им дорого место их предков, это место их силы.

Но восхищение мое соседствовало с печалью. Что называется, смешанные чувства. Вот и в ответ на наш вопрос, сколько здесь осталось ингушей, Мехмет ответил, что 30 лет назад их было около тысячи человек, сейчас – лишь сто. Половина в Америке, многие уехали и в другие страны.

Один из военных планов (архивные материалы)

С высокой точки селения мы смотрели вниз, туда, где раньше были ингушские пастбища и поля, а теперь всё застроено домами. В глазах Мустафы и Мехмета читалась грусть...

И напоследок – посещение старого кладбища, там мы провели больше всего времени. Раньше оно было единым целым, но теперь прямо посередине возвышается многоэтажный дом, проходит дорога, и кладбище разбилось на две части. Мы переходили от могилы к могиле, слушали рассказы Мехмета о каждом, кто нашел здесь последний приют, и отчетливо понимали, что даже после смерти они важны потомкам, что они присутствуют в их ежедневной жизни. Там было ощущение энергетического присутствия душ, которые словно наблюдали за нами и радовались тому, что мы пришли почтить память, отдать должное и оказать уважение умершим ингушам, чей путь был таким непростым, но пройденным так достойно.

Мы переходили от могилы к могиле, слушали рассказы Мехмета о каждом, кто нашел здесь последний приют, и отчетливо понимали, что даже после смерти они важны потомкам

А потом, когда вышли с кладбища, в завершение нашего пребывания в этом гостеприимном городке, Мехмет сказал: «Здесь поблизости есть хорошее кафе. Предлагаю вам отведать бейшехирской рыбы».

Да, я слышала, что здешняя озерная рыба знаменита, многие специально приезжают, чтобы попробовать ее. Но времени, увы, не осталось – самолет в Амман ждать не будет. Зато духовную пищу мы получили – а это главное.

Мы тепло попрощались, и всю обратную дорогу перед моим мысленным взором стояли глаза замечательных красивых людей – этнических ингушей Бейшехира.

...Во время обратного пути я заметила, что отношение водителя к нам както поменялось, он совсем по-другому на нас смотрел. Вдруг остановился, купил нам кофе и фруктов... А когда вернулись в отель, он на ломаном английском сказал, что потрясен поездкой, что не ожидал от русских такого отношения к их истории. И почему-то поблагодарил нас в ответ на нашу благодарность.

Ингушский дом в турецкой глубинке

Мои собеседники показали дом Сулеймана Сырры Койдемира в Бейшехире. Это первый градоначальник ингушского, по сути, города в турецкой глубинке. Личность незаурядная. Приведу только несколько фактов, услышанных от Сельмана и Мехмета Бештой, а также найденных у Марем Ялхороевой.

Сулейман основал в Бейшехире деревообрабатывающее производство. Как нам рассказал Сельман Бештой, именно ингуши в свое время открыли в городе первые успешные предприятия. Например, у его предков была мучная фабрика.

Деревообрабатывающая фабрика Сулеймана нарушила существовавший до той поры порядок, когда Турция в большинстве своем только поставляла древесину. Теперь ее начали обрабатывать. По его словам, до сих пор в некоторых ингушских домах (и не только ингушских) сохранилась мебель, произведенная на этой фабрике. Более того, политика предприятия была, как сказали бы сейчас, клиентоориентированной: хозяйки приходили и выбирали, из какого дерева хотели бы иметь мебель.

Отдельная история — дом Сулеймана Сырры. Трехэтажный презентабельный особняк является исторической достопримечательностью. От наших собеседников мы узнали, как возник замысел его постройки.

Сулейман Сырры Койдемир (слева) и Миралай Назим бей

ADO
GABAK

— Во Франции Сулейман Сырры увидел виллу русской принцессы. Скорее всего, это был дом представителей «белой эмиграции». Ему настолько понравилась эта вилла, что когда он вернулся домой, то решил построить свой дом не хуже. И построил. Говорят, что раствор замешивали на яичном желтке, и люди приносили Сулейману Сырры яйца…

В 1950 году сюда приехала делегация из Франции. Ее представители хотели составить протокол о том, что хозяин присвоил проект постройки виллы. Но в самом доме между комнатами были маленькие окна, которые использовались для подачи еды и т. п. И, знаете, их наличие явилось основанием для снятия претензий. Проект не признали калькой, полным заимствованием — так решили представители делегации. Протокол не был составлен и никаких штрафных санкций хозяину не выставили, — рассказал нам Сельман.

Особняк стоял на улице, которая носила имя градоначальника с ингушскими корнями. Но года три назад ее переименовали.

Сельман и Мехмет (которые, поскольку их семья приятельствовала с дочерью Сулеймана Сырры — Назире, детьми бывали в этом доме, играли здесь) рассказали, что для поддержания дома нужны не только значительные средства, но и разрешение турецких властей. Нужна помощь на государственном уровне. Тем более что Сулейман Сырры — признанный народный герой Турции. Он соратник первого президента Турецкой Республики — Мустафы Кемаля (Ататюрк). Был с ним и его сподвижниками на одной передовой, когда страна отстаивала независимость, отражала угрозу порабощения странами Антанты.

Сулейман Сырры избирался в первый турецкий парламент, но его политическую деятельность оборвала болезнь. Он умер в 1923 году, успев сделать многое, и прежде всего — для ингушей, чтобы они на чужбине не чувствовали себя полностью оторванными от родины. ■

ПЕТРА

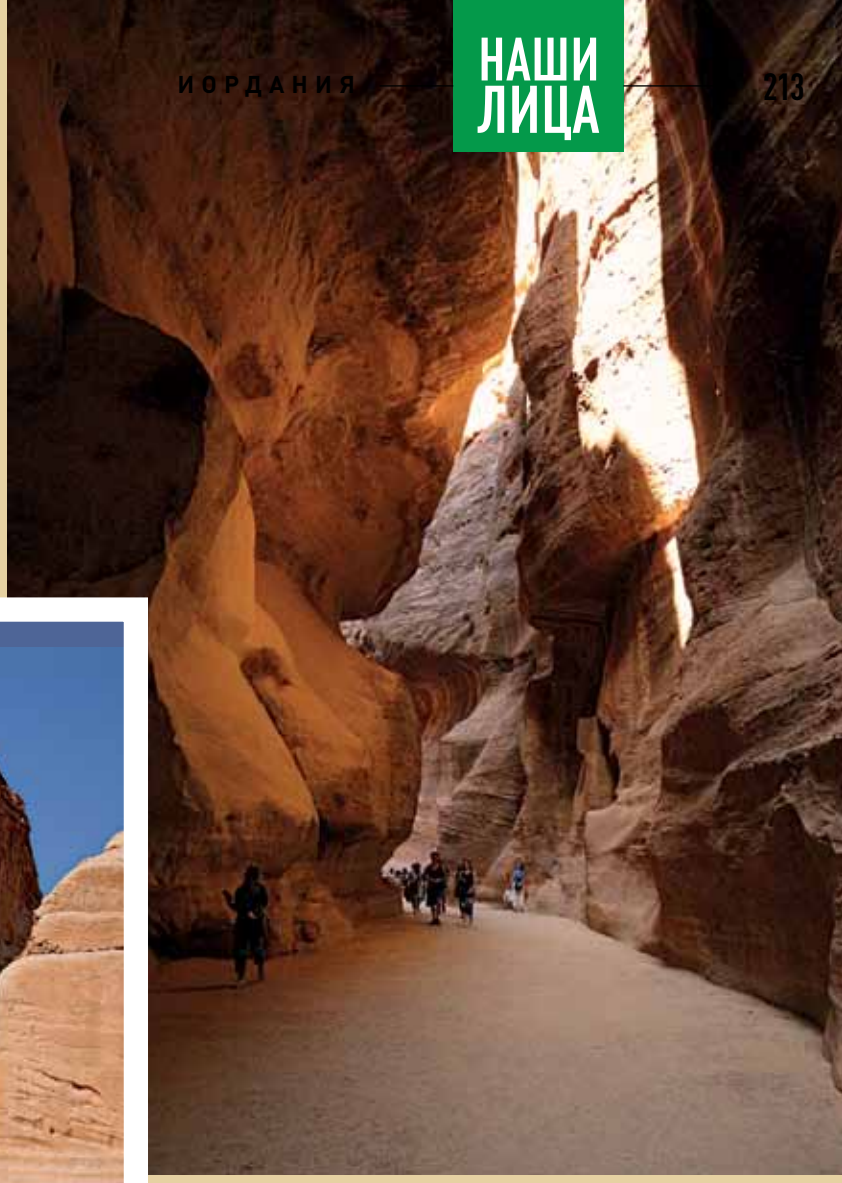
Иордания – одна из самых колоритных стран Ближнего Востока. Упоминания о ней есть и в Ветхом, и в Новом заветах. Десятки тысяч древних памятников сохранились в ее городах и селениях.

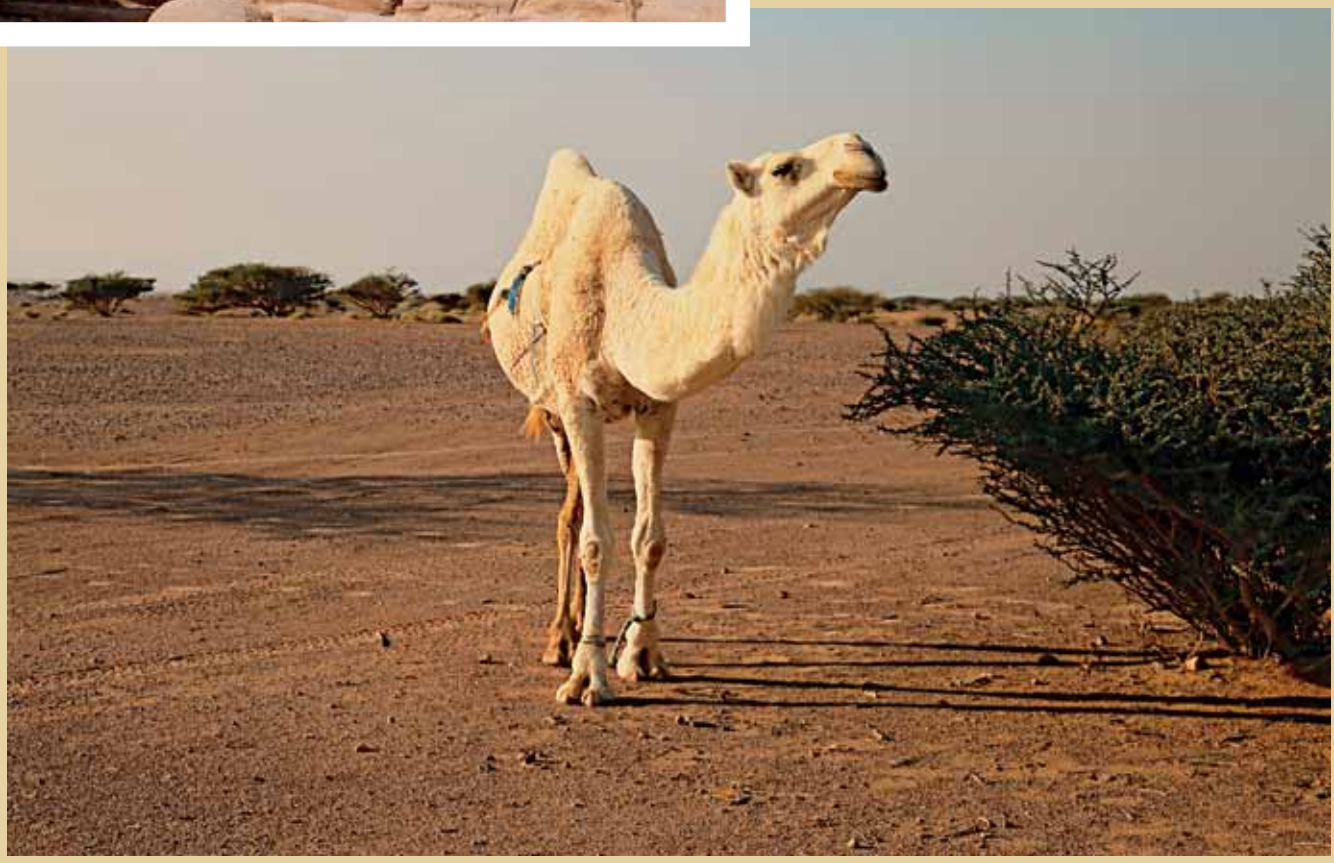

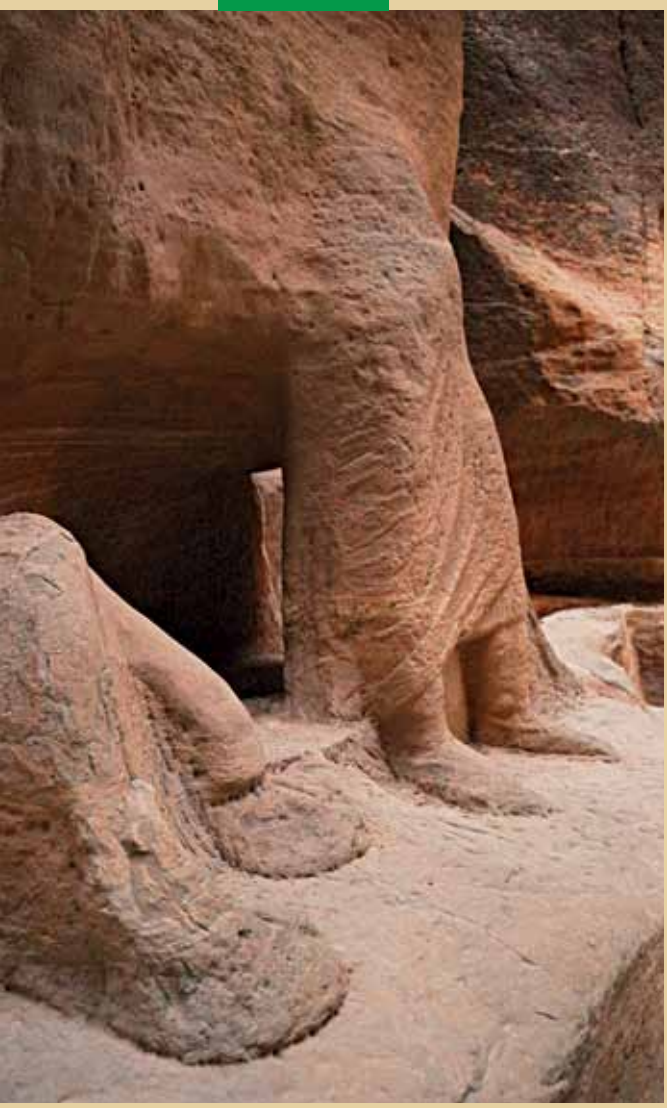

Через Иорданию во все времена проходили важнейшие торговые пути. Она принимала представителей многочисленных народностей, которые оказали влияние на архитектуру, культуру, историю этой страны.
Петра – древний город, название его буквально переводится как «скала». В 2007 году Петра была объявлена одним из Новых семи чудес света.

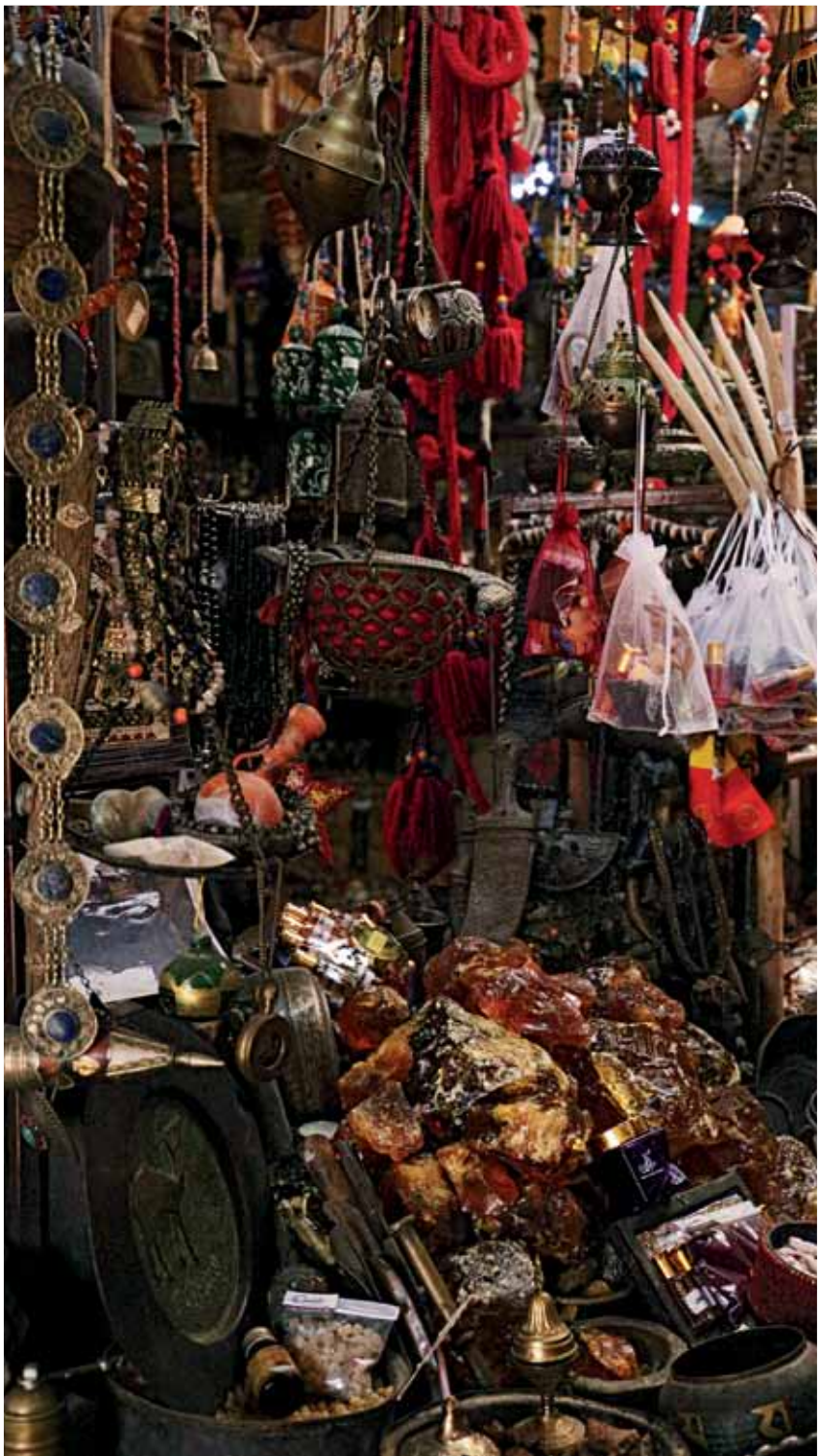

Нашим гидом в Петре стал Самир – президент Ассоциации гидов Иордании. Он прекрасно владеет русским языком, в 80-е успешно учился и окончил МАДИ (Московский автодорожный институт). Наш гид порадовал не только блестящей эрудицией и отличным знанием исторических перипетий. Он оказался человеком с отменным чувством юмора. Поэтому переезды и переходы мы преодолевали в нескучных разговорах.

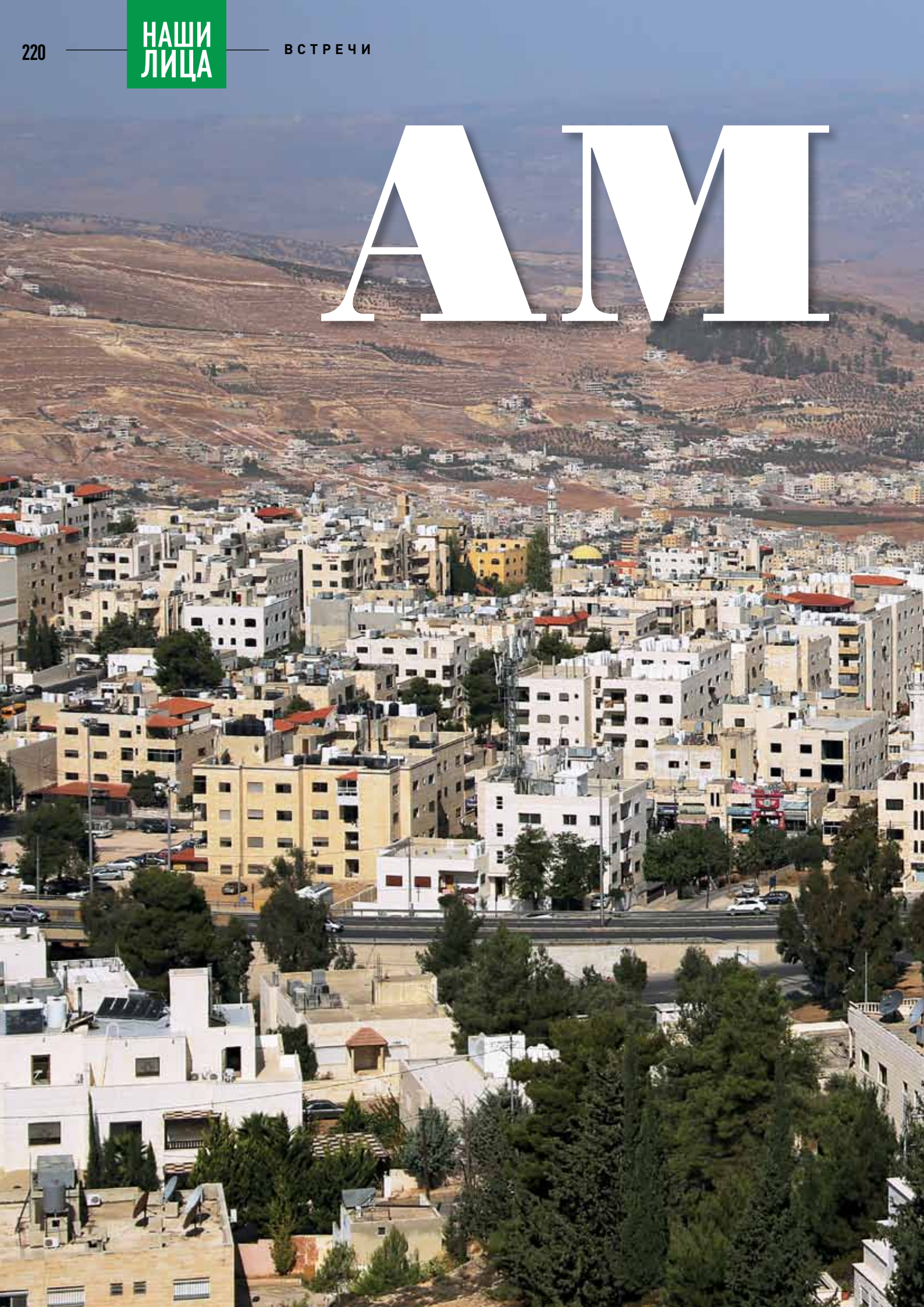
У Самира в Иордании жена, двое детей, что для этой мусульманской страны нехарактерно – очень мало. Это же обстоятельство печалит и его маму, у которой 11 детей и уже 38 внуков. Она откровенно расстраивается и говорит сыну: «Ты один живешь! Двое детей – это же пустой дом!..» В этот момент я вспоминала о знакомых ингушских семьях, для которых дети – главное богатство. И законы гостеприимства ингуши чтут так же свято, как и иорданцы. Приезжего и на Кавказе, и на Ближнем Востоке окружат заботой и вниманием. И застолье будет долгим и насыщенным, гость и тут, и там почувствует себя дорогим и долгожданным.

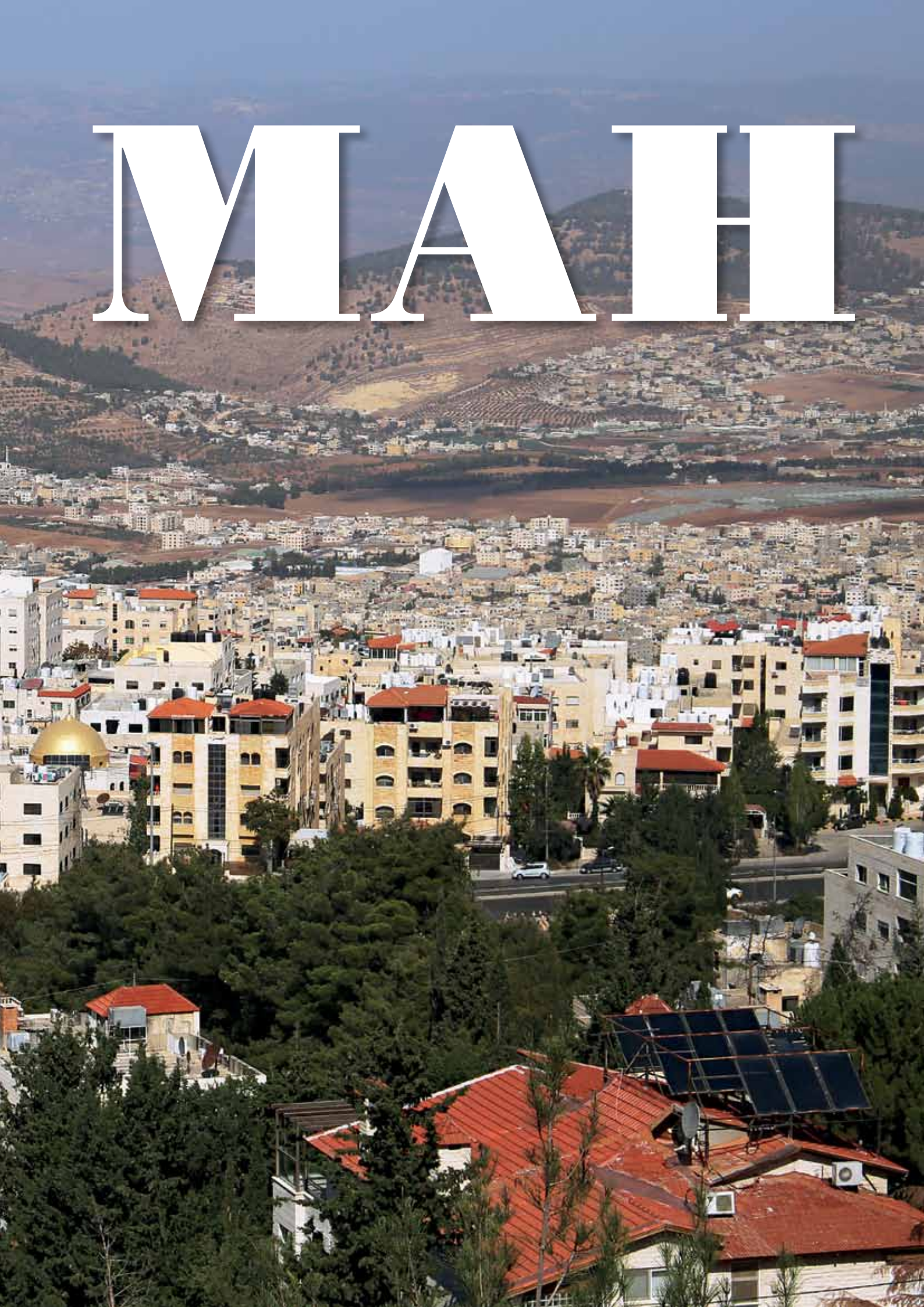

АМ

MAH

ВОТ МЫ И В ИОРДАНИИ – НЕ САМОЙ ПОСЕЩАЕМОЙ РОССИЙСКИМИ ТУРИСТАМИ СТРАНЕ, А ЗНАЧИТ, ТЕМ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНОЙ. РАССКАЖУ О СВОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ – ПОВЕРХНОСТНЫХ, КОНЕЧНО, НО СОХРАНЯЮЩИХ НЕЗАМУТНЕННОСТЬ СВЕЖЕГО ВЗГЛЯДА, А ГЛАВНОЕ – О ВСТРЕЧАХ НА ЭТОЙ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ

Верность – их второе имя

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА

Перелет из Антальи в Амман занял полчаса: в 00.45 взлетели – в 1.15 приземлились. Тем, кто всё же соберется сюда, надо учесть пару моментов. Перед прохождением паспортного контроля необходимо приобрести визу, которая стоит 40 динаров. Вообще-то, очень недешево. Страна считается бедной, но всё, что можно брать от туризма, похоже, берет, не стесняясь. Кстати, о валюте Иордании. Динар – здешняя денежная единица – делится на 100 пиастров. Мы были несколько ошарашены, когда тут же, в аэропорту Аммана, протянув в обменнике 20 наших российских тысяч, обратно получили 139 их динаров и несколько пиастров – это за вычетом комиссии. Оказалось, что 1 динар стоит 100 рублей. Опытные люди говорят, что лучше брать с собой доллары, а деньги менять все-таки в банке и ни в коем случае не в отеле и не в аэропорту – там самый невыгодный курс. Но когда ж нам было думать о выгоде, не за этим прилетели...

Амман располагается на северо-западе Иордании, в 35 километрах от Мертвого моря. Это один из древнейших городов на нашей планете, его история началась как минимум в XIII веке до нашей эры. Уже тогда Раббат-Аммон (так он тогда назывался) был столицей Аммонского царства. За время своего долгого существования город неоднократно переходил из рук в руки, будучи завоеванным то ассирийцами, то персами, то греками, то египтянами, то римлянами. Одно время город носил имя, данное ему египетским правителем, – Филадельфия. В VIII веке был почти полностью разрушен несколькими землетрясениями и просуществовал в виде деревни на руинах до XIX века. Лишь в 1887 году город начал восстанавливаться и разрастаться, пока в 1946-м наконец-то не стал столицей не-

зависимого нового государства – Иорданского Хашимитского Королевства.

Памятуя о множестве землетрясений, жилые здания здесь строят не выше пяти этажей и только из белого известняка. Хотя есть, конечно, и кварталы с небоскребами. Это, как правило, офисные здания, отели, торговые центры. Они возведены по новой, сейсмоустойчивой, технологии и предназначены не для постоянного проживания. Я слышала, что иорданской столице хотят вернуть старое название – «Белый город». Оно ей очень подходит.

Амман изначально строился на 7 холмах, сейчас же, с увеличением размеров города, их, как говорят, насчитывается уже 38. Страна бедная, у нее мало своих природных ресурсов. Состоятельные семьи при Османской империи получили земли, недвижимость, награды, должности. Земля резко подорожала после иракской и сирийской кампаний: участки, которые стоили 500 динаров, стали стоить 150 тысяч динаров.

Мы поселились в Jabal Amman Hotel (Heritage House). Это небольшой отель в престижном районе Аммана, совсем рядом с домом, где в ноябре 1935 года родился и вырос бывший король Иордании Хусейн. А с виду это совсем обычный, скромный дом, совершенно не похожий на резиденцию. Рассказывают, что по королевским меркам эта семья тогда была просто нищей – как-то Хусейну даже пришлось продать подаренный ему родственниками велосипед...

ТЕПЛЫЙ ДОМ

В тот же день мы встречались с представителями ингушской диаспоры. Она состоит примерно из 30 человек, но имеет свои особенности. Среди ее представителей – успешные люди, генералы, профессор... Встреча состоялась в доме семьи Юсефа Мустафы Дарвиша (Евлоева). Вместе с адресом дома нам прислали и геолокацию на телефоне, предупредив, что таксисты по одному только адресу не всегда могут найти их дом. Мы сначала не поверили, но потом убедились в этом сами: Юсефу все-таки пришлось ориентировать водителя такси по телефону.

Место, где живет семья, – на возвышенности, отсюда открывается прекрасный вид на город. Дом тоже оказался прекрасным. Расположен он по соседству с новой резиденцией короля. Впрочем, до этого мы еще доберемся, всему свое время.

Жена хозяина дома – из России. Роза – единственная в собравшейся компании, кто говорит и по-английски, и по-русски, поэтому ей пришлось поработать переводчиком, с чем она блестяще справилась и за что ей огромное спасибо.

Когда мы пришли, Юсеф, Роза и Осман (родной брат Юсефа) были втроем. Почти сразу подошла сестра Юсефа – Сафа. Минут через двадцать – еще двое интереснейших собеседников: генерал полиции Мурад Тахир Султан (Евлоев) и дальний родственник Юсефа, пилот гражданской авиации Фихми Юсеф Халил (Алмазов). Все они – ингуши.

Первое впечатление: принятые в арабском мире традиции гостеприимства гармонично соединились с ингушскими. Роза подала кофе «Сада», объяснив, что его подают сразу, и рассказала, почему здесь его принято наливать гостям в маленькие чашечки. Если подать полную чашу, это считается неприличным намеком на то, чтобы гость не засиживался. А в маленькую можно добавить кофейку, если гость особенным образом встряхнет чашечку при попытке долить. При этом кофе наливают исключительно правой рукой, использование левой руки для еды и питья не одобряется Кораном.

Было и застолье – как без него в ингушском доме! И в меню – тоже смешение традиций. Вот, например, арабское блюдо, которое в просторечии называется «перевертыш»: мясо, рис, картошку, баклажаны готовят в кастрюле, а потом переворачивают на красивое блюдо и посыпают орешками. А рядом с ним – ингушский чапильгаш и вполне интернациональные салаты из свежих овощей с пахучими, вкусными арабскими травами и приправами. Угощали нас церемонно, с соблюдением всех традиций. На десерт было подано знаменитое палестинское угощение «Канафа», которое очень любят иорданцы. А также фисташковое печенье к чаю и кофе, которое, согласно местному этикету, следует брать из коробки непременно салфеткой...

Первое впечатление: принятые в арабском мире традиции гостеприимства гармонично соединились с ингушскими

Юсеф с женой Розой (слева) и сестрой Сафой

Законы шариата здесь соблюдаются, но, вопреки расхожему мнению, иорданцы даже более светские, чем турки. Это небогатая страна, но люди в ней очень доброжелательные, хорошие. Повышенные меры безопасности в аэропорту мне объяснили близостью неспокойной Сирии, а в целом страна очень безопасная, беспокоиться не о чем.

Ингушей в Иордании, как уже говорилось, немного, всего около 30 человек, чеченцев – намного больше. «Мы братские народы, мы как одна семья», – объясняют мои собеседники. Браки между ингушем и ингушкой, как у Розы и Юсефа, – редкое явление в силу малочисленности диаспоры. Есть только еще одна такая семья, где муж и жена – чистокровные ингуши. Местные ингуши при вступлении в брак отдают предпочтение представителям кавказских диаспор.

МОЙ ГЕНЕРАЛ!

Роза Паланкоева, ингушка, бывшая москвичка с двумя высшими образованиями, рассказывает о своем муже с большим уважением, старается как можно точнее переводить его слова.

Юсеф – чистокровный ингуш, но он – подданный Иордании, родился и вырос здесь, мама – Полонкоева, отец – Евлоев. Он никогда не видел родовых башен, пока лишь мечтает об этом. Его

прадед – выходец из Ингушетии. Семья переместилась в Турцию, потом в Сирию, и уже отец Юсефа Мустафа, будучи 12-летним мальчиком, приехал в Иорданию, где впоследствии и обосновался, пустил корни.

У местных людей Юсеф пользуется авторитетом как исключительно честный и порядочный человек, который не пользуется никакими связями. Учился Юсеф в школе имени короля Хусейна. В 1981 году поступил в университет, на военную кафедру. Начинал службу в воздушных войсках. Сам не летал, был инженером. Четыре года обучал в колледже студентов, а потом перешел в лабораторию, которая работала над проблемой уменьшения рискованных ситуаций, связанных с авиационным топливом. Когда Юсеф поступил на работу, там была одна лаборатория и 26 человек, при нём же, как руководителе проекта, стало 7 лабораторий и 126 человек под его патронажем. Добился очень хороших результатов, был награжден, начал подниматься по служебной лестнице – вырос от майора до бригадного генерала (генерал-майора), здесь это называется «генерал одной звезды». Результат его трудов был также использован за границей, в том числе и в США. В 2014 году Юсеф достиг позиции генерала – это уникальный случай. В лаборатории о нём говорили: «У него мягкое рукопожатие, но стальной характер». Никому не позволял вертеть собой и всего достиг сам.

После того как закончил свою военную деятельность и ушел на пенсию, активно занялся делами ассоциации, которая поддерживает местную диаспору вайнахов, занимается благотворительностью. Члены благотворительного общества, в котором состоит Юсеф, встречаются достаточно часто. Как правило, для них готовят традиционную еду, они общаются, приглашают журналистов. Темы встреч озвучивают в телеэфире, в интернете, фейсбуке. Посещают пожилых людей, тех, кто болен, нуждается в помощи, стараются уделить внимание всем и каждому. Помогают не только вайнахам, но и христианам, представителям национальных меньшинств. Достаточно частые гости на фестивалях арабов. День рождения короля здесь является большим событием, поэтому ассоциация принимает активное участие в праздновании. И День независимости Иордании отмечают, это тоже очень важно.

...хоть мы и другой национальности, но душой мы иорданцы, патриоты этой страны, так как живем здесь. Это наша родина. При этом стараемся не забывать свои корни

«Мы хотим показать, что хоть мы и другой национальности, но душой мы иорданцы, патриоты этой страны, так как живем здесь. Это наша родина. При этом стараемся не забывать свои корни. Мы живем не в Ингушетии, но мы помним, что мы ингуши и что наши корни в России», – говорит Юсеф.

Роза о себе рассказывает коротко, но факты говорят сами за себя: «У меня два высших образования, первое историческое, я закончила ИнГУ, второе – дипломатическая академия. Проходила практику в МИДе. Работала в одном из банков Москвы вплоть до того, как вышла замуж. Занимаюсь живописью, это мое хобби».

То, что выходцы из Ингушетии активно представлены в силовых структурах страны – не случайность. Они же по природе своей воины, защитники. В бой – как на праздник!

Всего в семье Юсефа было 5 сестер и 4 брата. Самого старшего брата, Наифа, уже нет в живых. Исхак – профессор, доктор наук, специализируется на пищевой промышленности. Затем Осман – человек с интересным прошлым, сейчас возводит здания и дворцы как строитель. И Юсеф – самый младший из братьев.

Сафа – младшая из сестер, очень красивая женщина – тоже присутствовала при нашем разговоре. Ее специализация – экономика и социология. Успешно закончила иорданский государственный университет по специальности «социология». Учебу совмещала с воспитанием детей, ведь замуж вышла рано, в 18 лет. Как бы ни было трудно, университет не бросила – отец очень хотел, чтобы младшая дочь получила высшее образование, и она дала ему слово и сдержала его. После окончания университета Сафа несколько лет работала в японском благотворительном обществе, которое находилось в Аммане, их деятельность была связана с образованием для детей беженцев из Сирии. Сафа занимала две должности: программного менеджера и бухгалтера.

У Сафы прекрасные дети – три дочери и сын, рядом с дочками она выглядит как их сестра. Все три дочери также получили образование, закончили университет, сын пока еще школьник. И все очень успешны в учебе. Ее муж, до того как вышел на пенсию, был инженером-механиком в авиакомпании Royal Jordanian.

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ – САМОЛЕТЫ

Гости, пришедшие в дом, тоже оказались представителями самых мужественных профессий. Мурад Евлоев – генерал полиции. Фихми Юсеф Халил (Алмазов) – летчик, пилот гражданской авиации. Его брат Фикри Юсеф Халил – генерал авиации, а его дочь недавно получила звание полковника медицинской службы! К сожалению, Фикри был в отъезде и не смог присутствовать при нашем разговоре, но согласитесь, «крылатая» ингушская династия в арабской стране – факт замечательный!

То, что выходцы из Ингушетии активно представлены в силовых структурах страны – не случайность. Они же по природе своей воины, защитники. В бой – как на праздник! И мои собеседники подтвердили, что правящая королевская семья очень привязана к кавказцам – черкесам, ингушам и чеченцам. Их здесь по праву считают воинственными и честными, верными долгу, неспособными ударить в спину. Им доверяют, из них формируют официальную охрану короля. Если посмотреть на парадные выходы королевской семьи, можно увидеть, что ее охрана одета в черкесские костюмы.

Вайнахи прибыли в Иорданию примерно в 1903 году и поселились на равнине, где впоследствии возвели дома и образовали город Зарка. Так повелось, что вайнахский народ с 1916 года, когда принц Абдалла, который впоследствии стал Королем АбдаллойI, прибыл на территорию Иорданского государства, поддержал принца в борьбе за создание независимого иорданского королевства, которую начали предки ныне

Фото из семейного архива

Юсеф с сыном

Крайняя справа - сестра Юсефа Лейла Евлой с дочерьми. Живет в Америке, работает в школе. Мечтает посетить Ингушетию. У нее пять детей. Старшая дочь учится в университете

Фихми говорит, что скучает по Ингушетии, по ингушам, желает им мира, благополучия, здоровья

царствующего монарха Абдуллы II. Кавказцы еще в те времена защитили королевскую семью и с тех пор пользуются ее неизменным уважением и расположением.

Фихми Юсеф Халил (Алмазов) – младший из трех братьев – пошел по стопам старшего, учился в военно-воздушном училище в США и мечтал стать военным пилотом. Его брат Фикри Юсеф Халил (Алмазов) – генерал-лейтенант («генерал двух звезд»). Но их старший брат, пилот, погиб в автокатастрофе – да, такая злая ирония судьбы: воздушный ас гибнет в обычной машине на земле! И потрясенная горем мать употребила все свои силы и связи, чтобы младший сын Фихми не стал пилотом истребителя или бомбардировщика. Она так боялась за его жизнь, боялась потерять его! И Фихми стал работать в гражданской авиации, четыре года был инструктором, обучал пилотов. Затем стал личным летчиком вип-персон, в том числе и королевской семьи. Он работал 9 лет в компании Arabwings, затем 16 лет трудился сразу на две авиакомпании. После этого представитель королевской семьи, которого звали Рашид, позвал его к себе, потому что хотел, чтобы его пилотом был настоящий ас. «Мы душой воины, но в то же время наши сердца очень мягкие и чуткие», – признается Фихми.

Фихми говорит, что скучает по Ингушетии, по ингушам, желает им мира, благополучия, здоровья. Он неоднократно посещал Ингушетию. В Иорданию его предки прибыли через Ирак, но сам Фихми родился уже здесь, в Иордании. У его деда Алмазова была своя собственная деревня, они были состоятельной семьей.

Слева направо: Осман, Мурад, Юсеф, Фихми

Второй гость, Мурад Евлоев, 28 лет работал в полиции, сейчас занимается бизнесом. Кавказцы по его манере ходить, двигаться, говорить сразу определяют, что это очень уверенный в себе человек, занимающий высокую позицию. Так оно и есть. Самое интересное, что он не был полицейским в общепри-

нятом смысле слова – детективом или следователем. Нет! Он работал в качестве архитектора, строил тюрьмы, полицейские участки. Контролировал каждый этап строительства, принимал решения, касающиеся безопасности, защищенности. Это огромная ответственность, и сейчас, будучи в отставке, он по-прежнему ответственен за каждый построенный объект.

Его жена – Муна Диб Досхоева из Сирии. Она тоже ингушка. Мама Муны, Самира, из тейпа Евлоевых. У Мурада и Муны два сына и две дочери, которые мечтают побывать на исторической родине. Сам Мурад был в Ингушетии дважды, второй раз – в прошлом году.

Вот так: силовик, а при этом – созидатель. Впрочем, не он один такой. Сейчас расскажу.

ВОИН И СТРОИТЕЛЬ

Родной брат хозяина дома Юсефа Осман Мустафа Дарвиш Г1алг1ай (Евлоев) во время нашей беседы сидел, слушал, наблюдал и улыбался, и у него было такое хорошее, доброе лицо! До его биографии дело дошло не скоро, но она оказалась поистине замечательной.

После службы в спецназе, где он, кроме прочего, в совершенстве освоил тхэквондо, Осман некоторое время был секьюрити, ответственным за безопасность принца Мухамеда, брата короля Хусейна. Затем его назначили на должность секьюрити иорданских международных авиалиний. Это были 70-е годы, тяжелые времена, произойти могло всякое, и он отвечал за безопасность во время полетов.

Однажды вместе со своим патроном и некоторыми чинами государства он летел с пересадкой через Великобританию в США. Как офицер охраны на борту, проверял и идентифицировал весь загруженный багаж. В аэропорту Хитроу в Лондоне, в ожидании продолжения полета, Осман находился рядом с багажом, когда его загружали в самолет. Вдруг раздался подозрительный шум и пошел дым из одной из сумок. Первая мысль – бомба! Осман тут же, рискуя своей жизнью, схватил сумку – он был единственным, кто сделал это, – и отбежал вместе с ней подальше от самолета и от пассажиров. Он не знал, сколько у него времени, секунд, минут, взорвется ли механизм в его ру-

„... мы теперь будем скучать по Иордании. По Амману. И по этим прекрасным людям.

ках. У него в голове было одно: надо защитить людей! Отбежал, рискуя собой, подальше, на безопасное расстояние от людей, и отбросил сумку как можно дальше. Сумка, начиненная воспламеняющимся веществом, успела превратиться в пепел, пока прибыли минеры и пожарники. Осман чудом избежал ожогов. Когда он вернулся в Амман, за геройский поступок его наградили, повысили в должности и отправили в США в качестве личного секьюрити посла из Иордании, где он проработал два года.

Потом, по возвращении на родину, его переманил к себе принц Катара, шейх Абдалла, и Осман стал его личным телохранителем. Эта работа хорошо оплачивалась, но и риска хватало – надо было быть готовым в любую минуту отдать свою жизнь.

А потом пришло время для самого мирного и созидательного дела. Осман начал заниматься строительством. Сначала это было его хобби, потом стало профессиональной деятельностью. Он строит мечети, дома, дворцы, рынки, ограждения и прочее.

У Османа небольшая семья, два сына и две дочери. Удивительный все-таки человек, в котором уживаются великая доброта и сила, смелость, готовность к риску! Он – настоящий ас в тхэквондо, один корейский инструктор даже звал его тренироваться, работать и выступать в свою страну – Осман отказался. И он же, Осман, построил для детей в Аммане уменьшенную копию вайнахской башни.

Конечно же, мы поехали все вместе в город смотреть эту башню. Ее не разрешили строить очень высокой, чтобы она не закрывала вид на стратегическое здание по соседству, но, за исключением размера, выглядит она настоящей. Башня стоит в небольшом детском парке с горками, качелями, футбольным полем. Я посоветовала прикрепить на башенку табличку с пояснением, что есть такое прекрасное место на земле, называемое Ингушетией, где живут люди башен...

Мне было очень приятно, что иорданские ингуши выказали проекту «НАШИ ЛИЦА» уважение и благодарность за интерес к ингушской теме, что они симпатизируют русским в моем лице. Они – настоящие иорданцы, но при этом гордятся тем, что их корни – в ингушской земле. «Мы скучаем по Ингушетии, ингушам, желаем им мира и благополучия», – повторяли они на прощание.

А мы теперь будем скучать по Иордании. По Амману. И по этим прекрасным людям.

С ярким штрихом

Жанр комиксов популярен — это факт. За рубежом и издатели, и читатели любят их. Есть даже Библия в комиксах. И в этом выпуске, который рассказывает об ингушском зарубежье, мы решились на неожиданный эксперимент – публикуем комиксы, сделанные по ингушским легендам. На суд читателей выносим две.

Идея и исполнение принадлежит талантливой белорусской художнице Екатерине Мартинович (Кацярына Марціновіч). Ее работы появлялись в нескольких выпусках «НАШИХ ЛИЦ» с 2014 года. Впервые - в выпуске «Дикая дивизия. Ингушский полк», посвящённом 100-летию Первой Мировой. Тогда в журнале был переиздан роман Н. Брешко-Брешеовского «Дикая дивизия».

Помню, когда Катя прислала оригинальные, динамичные и очень точные иллюстрации к роману, я удивилась, насколько метко она ухватила суть и как нестандартно воплотила идею. И читатели также оценили стиль автора. Одним из доказательств того, что они понравились, стал факт их беспардонного тиражирования (а проще говоря, воровства) многими горе-авторами. Неоднократно видела их и на различных порталах, и даже в печатных изданиях. Рисунки Екатерины Мартинович пошли в народ. Это ли не лучшее признание?!

После этого уже ни один выпуск не обходился без нее. Но в этом выпуске читателей ждет, без преувеличения, эксклюзив. Читайте, смотрите, оценивайте, надеюсь, что мы вас вновь сумеем приятно удивить.

Родилась в 1976 году в Минске. С 5 лет знал, что будет художником и втайне от родителей сбегала на дополнительные уроки рисования. В 12 лет поступила в художественную школу, потом училась в Минском госуниверситете.

Екатерина – талантливый и опытный художник, она успешно участвовала во многих проектах, в том числе, международного уровня. С 17 лет начала работать в СМИ, с 19-ти - оформлять книги, а с 20 – участвовать в выставках. Она живет, рисуя. Свое кредо формулирует так: «Солгать можно словами, но не иллюстрациями. И ты молод до тех пор, пока способен удивляться».

Я рада, что в команде «НАШИХ ЛИЦ» есть именно такой человек, способный тонко и талантливо добавить яркий штрих!

Галгайская

ИНГУШСКАЯ

легенда

Однажды охотился молодой князь со своей дружиной из шестидесяти трех человек. Увлекшись охотой, он забрался далеко в лес, а когда к вечеру захотел вернуться домой, то увидел, что заблудился.

Долго они старались выбраться из леса, но безрезультатно...

Вдруг он заметил вдали тонкую струйку дыма, медленно поднимавшуюся между деревьев. Когда он подъехал ближе, то увидел среди леса одинокую саклю.

Князь слез с коня и вошел в дом.

Сакля была пуста, только в углу на полу сидела голубица.

Она, увидев князя, перепрыгнула через порог и перескочила в другую комнату.

Князь пошел за ней и увидел, как голубица, скидывая с себя перья, стала превращаться в девушку необыкновенной красоты.

Князь, пораженный увиденным, решил, что женится на ней, если у нее окажется энергия, соответствующая ее красоте. И он сказал ей:
- Красавица, со мной шестьдесят три дружинника, если ты успеешь с ног до головы одеть их, сшив им до заката солнца полное одеяние, то я женюсь на тебе.
Девушка кивнула согласившись и принялась за работу.

До заката солнца она сшила для воинов князя папахи, черкески, бешметы, ноговицы и чувяки. За исключением только одного чувяка.

А солнце не ждет, оно опускается все ниже и ниже.

И вот она просит Бога остановить ход солнца хоть на одно мгновение, пока она не дошьет последний чувяк.

Бог внял ее молитве, и солнце остановилось...

Девушка выполнила поручение и передала князю полное одеяние для всей его дружины. Князь очень обрадовался, что нашел себе достойную невесту.

На другой день он уехал домой
и сыграл свадьбу.

Трое суток продолжался свадебный пир.

По окончании свадьбы князь направился в комнату невесты. Там, в углу, около двери, стояла его молодая жена. Посреди комнаты, на низком столе, было блюдо из молодого барашка с грудинкой и кувшин хмельного напитка.

Князь подсел к столу, но как только дотронулся до блюда, раздался стук в окно.

Князь, ни слова не говоря, выскочил из комнаты и исчез на всю ночь.

Вернулся он домой только на рассвете. Когда он вошел в комнату, то даже не посмотрел на жену, которая так и стояла на том же месте. Он молча дошел до кровати и, не раздеваясь, завалился спать.
Проспал он до самой ночи. Проснувшись, он привел себя в порядок и опять подсел к столу.
Но не успел он прикоснуться к еде, снова, как и в прошлую ночь, раздался таинственный стук в окно. Князь вскочил и ушел на всю ночь.
Это повторилось и на следующую...
...и на следующую ночь.

Проведав о таинственных стуках в окно и исчезновениях сына по ночам, родители князя явились к невестке с расспросами. Она расплакалась и рассказала, как все происходит.

Тогда отец с матерью решили подкараулить сына. На следующую ночь они спрятались за дверью.

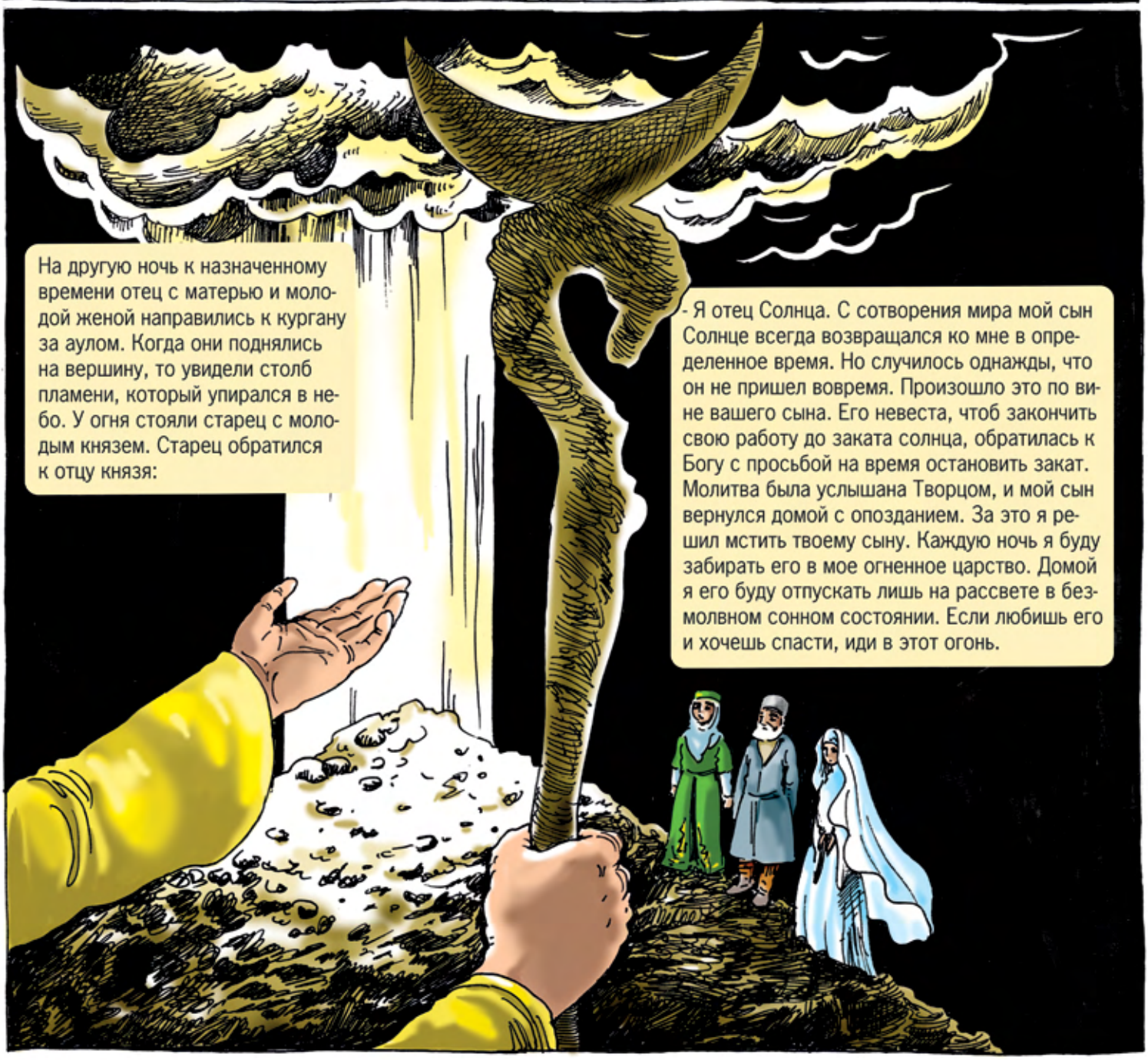
И когда в урочный час раздался таинственный стук в окно и сын выскочил из комнаты, они схватили его.

Молодой князь молча рвался к месту стука.
Но родители держали его крепко.
Тогда раздался еще стук.
Сын рванулся изо всех сил,
высвободился из рук родителей
и выскочил во двор.
Родители бросились за ним.

Тут, на крыльце под окном, они увидели высокого старца с длинной белой бородой.
Заметив родителей, старец сказал им:
- Отпустите его. Ваш сын должен следовать за мной. Если хотите видеть его, завтра в эту пору приходите с его невестой на курган, который стоит за аулом.
С этими словами он исчез вместе с молодым князем.

На другую ночь к назначенному времени отец с матерью и молодой женой направились к кургану за аулом. Когда они поднялись на вершину, то увидели столб пламени, который упирался в небо. У огня стояли старец с молодым князем. Старец обратился к отцу князя:
- Я отец Солнца. С сотворения мира мой сын Солнце всегда возвращался ко мне в определенное время. Но случилось однажды, что он не пришел вовремя. Произошло это по вине вашего сына. Его невеста, чтоб закончить свою работу до заката солнца, обратилась к Богу с просьбой на время остановить закат. Молитва была услышана Творцом, и мой сын вернулся домой с опозданием. За это я решил мстить твоему сыну. Каждую ночь я буду забирать его в мое огненное царство. Домой я его буду отпускать лишь на рассвете в безмолвном сонном состоянии. Если любишь его и хочешь спасти, иди в этот огонь.

Отец молодого князя много наговорил о своих чувствах и любви к сыну, но в огонь не пошел.

Тогда старец обратился к матери. Она также много говорила о своей материнской любви, о своих чувствах к сыну, но идти в огонь также отказалась.

Наконец настала очередь невесты. Отец Солнца обратился к ней:
- Если ты любишь и хочешь спасти своего избранника, иди в огонь.

Невеста ничего не сказала в ответ. Только скромно извинилась перед родителями жениха, молча закрыла глаза своей фатой и спокойно вошла в пламя.

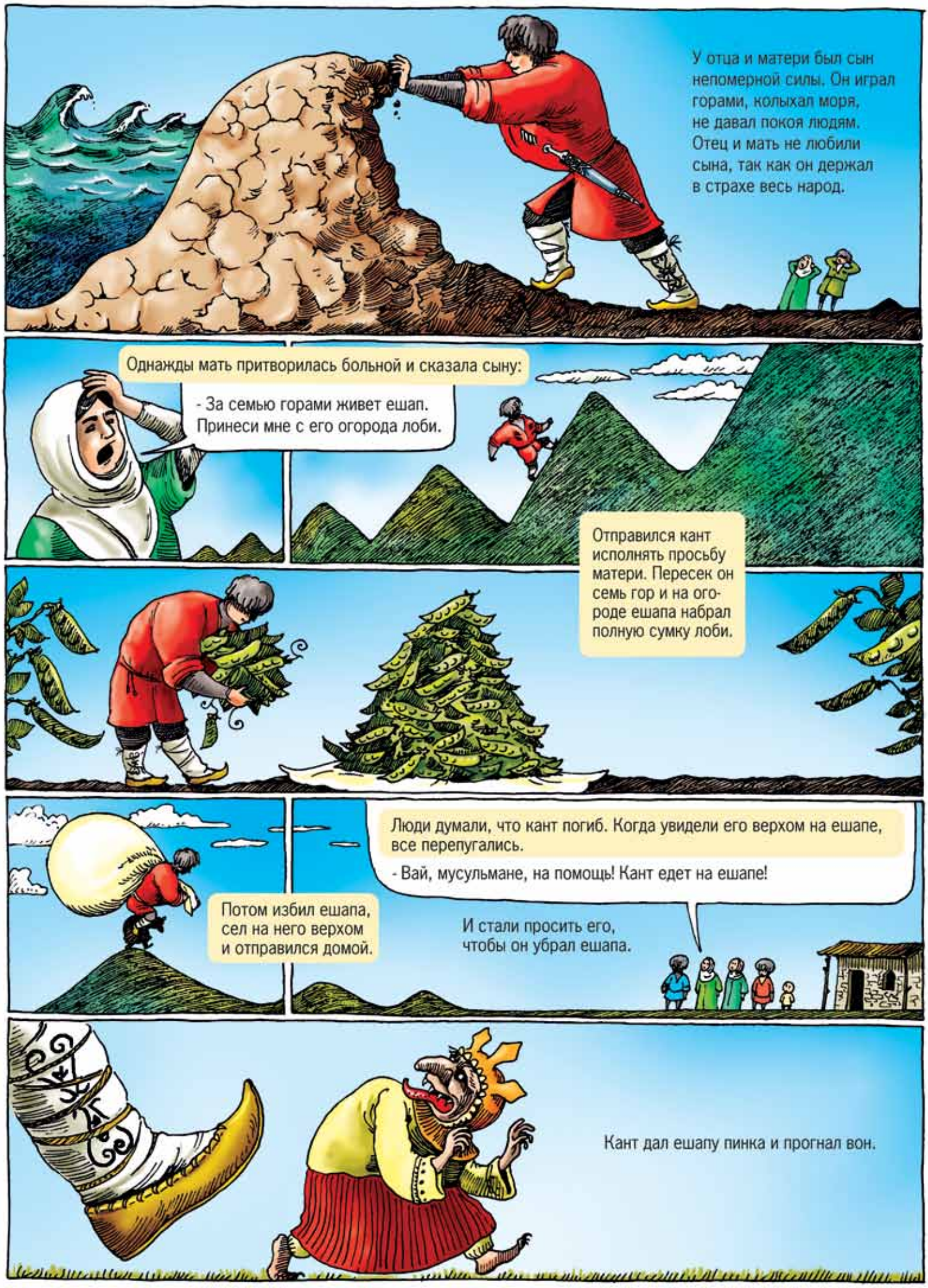

Пламя сразу же расступилось, и невеста невредимая стояла на вершине кургана.

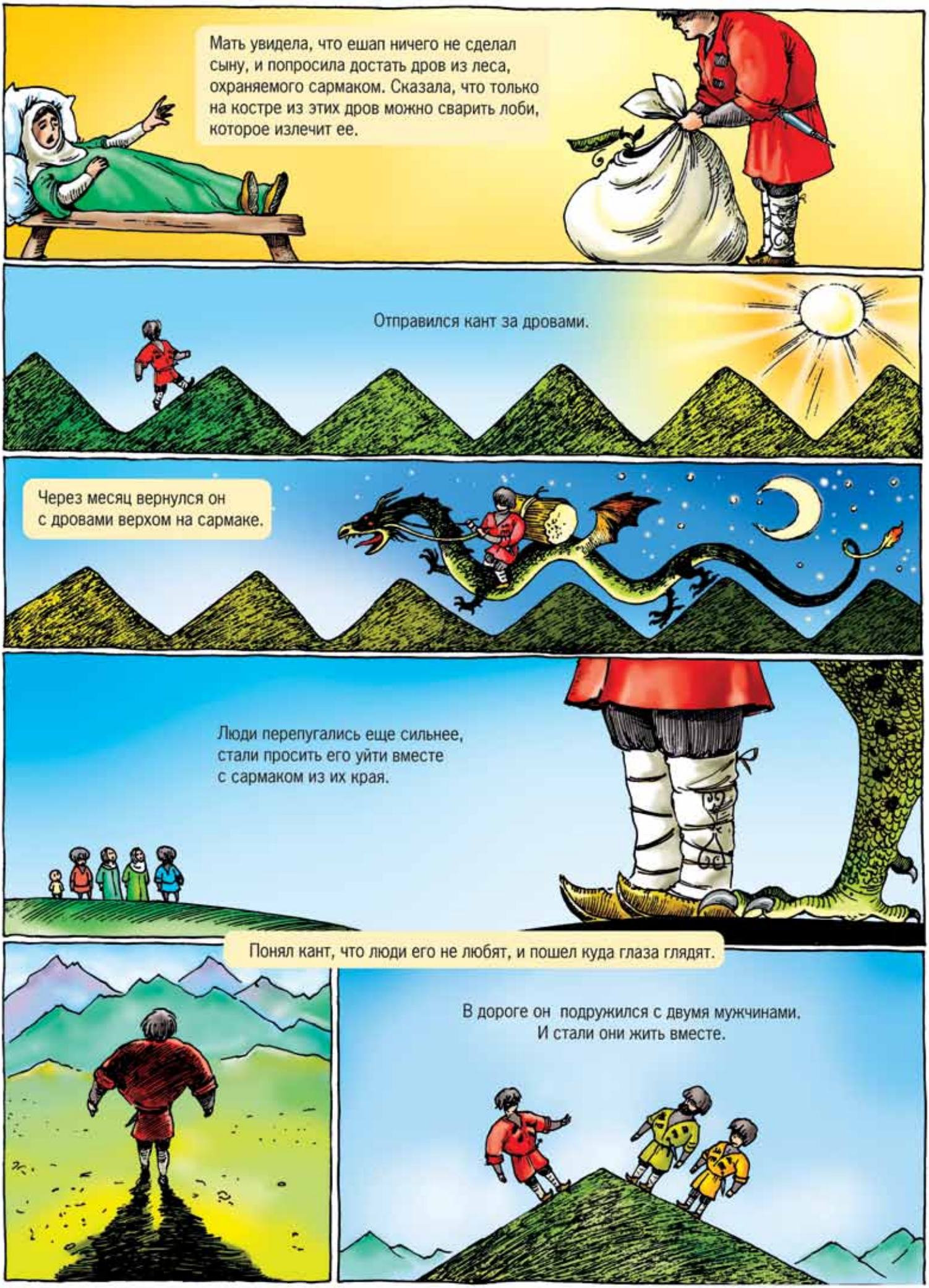

- Твоя любовь чище и сильнее огня. Бери своего жениха. Ты заслужила его. Пусть для счастья земли от тебя пойдет особое поколение стыдливых, чистых женщин, - сказал отец Солнца...

...и ушел в свое огненное царство.

Сильный кант

ЮНОША

У отца и матери был сын непомерной силы. Он играл горами, колыхал моря, не давал покоя людям. Отец и мать не любили сына, так как он держал в страхе весь народ.
Однажды мать притворилась больной и сказала сыну:
- За семью горами живет ешап. Принеси мне с его огорода лоби.
Отправился кант исполнять просьбу матери. Пересек он семь гор и на огороде ешапа набрал полную сумку лоби.
Потом избил ешапа, сел на него верхом и отправился домой.
Люди думали, что кант погиб. Когда увидели его верхом на ешапе, все перепугались.
- Вай, мусульмане, на помощь! Кант едет на ешапе!
И стали просить его, чтобы он убрал ешапа.
Кант дал ешапу пинка и прогнал вон.

Мать увидела, что ешап ничего не сделал сыну, и попросила достать дров из леса, охраняемого сармаком. Сказала, что только на костре из этих дров можно сварить лоби, которое излечит ее.
Отправился кант за дровами.
Через месяц вернулся он с дровами верхом на сармаке.
Люди перепугались еще сильнее, стали просить его уйти вместе с сармаком из их края.
Понял кант, что люди его не любят, и пошел куда глаза глядят.
В дороге он подружился с двумя мужчинами. И стали они жить вместе.

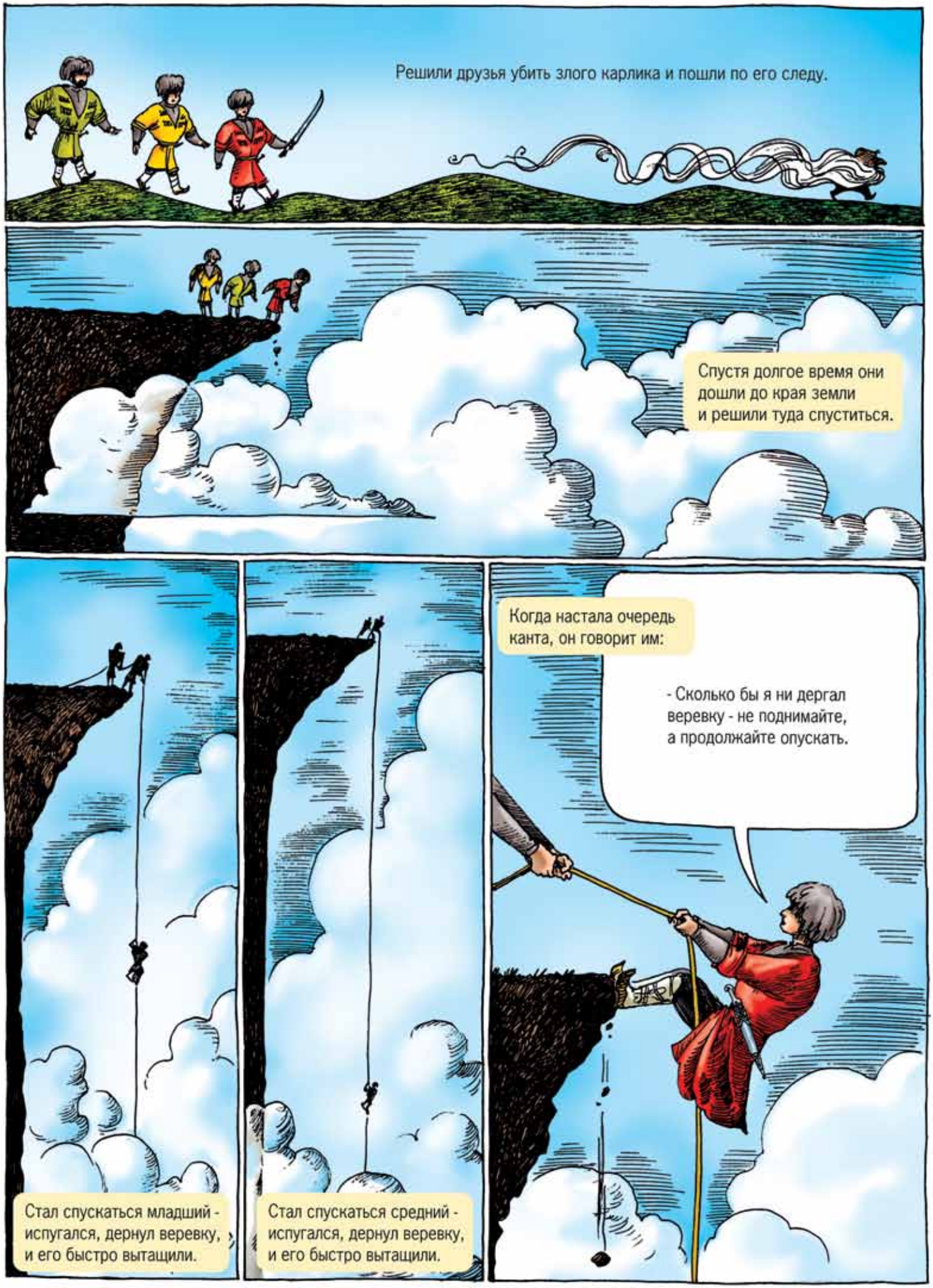

Однажды двое отправились на охоту, а младший остался дома, чтобы к их приходу приготовить еду.
В это время к нему зашел карлик ростом в локоть и с бородой в два локтя.
- Дай мне поесть!
Младший дал гостю немного еды.
Рассердился гость, вырвал из бороды волос, связал им младшего, съел всю приготовленную еду и ушел.
Вернулись старшие с охоты и спрашивают:
- Приготовил ли ты для нас еду?
- Приготовил было, да все мухи и слепни съели...

На второй день
оставили дома среднего,
а двое других ушли
на охоту.

Приготовил еду средний.
Как и в первый день, пришел карлик,
связал волосом из бороды
среднего, все съел и ушел.

На третий день дома
остался турпал-кант.
Только он приготовил еду,
как вошел
карлик с бородой.

Хотел он связать
турпал-канта, как двух других, но тот
ударил его шашкой и ранил.
С трудом уполз карлик.

Решили друзья убить злого карлика и пошли по его следу.
Спустя долгое время они дошли до края земли и решили туда спуститься.
Стал спускаться младший - испугался, дернул веревку, и его быстро вытащили.
Стал спускаться средний - испугался, дернул веревку, и его быстро вытащили.
Когда настала очередь канта, он говорит им:
- Сколько бы я ни дергал веревку - не поднимайте, а продолжайте опускать.

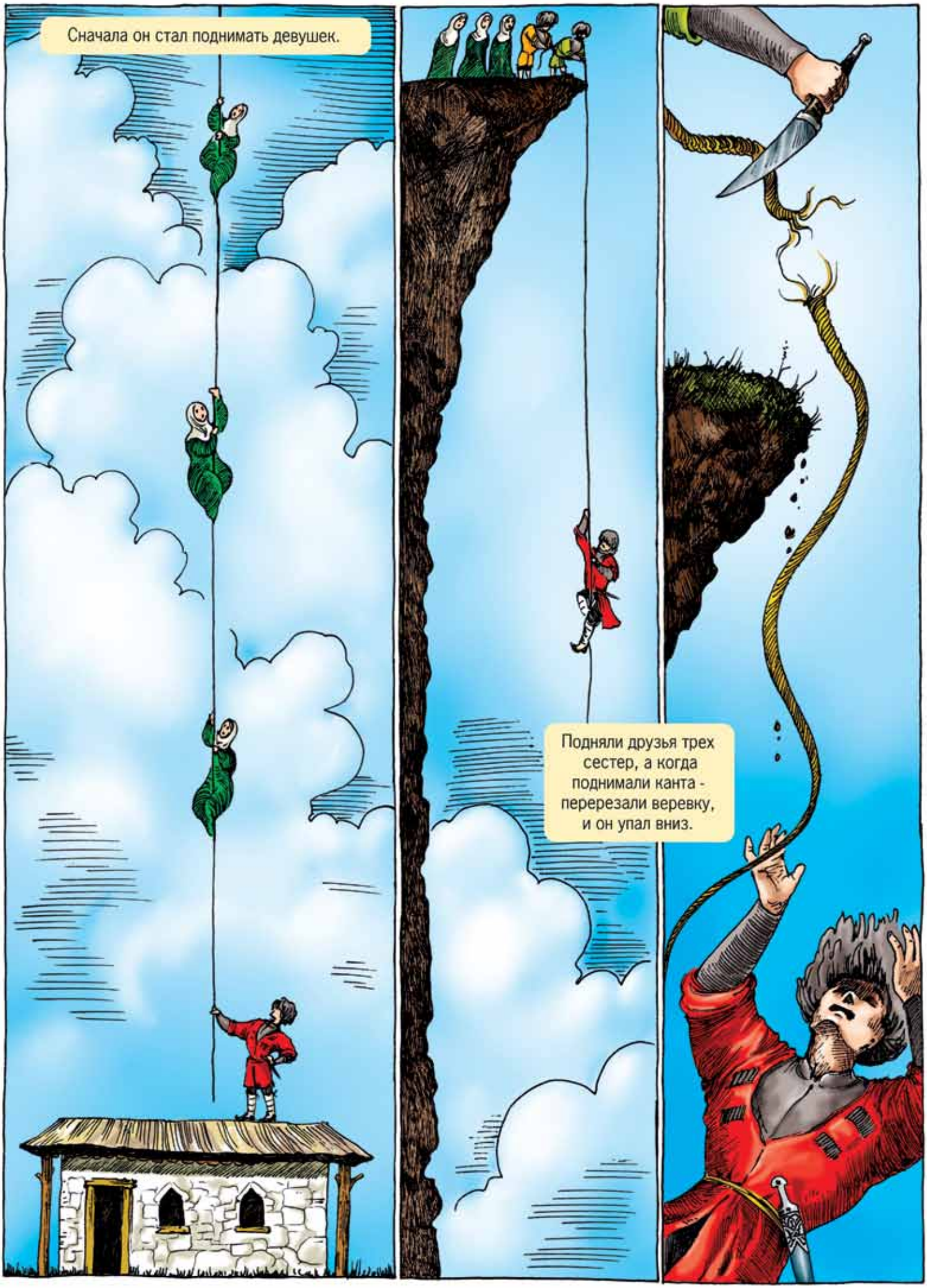
Долго он спускался
с края земли.

Пока не опустился
на крышу одного дома.

Рядом с домом он увидел
спящего человека, который
охранял трех красавиц.
Кант отрубил ему голову
и решил подняться с тремя
сестрами в верхний мир.

Сначала он стал поднимать девушек.
Подняли друзья трех сестер, а когда поднимали канта - перерезали веревку, и он упал вниз.

К нему подошла незнакомая девушка и сказала, что недалеко на лугу пасутся три барана. Если схватить за ногу белого барана, то окажешься в верхнем мире, черного - попадешь в нижний мир, а серого - останешься здесь.
Кант схватил за ногу черного барана...
...и очутился в нижнем мире.
- Как вы здесь живете? Здесь же нет ни капли воды!
- У нашего источника залег сармак, и мы не можем освободиться от него.
Пришел кант к источнику и увидел сармака, одна челюсть которого упиралась в небо, а другая - в землю. Стал сармак обдавать канта огнем. Ударом шашки кант разрубил челюсть сармака, всадил в него шашку и ушел.

Каждый из местных жителей стал приписывать этот поступок себе.

- Хорошо, пусть тот, кто убил сармака, вырвет всаженную в него шашку.

Но никто не мог даже шевельнуть шашкой. Тогда кант легким движением вырвал шашку и попросил, чтобы люди помогли ему подняться в верхний мир.

- На высокой чинаре сидит сокол, - сказали канту.
- Он может поднять тебя в верхний мир.

Сказал сокол канту:
- За то, что ты убил сармака, я подниму тебя в верхний мир, а ты зарежь девять буйволиц, приготовь мясо, а в их шкуры набери воды. Скажу «цик» - напоишь водой, скажу «как» - дашь мяса.

Летели они, летели, и закончились у канта и мясо, и вода.

В последний раз сказал сокол «цик» - кант вырвал свой глаз и дал ему, сказал сокол «как» - оторвал икру своей ноги и дал ему.

- Вкусным был последний кусок мяса, - сказал сокол.

- Это икра моей ноги.

- Влезь в мой клюв.

Кант влез, а сокол выплюнул его живым и здоровым и принес в верхний мир.

Кант убил своих бывших друзей, женился на девушке и стал жить сладко.

Гулги-булги им.
Белый скот - нам!

Эмигранты последней волны,
Убежавшие от неуюта
Наплевавшей на граждан страны,
Где еще не закончилась смута,
Кто за деньгами, кто за мечтой,
Кто за славою, кто за свободой,
Кто от жизни бесцветной, пустой,
Кто от свинства властей и народа.

Не сломаться и сделать судьбу
На чужбине - как это непросто!
На своем испытали горбу
Положенье незваного гостя.
В ткань чужую не сразу вплелись,
Пересилив души отторженье.
И что все-таки сделали жизнь,
Вы достойны к себе уваженья.

Вам отныне не нужно таить
Свои чувства к вчерашней отчизне
С тем, чтоб душу зазря не травить
В разломившейся надвое жизни.
В вас не вызовет острую боль
Редкий приступ былой ностальгии,
Вы вжились в свою новую роль
В новой жизни, уже без России.

Шлю привет вам, мои земляки,
Да не будьте помянуты лихом!
Никому вы здесь не должники,
Как по ветру летящие листья.
Увезли вас судьбы корабли
Далеко от родного причала,
Но в душе вы своей сберегли
Ту любовь, что нас всех повенчала.

Игорь Крылов